
Мария Тереза Джусти

**ИТАЛЬЯНСКИЕ
ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В СССР 1941-1954**

СЕРИЯ
BIBLIOTHECA ITALIANA

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Мария Тереза Джустини

**ИТАЛЬЯНСКИЕ
ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В СССР 1941-1954**

Авторизованный перевод
и научная редакция **Михаила Талалая**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 94(450).094/095
ББК 6.3.3(0)6(4Ита)
Д42

Настоящее издание является дополненной новыми сведениями
русской версией книги того же автора:
М.Т. Giusti, I prigionieri italiani in Russia (Bologna: il Mulino, 2003).

Перевод на русский язык осуществлен благодаря финансовой поддержке
Департамента социальных наук Университета им. Габриэле Д'Аннунцио,
Кьети — Пескара (Италия).

Джусты М. Т.

Д42 Итальянские военнопленные в СССР, 1941–1954 / Мария Тереза
Джусты ; под ред. Михаила Талалая, пер. Михаила Талалая. — СПб. :
Алетейя, 2010. — 272 с. — (Серия «Bibliotheca Italiana»).

ISBN 978-5-91419-272-0

Впервые во всей полноте воссозданы одни из самых трагичных и
малоизвестных эпизодов Второй мировой войны и послевоенного пе-
риода: Русский поход Муссолини, пленение солдат Итальянской армии
в России (ARMIR), их содержание в плену, трудная репатриация для
немногих. Исследование базируется на вновь открытых архивных ис-
точниках, на личных встречах автора с ветеранами Русской кампании
и на обширной мемуарной и исторической литературе.

УДК 94(450).094/095
ББК 6.3.3(0)6(4Ита)

На лицевой стороне обложки — отступление ARMIR
(кадр из кинофильма «Подсолнухи»; реж. Витторио Де Сика, 1970 г.);
на обороте обложки — пленные из дивизии «Сфорцеска», август 1942 г.

ISBN 978-5-91419-272-0

9 785914 192720

- © Мария Тереза Джусты, 2003
- © Виктор Заславский, предисловие, 2010
- © Михаил Талалай, авторизованный перевод,
научная редакция и послесловие, 2010
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
- © «Алетейя. Историческая книга», 2010

Предисловие

Молодая итальянская исследовательница, профессор современной истории из университета г. Кьети, Мария Тереза Джугсти, посвятила пять лет изучению одного из самых трагических эпизодов в истории советско-итальянских отношений: судьбе итальянских военнопленных в СССР во время и после Второй мировой войны. Ее работа стала возможной после распада Советского Союза, когда «архивная революция» открыла богатейшие советские архивы, ранее не доступные историкам.

В течение полувека после конца войны десятки тысяч итальянских солдат и офицеров, воевавших на Восточном фронте, считались «без вести пропавшими». Сотни тысяч их родственников и друзей продолжали надеяться на их возвращение или, по крайней мере, узнать место их погребения.

Муссолини, как союзник Гитлера, послал на Восточный фронт армию численностью в 230 тысяч человек. Советские войска во время зимнего контрнаступления 1943 года разгромили итальянскую армию, которая отступила с большими потерями. По сообщениям ТАСС советские войска взяли в плен более 80 тысяч итальянцев. Эту же цифру приводила и издававшаяся в Москве эмигрантами-коммунистами на итальянском языке газета «L'Alba». Советское правительство отказывалось давать какие-либо сведения о судьбе этих военнопленных даже после того, как Италия 8 сентября 1943 года вышла из войны и разорвала союз с нацистской Германией. Как писал в мае 1945 года итальянский посол в Москве Пьетро Куарони министру иностранных дел Альчиде Де Гаспери, «ситуация вокруг наших военнопленных [в России] окружена тайной».

В сентябре 1945 года советское руководство неожиданно для итальянской стороны начало поэтапную репатриацию итальянских военнопленных. В июле 1946 года вернулась последняя большая

группа военнопленных, в основном офицеров, и после этого репатриация остановилась.

Когда в декабре 1946 года представитель советского Министерства иностранных дел заявил, что репатриация закончилась и что в СССР осталась только маленькая группа военнопленных, рассматриваемых как военные преступники, это вызвало взрыв негодования в Италии. За время репатриации вернулось чуть больше 10 тысяч военнопленных, куда же делись остальные?

В Италии поползли слухи, что десятки тысяч итальянских солдат и офицеров находятся где-то в сибирских лагерях и что советские власти не собираются их возвращать. У зданий советского посольства и консульств в Италии начались митинги протеста родственников военнопленных. Трагедия семей, продолжавших надеяться на возвращение без вести пропавших, усугублялась политическими спекуляциями различных партий, использовавших проблему военнопленных в собственных целях.

Джуги после многолетней работы в российских и итальянских архивах, анализа мемуарной литературы и опроса свидетелей разрешила загадку судьбы военнопленных. Реальность оказалась проще и трагичнее, чем это виделось в Италии в первые послевоенные годы. Никаких итальянцев, задержанных в Советском Союзе, не было, если не считать несколько десятков человек, вернувшихся в Италию после де-сталинизации. Из России вернулись все, кто выжил в плену. Как показала Джуги, многие из взятых в плен погибли по дороге в лагеря военнопленных. Советское командование старалось как можно быстрее перебросить военнопленных в тыл, ибо опасалось, что в случае контратаки они могли бы быть освобождены и усилить войска противника. Никаких транспортных средств для перевозки военнопленных к железнодорожным станциям не было. Военнопленные, среди которых было много раненных, обмороженных и больных, должны были идти пешком многие километры по степи при морозе, доходящем до минус 30°. Тех, кто не мог идти, пристреливали конвоиры, имевшие жесткий приказ доставить пленных в кратчайший срок к месту транспортировки. Этот переход получили в итальянской литературе имя *marcia Davaj* (марш давай), от команды «давай», которой конвоиры торопили пленных. Кроме того, после наступления на Дону и разгрома немцев под Сталинградом общее число военнопленных достигло сотен тысяч. Справиться с этим количеством войска НКВД не могли. Не хватало ни конвоиров, ни транспортных средств, ни даже продовольствия для военнопленных.

Но и положение в лагерях для военнопленных зимой и весной 1943 года не было лучшим. В лагерях не хватало пищи и топлива, не была медикаментов. Смертность среди итальянских военнопленных в лагерях достигла 56,5 % и была в четыре раза выше средней смертности среди пленных немцев. Как справедливо отмечает Джустини, это не было следствием жестокого обращения. Вся группа итальянцев попала в лагерь в самый тяжелый момент войны, когда лагерь только начали организовываться и когда продовольствия и медикаментов даже не хватало для Советской армии и населения. В этих условиях снабжение лагерей военнопленных не могло быть первоочередной задачей. Начиная с лета 1943 года ситуация в лагерях улучшилась, но значительная часть пленных уже пала жертвой эпидемий и плохого питания.

Могли ли итальянские коммунисты, в особенности такие высокопоставленные руководители Коминтерна, как Пальмиро Тольятти, секретарь итальянской компартии, облегчить положение своих пленных соотечественников?

Джустини приводит исключительно интересный обмен письмами между итальянским представителем при Коминтерне Винченцо Бианко и Тольятти. Бианко, обеспокоенный ужасающими условиями в лагерях и колоссальной смертностью среди военнопленных, обратился с письмом к Тольятти, прося секретаря Коминтерна «найти пути и средства <...>, чтобы остановить массовую гибель военнопленных». Ответ Тольятти раскрывает характер тоталитарной ментальности, которая объединяла сталинское руководство и руководство Коминтерна: «Нет никаких сомнений в том, что итальянский народ отравлен империалистической, разбойничьей идеологией фашизма. <...> Тот факт, что для тысяч и тысяч семей развязанная Муссолини война, и прежде всего экспедиция в Россию, закончится трагедией и личным горем, является лучшим и наиболее эффективным из противоядий». Согласно Тольятти, смерть военнопленных будет иметь положительный педагогический эффект и даст мощный стимул для развития социалистического движения. Это типичный марксистско-ленинский подход, когда абстрактные категории класса и массы отрицают индивидуум и само понятие индивидуальной вины и ответственности.

Как показала Джустини, итальянская коммунистическая партия пыталась поставить под свой контроль процесс возвращения военнопленных на родину в Италию. Решение советского правительства вернуть основную массу военнопленных уже во второй половине 1945 — начале 1946 годов без консультации с «итальянскими товарищами» вызывало

раздражение среди руководства ИКП. Лидеры коммунистов справедливо опасались, что репатриация военнопленных, знакомых по собственному опыту с ситуацией внутри сталинского Советского Союза, подорвет самые основы коммунистической пропаганды. Эта пропаганда, представлявшая жизнь в СССР в розовом свете, стремилась доказать, что уровень жизни при социализме гораздо выше, чем в капиталистических обществах Европы и Америки. Она была эффективна до тех пор, пока советское общество было полностью закрытым и рядовые итальянцы не могли своими глазами увидеть и оценить уровень жизни населения. Итальянские военнопленные подтверждали, что с советской стороны не было ни мстительности, ни преследований против них, но общая картина жизни в СССР, которую они передавали итальянскому населению, разрушала иллюзии о социалистическом образе жизни, культивируемые пропагандой ИКП. Репатриированные военнопленные и их информация стали немаловажным фактором поражения коммунистов в решающих выборах в апреле 1948 г.

Работа Джусты представляет весомый вклад не только в исследования русско-итальянских отношений, но и в изучение Второй мировой войны и проблемы военнопленных в целом. Сейчас перед российской исторической наукой стоит задача детального исследования судьбы советских военнопленных во время и после войны. Безусловно, масштабы проблемы исследования ситуации миллионов советских военнопленных не сравнимы с проблемой нескольких десятков тысяч итальянцев. Тем не менее, исследование Джусты послужит полезным примером и стимулом и для работы российских историков.

Виктор Заславский,

профессор,
Свободный международный университет
социальных наук 'Luiss Guido Carli' (Рим)

Вступление

Русский поход Муссолини всегда волновал итальянскую общественность: почти в каждой семье был отец, сын, родственник, друг, пропавший в бескрайнем Советском Союзе. В народной памяти разгром итальянской армии оставил глубокую травму, а историкам и исследователям — нелегкую задачу его осмыслить. Естественно, что с 1940-х гг. и вплоть до сегодняшнего дня в Италии выходило и выходит множество публикаций на эту трагическую тему: можно смело сказать, что, к примеру, мемуарная литература участников Русском кампании не имеет себе равных по обширности в этом жанре.

Не будем перечислять книги, вышедшие в прошлом и теперь труднодоступные — ведь даже сейчас, в XXI столетии, более 60 лет спустя после окончания войны, продолжают публиковаться новые воспоминания и исследования. Что касается современной историографии, то в первую очередь укажем на недавнюю книгу Джорджо Скотони «Красная Армия и разгром итальянцев»¹, освещающую операции итальянских войск на Дону, и на книгу немецкого исследователя Томаса Шлеммера «Итальянцы на Восточном фронте»².

Не можем не упомянуть публицистическое расследование Франческо Бигацци и Евгения Жирнова «Последние 28»³, первыми поставивших

¹ *Scotoni G.* L'Armata Rossa e la disfatta italiana. 1942–43. Trento: Panorama, 2007.

² *Schlemmer Th.* Die Italiener an der Ostfront [Итальянцы на Восточном фронте], 1943/43. München: Oldenbourg Verlag, 2005; итал. изд.: *Invasori, non vittime. La campagna italiana di Russia.* [Агрессоры, не жертвы. Итальянская кампания в России], 1941–1943. Bari-Roma: Laterza, 2009.

³ *Bigazzi F., Zhirnov E.* Gli ultimi 28. La storia incredibile dei prigionieri di guerra italiani dimenticati in Russia. Milano: Mondadori, 2002.

перед современной итальянской общественностью вопрос о военнопленных в СССР. Журналисты в особенности сконцентрировали свое внимание на драме самых последних заключенных в СССР, обвиненных советской стороной в военных преступлениях. Публикация, достоинством которой является реконструкция этого сюжета на основании русских документов, к сожалению, не использует итальянские источники и не предлагает общей картины сложной военной, политической и дипломатической ситуации той эпохи.

На мемуарной литературе и на многочисленных интервью основана популяризаторская книга плодovitого исторического писателя Альфио Карузо «Все живые — в атаку»¹ (это девиз дивизии «Тридентина»). Ее главным героем — корпус альпийских стрелков, действительно героический. Стрелки, наиболее подготовленные к холоду и снегу, своим умелым сопротивлением зимой 1942–1943 гг. позволили части армии вырваться из фатального «мешка». Контрнаступление Красной Армии началось 16 декабря 1942 года. Тогда же на помощь пришел и дедушка-мороз: температура опустилась ниже 30 градусов. Спустя месяц пришел приказ Муссолини к отступлению, альпийские стрелкам отводилась роль арьергарда. Особую известность получило сражение «альпийцев» у Николаевки 26 января 1943 г. (это бессмысленная пиррова победа описана и в воспоминаниях фронтовика Эджисто Корради, опубликованных посмертно²). В книге Карузо анализируются итоги самой бесславной кампании Муссолини.

Военные мемуары не перестают выходить. Туринский капеллан дон Итало Руффино находился в России вместе с дивизией «Торино» всего три месяца, но этот небольшой срок стал, вероятно, самым большим его жизненным опытом. На обложку книги мемуарист поместил картину своего фронтового товарища, Ивана Курача, уроженца Львова, эмигрировавшего в Италию. Курач более всех боялся плена, так как был уверен, что красноармейцы его расстреляют сразу как изменника, несмотря на итальянское подданство. Случилось иначе, Курач и падре Руффино, прибывшие на Дон к моменту разгрома армии, почти сразу получили приказ вернуться... Обложка книги представляет собой некий триколор: «Белый, красный и серо-зеленый»³. Автор вложил в эти цвета собственный смысл: белый — цвет зимних степей, красный — цвет пролитой на ней

¹ Caruso A. Tutti i vivi all'assalto! Milano: Longanesi, 2003.

² Corradi E. La ritirata di Russia. Milano: Mondadori, 1999.

³ Ruffino I. Bianco, rosso e grigioverde. Torino: Fogola, 2003.

крови, серо-зеленый — цвет итальянской униформы (в последний цвет выкрашена и обложка). Рассказчик начинает свое повествование с 14 ноября 1942 года, когда он сел в Болонье в военный состав, двигавшийся на восток. С собой священник взял запасные дары для причастия и пять больших бутылей кьянти. Кьянти, как пишет падре Руффино, «закончилось еще до приезда в Венецию», а вот запасные дары ему пригодились позднее — когда священник причащал солдат, сотнями умиравших на белом снегу.

Одновременно, в 2003 г., вышли мемуары фронтовика Одоардо Аскарри, в журнале «Nuova storia contemporanea», в № 5. Их название, «Долгий поход альпийских стрелков по русскому аду» [La lunga marcia degli alpini nell'inferno russo], не нуждается в особых комментариях¹.

Другая интересная публикация — воспоминания еще одного альпийского стрелка, Альфонсо Ди Микеле «Я, военнопленный в России»².

И, наконец, в 2008 г. издательство Nordpress выпустило 4-х томный сборник «Итальянцы в России»³, переиздав вышеупомянутые воспоминания Э. Корради, а также впервые опубликовав воспоминания капеллана альпийских стрелков дона Карло Кьявацца «Написано на снегу» [Scritto sulla neve], священника дона Энелио Франдзони, работавшего в больнице в лагере 837, «Воспоминания о плене» [Memorie di prigionia], бывшего военнопленного Витторино Боццини «Красный снег» [Neve Rossa].

Приехав, спустя несколько лет после распада СССР, в Москву в научную командировку, я с интересом узнала об открытии архивных фондов, касавшихся итальянских военнопленных, в частности — проводившейся в лагерях антифашистской пропаганды (неисследованной в итальянской историографии) и прочих аспектов лагерной системы. Хотя многие документы оставались засекречены, да и в целом доступ к архивам был затруднен, передо мной открылся целый неизученный мир, знакомый прежде лишь по воспоминаниям его невольных «обитателей» — злосчастных ветеранов Русской кампании. Изучение документов позволило приблизиться к ответам на застарелые вопросы — о численности погибших

¹ Подробный обзор военных мемуаров см.: *Талалай М. Г.* Итальянцы, капут! // Независимая газета — Ex Libris, 23.9.2004. С. 7.

² *Di Michele V.* Io, prigioniero in Russia, dal Diario di Alfonso Di Michele. Firenze: MEF, 2008.

³ *La Russia degli italiani*, 4 vv. Chiari: Nordpress, 2008.

итальянцев, об условиях в лагерях, о действиях советских властей по репатриации военнопленных, об отношении итальянских коммунистов, эмигрировавших в Советский Союз, к их пленным соотечественникам.

С помощью новых данных мне довелось в этой книге впервые реконструировать во всей полноте историю итальянских военнопленных в СССР — от их пленения до репатриации (или гибели).

Это — история плена, а значит и история голода, холода, каторжного труда, болезней, смерти. Однако это и история человеческих отношений — между самими военнопленными, и между ними и теми, кому пришлось заниматься их судьбами. Это — тяжкая история, длившаяся в лагерях в течение четырех-пяти лет, но для некоторых и более десяти лет.

После войны, когда в Италию вернулось около 10 тысяч из 95 тысяч пропавших без вести, местная общественность стала задаваться вопросом (остававшимся долго безответным): что же произошло с остальными десятками тысяч итальянцев — остались ли они в России, или их следует окончательно считать погибшими? Вопрос принимал драматический характер, так как советские власти категорически отказывались передавать списки заключенных и сотрудничать с Красным Крестом. Молчание советской стороны, мучившее родственников пропавших, вызывало подозрения (и надежды): многие думали, что пленных просто не хотят отдавать. Горячую полемику питали публиковавшиеся мемуары ветеранов, однако более-менее ясная картина стала складываться лишь в 1980-е гг., когда появились первые серьезные исследования, организованные Институтами по изучению Сопротивления (Instituti della Resistenza).

Кроме того, все эти годы такие организации, как «Unione nazionale reduci in Russia» (UNIRR) и «Alleanza delle famiglie dei dispersi in Russia»¹, самоотверженно трудились по сбору сведений о пленных, однако основная их часть стала доступной лишь с начала 1990-х гг., после открытия ряда советских архивов.

В 1991 г. итальянское правительство, действуя через «Commissariato onoranze ai caduti di guerra» (Onorcaduti)², приобрело документы и списки пленных, хранившиеся в архивах НКВД; тогда же было заключено соглашение о перенесении останков павших солдат на родину. В Италию прибыли сводки данных о военнопленных, но и то не по всем лагерям, и о репатриантах.

¹ «Национальный союз ветеранов России» (т. е. Русской кампании); «Союз семейств без вести пропавших в России».

² «Комиссариат по отданию почестей павшим на войне», учреждение при Министерстве обороны.

Обилие материалов позволило развеять предубеждение, возникшее после окончания войны, что в СССР не могли эффективно наладить содержание пленных. Напротив, многочисленные документы (в т. ч. больничные листы, анкеты, учетные карточки и проч.), несмотря на очевидные проблемы по учету солдат в момент их пленения, свидетельствуют о хорошо отлаженной бюрократической машине и о разветвленной полицейской системе.

Кроме этих материалов, мне удалось просмотреть фонды в архиве МВД СССР (ГАРФ), где хранятся все документы НКВД, в оригиналах или копиях, касающиеся военнопленных, а также важнейшие документы из спецфонда № 9401, в т. ч. из «Особой папки Сталина и Молотова» и «Особой папки Сталина» (туда попадали особо секретные документы). Внимательное чтение, анализ и сопоставление позволили выявить совершенно новые аспекты — порой неожиданные — содержания военнопленных, их использования в качестве рабочей силы, как средство коммунистической пропаганды или в разведывательных целях.

Антифашистская пропаганда, организованная в советских лагерях, — прежде неизвестный аргумент. Эта деятельность, развернутая советскими комиссарами и итальянскими эмигрантами-коммунистами, имела откровенно догматический характер и порой ставила перед пленными нелегкий выбор. Базу для ее исследования составили фонды Российского Государственного Военного архива (РГВА), Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) и, в первую очередь, богатейшего бывшего архива КПСС, ныне Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Один раздел последнего архива содержит фонды Коминтерна, — мне удалось тщательно просмотреть фонды №№ 17 и 495 — показывающие как эффективность политработы среди военнопленных, так и ее трудности, в особенности в сфере координации различных ведомств. Протоколы особых контролирующих комиссий рассказывают о результатах пропаганды, а документы о репатриированных — о практическом воздействии такой пропаганды уже в Италии.

Глава моей книги, посвященная репатриации, раскрывает механизм выдачи пленных и сложные взаимоотношения между итальянским и советским государствами, а также драмы, происходившие по возвращению на родину, когда ветераны давали выход накопившимся страданиям. Основой этой части исследования послужили прежде закрытые документы из Архива Исторического отдела Верховного штаба армии (Archivio storico dello stato maggiore dell'Esercito, AUSSME). Особую ценность имеют доклады ветеранов, предоставленные в разные военкоматы и отправленные затем в Бюро ветеранов при военном министерстве — при этом

следует учесть, что они писались сразу после возвращения в Италию и зачастую носили слишком эмоциональный и субъективный характер.

Среди других итальянских источников следует назвать архив «М» (т. е. «Москва») из Института им. Грамши, приобретенный недавно в российской столице. В частности, были просмотрены фонды коммунистов-эмигрантов Д'Онофрио и Роботти, еще не каталогизированные, а также корреспонденция Тольятти, позволившая определить отношение вождя итальянской компартии к военнопленным.

Мне удалось привлечь к исследованию многочисленные мемуарные свидетельства, как из опубликованных итальянских и русских источников, так и на основе интервью. На многое пролила свет беседа с Николаем Терещенко, бывшим политическим инструктором в лагерях, а также консультации Аркадия Крупеникова, директора Мемориального музея немцев-антифашистов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1941 г. по 1946 г. — в августе этого года в Италию были репатрированы высшие офицерские чины. Однако для некоторых, осужденных за военные преступления, репатриация совершилась в 1950 г. и даже в 1954 г. Численность оставшихся в СССР пленных после 1946 г. долгое время являлась предметом яростной полемики, и мы даем на основе документов точные сведения.

Однако мы не желали бы, что новые материалы, извлеченные из недр советских архивов, послужили толчком к упрощенному и механистичному пересмотру исторических реалий. Изучение представленной темы привело нас к фундаментальному убеждению — человеческие судьбы и страдания не могут служить инструментом идеологии и политики.

Воссоздавая историю военнопленных, мы старались всегда оставаться в рамках академического подхода, а не полемики. Наша цель — максимальная объективность и такт по отношению к ветеранам и к памяти обо всех тех, кто не вернулся из СССР.

Возникновение этой книги многим обязано Элене Ага-Росси, которая следила за всем ходом моего исследования: выражаю ей сердечную признательность за бесчисленные советы и замечания и за внимательное и компетентное чтение этих страниц. Особенно ее благодарю за доверие и за умение поддержать меня в трудные минуты.

Я очень благодарна, увы, посмертно, Виктору Заславскому, автору компетентного Предисловия к моей книге, который щедро делился со мною

своими энциклопедическими знаниями по советской истории и социологии. Когда наша, вместе с Михаилом Талалаем, работа над русской версией монографии уже шла к концу, Виктор Львович неожиданно скончался, оставив ничем не заполнимую пустоту, как в культуре, так и в жизни. Он был не только большим другом, но и уникальным знатоком XX столетия, умевшим творить судьбу в разных обстоятельствах с мудростью, иронией и терпением.

Благодарю также Андреа Грациози, критически ознакомившегося с рукописью и снабдившего меня ценными библиографическими указаниями; Уго Берти, скрупулезно подготовившего итальянскую работу к печати; моего друга Паоло Агаменнони, уделившего немало времени для улучшения текста.

Помощь в научных командировках в Москву мне оказали Лев Гудков, Франческа Гори и Сильвио Понс (последнему я признательна за возможность изучить фонды Д'Онофрио и Роботти в Институте им. Грамши, директором которого и является профессор Понс).

Я благодарна сотрудникам Исторического бюро Главного штаба армии за их отзывчивость и внимательность. Хочу сердечно благодарить всех архивистов следующих российских архивов: РГАСПИ, ГАРФ и РГВА, а также директора Музея-мемориала немцев-антифашистов в г. Красногорске, Аркадия Крупенникова.

Особое слово признательности — ветеранам: Джузеппе Басси, Джулио Бранкадоро, Энелио Франдзони, Веньеро Аймоне Марсан, Гвидо Мартелли, Франко Мартини, Паоло Реста, Карло Ромоли, Карло Вичентини, полковнику Николаю Терещенко. Их рассказы, их память, их сдержанные суждения стали для меня важнейшим уроком человечности.

Не могу не назвать и имя историка Михаила Талалая, потрудившегося с большим увлечением над русским переводом моей итальянской книги и сделавшего ряд ценных замечаний и дополнений.

От всего сердца благодарю мою семью и, в особенности, моего мужа Этторе, который за годы моего труда неизменно выказывал самую теплую и самую терпеливую поддержку.

Посвящаю эту книгу моему отцу, а также моим дочерям, Элизабетте и Маргерите, чтобы в будущем они смогли понять ценность памяти.

Введение

Трагедия ARMIR¹

1. Итальянская стратегия: «параллельная война»

Военные успехи немцев во Франции подтолкнули Муссолини к принятию решения о вступлении Италии в мировую войну. На это у него имелся ряд соображений: диктатор беспокоился о перекройке карты Европы и мечтал присоединить к стране еще ряд территорий, намереваясь усилить свой авторитет среди населения, он хотел не уступать немцам позиции в Средиземном море и вести там нечто вроде «параллельной войны».

В 1939 г. Муссолини представил Большому совету стратегический план, согласно которому Италия должна была получить свой собственный выход к океанам, завладев Гибралтарским проливом и Суэцким каналом. В случае успеха страна превращалась в мировую державу, способную соперничать даже с союзной Германией.

Однако действия, предпринятые в рамках «параллельной войны», сразу же обнаружили неподготовленность и некомпетентность итальянских войск и их командования: атака на Грецию (28 октября 1940) обратилась в затяжную серию унижительных поражений.

К сожалению, этот печальный урок не был усвоен. Сразу после нападения Третьего Рейха на СССР Муссолини объявил о вступлении в эту войну и Италии: ему не терпелось попасть в число победителей и унижить западные демократии. В целом дуче всегда строил свою военную и прочую политику, опираясь на послушных, никогда не противоречивших

¹ *Armata Italiana in Russia*, Итальянская армия в России.

ему деятелей¹. Следует заметить, что ответственность за этот фатальный шаг лежала не только на Муссолини — в тот период в итальянских военно-промышленных сферах также эйфорически мечтали поживиться за счет соседей².

Конечно же, он не прислушивался к голосу Пальмиро Тольятти, вещавшего по Московскому радио и его «Обращению к итальянцам» 29 июня 1941 г.:

В армии Наполеона в 1812 г. тоже были итальянцы, которых послали на бойню как рабов, в подчинении деспота-иностранца. Этот корпус состоял из 27.390 солдат, плюс 10 тысяч неаполитанцев. В конце этой кампании знаете, сколько из них вернулось на родину? Всего лишь 330, включая раненных и инвалидов. Остальные сложили свои головы на Бородинском поле, на холмах Малоярославца, на берегах Москвы-реки и Березины³.

Увы, судьба итальянских солдат в XX в. сложилась схожим образом.

30 мая 1941 г. Муссолини поручил начальнику Генштаба генералу Уго Каваллеро организовать Итальянский экспедиционный корпус (Corpo di spedizione italiano) для отправки в Россию. Когда спустя три недели Гитлер неожиданно для СССР начал операцию «Барбаросса», Муссолини тут же объявил о присоединении к германской стороне — наряду с Финляндией, Венгрией и Румынией. В общей сложности немцы и их союзники послали на Восточный фронт 190 дивизий.

В телеграмме из Берлина к Муссолини сообщалось о согласии принять Италию в качестве союзника в германо-русской войне и предуведомлялось о высылке личного письма фюрера к дуче. Это письмо было передано советником немецкого посольства в Риме ранним утром 22 июня. Министр иностранных дел граф Чиано в своем дневнике сообщает, что ноту Италии об объявлении войны СССР удалось вручить советскому послу только около 12.30, «так как тот спокойно отправился купаться во Фреджене»⁴. Советский посол, как сообщает Чиано, выслушал драматическое известие бесстрастно: вся аудиенция длилась две минуты.

¹ Rochat G. Mussolini e le forze armate // *Il regime fascista*, a cura di A. Aquarone, M. Vernassa. Bologna: il Mulino, 1974, с. 113–132.

² См.: Filatov G. S. La campagna orientale di Mussolini. Milano: Mursia, 1979 (итал. издание книги: Филатов Г. С. Восточный поход Муссолини. М., 1969).

³ Correnti M. [Togliatti P.]. Discorsi agli italiani. Roma: Soc. editrice «L'Unità», 1945, с. 9. Тольятти выступал на Московском радио под псевдонимом Марио Корренти (в то время как в недрах Коминтерна его звали «Эрколе Эрколи»).

⁴ Ciano G. Diario. 1937–1943, a cura di R. De Felice. Milano: Rizzoli, 2000⁶, с. 512. Галаццо Чиано (1903–1944), зять Муссолини и видный государственный деятель

Посол Италии в Москве, Россо ди Сан Секондо, о подготовке к войне ничего не знал¹.

2. Операции CSIR

10 июля 1941 г. из Италии на Восток отправилось несколько железнодорожных составов, в общей сложности 216 вагонов.

Они повезли Итальянский экспедиционный корпус в России (CSIR), под командованием генерала Джованни Мессе². Корпус насчитывал 62 тыс. человек, состоял из пехотных дивизий «Торино» и «Пазубио», дивизии «Челере», преобразованной из полка берсальеров, двух кавалерийских полков и четырех батальонов чернорубашечников³.

На рубеже июля и августа CSIR был дислоцирован в Карпатах, на территории Румынии и восточной Венгрии, где корпус внедри в состав 11-ой немецкой армии. В середине августа дивизия «Пазубио» впервые вступила в военные действия, вместе с немцами ликвидируя сопротивление Красной Армии на территории между Днепром и Бугом. Затем с территории Румынии перешла в наступление дивизия «Торино», успешно участвуя в окружении советских войск под Петриковкой. Таким образом, CSIR образовал 150-километровый фронт, который с октября, после падения Киева и успехов немцев в южной Украине, стал быстро продвигаться на восток. К концу октября итальянцы подступили к бассейну Донца и к городу Сталино (совр. Донецк), важнейшему металлургическому центру.

при фашизме, в своем дневнике, под датой 15 мая 1941 г., сообщает о решении Германии напасть на СССР: информацию Чиано получил от итальянских спецслужб в Будапеште.

¹ См. *Toscano M. L'intervento dell'Italia contro l'Unione Sovietica nel 1941 visto dalla nostra Ambasciata a Mosca*, цит. в: *Valori A. La campagna di Russia, Csir-Armir. 1941–1943. Roma, 1950–1951.*

² Мессе командовал CSIR с июля 1941 г. по 31 октября 1942 г., когда его заменил генерал Дзингалес. После войны опубликовал ряд свидетельств, цитируемых ниже.

³ Об итальянском корпусе и о ходе Восточной кампании существует обширная литература; укажем лишь фундаментальные издания: *Le operazioni del CSIR e dell'ARMIR dal luglio 1941 all'ottobre 1942. Roma: AUSSME (Архив Исторического отдела Верховного штаба армии), 1947; Valori A. La campagna di Russia. Csir — Armir. 1941–1943. Roma, 1950–1951; Idem. Gli italiani in Russia. Milano: Bietti, 1967; Ceva L. La condotta italiana della guerra. Cavallero e il Comando Supremo, 1941–1942. Milano, 1975; Le operazioni delle unità italiane al fronte russo (1941–1943). Roma: AUSSME, 1977; *Filatov G. S. Указ. соч.**

Однако после рождественских боев, 25–30 декабря 1941 г., когда шесть советских дивизий перешли под Сталино в контратаку, для CSIR началась фаза обороны.

Только в июле 1942 г. немцы перешли в этой зоне в новое наступление, к которому подключился и CSIR, продвинувшись на расстояние в 500 км в сторону Дона. Возможно, эти начальные успехи позволили Муссолини окончательно уверовать в грядущую победу стран оси, хотя многое должно было его насторожить. Становилось ясно, что гитлеровский план молниеносной войны на Востоке не удался и что итальянская армия не приспособлена к ведению боевых действий на обширных советских территориях — в первую очередь, из-за низкой степени моторизации частей и в целом плохой технической обеспеченности CSIR. Не хватало запчастей и горючего¹, вооружение итальянцев не удовлетворяло нужным параметрам. Катастрофическое положение сложилось с обмундированием, соответствовавшим образцам Первой мировой войны и никак не приспособленным к долгим переходам по русским степям и к местному климату — особо печальным было состояние обуви².

Когда стало ясно, что надо готовиться к новой зимней кампании, командование CSIR составило меморандум для Генштаба³. Однако исполнение предписаний по улучшению обмундирования, по его соответствию русской зиме было далеким от удовлетворительного. К примеру, к середине ноября, когда температура неожиданно спустилась до минус 23°, только треть итальянских солдат получила зимние полушубки на меху. Многое осталось лежать на складах — итальянские тыловики проявили преступную нерасторопность, выказывая крайнюю неохоту в распределении полученного из Италии обмундирования. Думается, что речь тут не шла о саботаже или предательстве: здесь выразился традиционный менталитет «военного обоза» — формировать, на всякий случай, запасы и отдавать их в случае только решительного нажима.

¹ По заключенной договоренности с немцами, они должны были поставлять горючее итальянцам, однако последние использовали дизельное топливо, которого не было у немцев, использовавших бензин.

² См. характерное название одного мемуарного свидетельства: «Обувь из картона, мундиры из холста»: *Cappellano F.* «Scarpe di cartone e divise di tela...» // *Storia militare*, Anno X, febbraio 2002, n. 101, с. 20–30.

³ *Dotazione indumenti e materiali per la stagione invernale 1942, allegato n. 1 al Foglio 3811/COMM V.E., AUSSME.*

3. ARMIR

Неправильно оценив первоначальные успехи немцев и предполагая получить повышенные трофеи за счет повышенного же участия, Муссолини решил усилить военное итальянское присутствие в Восточной кампании. На русский фронт было решено отправить усиленный армейский корпус. 8-я армия, получила название «*Armata Italiana in Russia*» (ARMIR), т. е. Итальянская армия в России. 9 июля 1942 г. в 8-ю армию включили и части CSIR.

Единственным, кто пытался этому противостоять, был сам командир CSIR, генерал Мессе, отозванный в итоге в Италию 1 ноября 1942 г. Генерал к тому моменту уже осознал всю шаткость положения итальянцев и потенциал Красной Армии. Еще 4 мая 1942 г., узнав о планах расширения итальянского контингента, он отправил Верховному командованию особый меморандум, где откровенно высказал свое мнение об усталости его солдат — после 10 месяцев кампании они остро нуждались в отдыхе — и об их неподготовленности вести боевые действия в местных географических и климатических условиях¹. Кроме того, вскрылась плохая техническая подготовка войск. Мессе указывал и на низкий боевой дух солдат, вызванный сравнением с положением их союзников-немцев, несравненно лучше подготовленных и экипированных. При этом в собственных ранних донесениях, от 5 и 24 марта, командующий представлял положение на фронте в более радужных красках². Впоследствии, узнав о неодобряемых им планах Верховного командования по расширению итальянского участия в войне, он попытался каким-то образом их свернуть. Однако, несмотря на попытки Мессе новая армия, численностью в 229 тыс. солдат, была сформирована и вверена под начало генерала Итало Гарибольди.

Так в июле-августе 1942 г. возникла «*Armata Italiana in Russia*», включившая в себя бывшие дивизионы CSIR (составивших теперь 35-й армейский корпус); подразделение чернорубашечников «Третье января»³; дивизии альпийских стрелков «Кунезэнсе», «Тридинтина» и «Юлия»; пехотные

¹ *Relazione del Comando del Corpo di spedizione italiano in Russia — Ufficio operazioni — al Comando Supremo. Prot. n. 3713, c. 1 // AUSSME, DS 600.*

² *Protocollo n. 1740 e 2391, inviate dal Comando del Csiir — Ufficio operazioni — al Comando Supremo, e per conoscenza, allo Stato Maggiore Regio Esercito, entrambe firmate dal comandante di Corpo d'Armata Giovanni Messe. AUSSME, DS 599 e 600.*

³ 3 января 1925 г. Бенито Муссолини выступил в Палате депутатов с речью, где взял ответственность за убийство Джакомо Маттеотти и положил тем самым начало диктаторскому режиму.

дивизии «Коссериа», «Равенна», «Сфорцеска» и «Виченца», а также подразделение чернорубашечников «23 марта»¹ (составившие вместе 2-ой армейский корпус); лыжный батальон; отряды кавалеристов «Lancieri di Novara» и «Savoia Cavalleria».

Основная часть солдат отправилась в Россию в деморализованном состоянии, не желая там воевать (многие едва вернулись из бесславной Албанской кампании). Известно, что по пути на фронт они неоднократно высказывались против войны с СССР и выражали свой протест разными способами, включая порчу помещений в казармах².

Командующий дивизией «Торино» генерал Роберто Леричи в своем рапорте, составленном после отступления, высказал, после хвалы собственным солдатам-героям, «с честью павшим», общие соображения по поводу слабой организации Русской кампании. Он указывал, к примеру, на нехватку лошадей (в противоположность немцам), которые могли бы при отступлении увозить раненных и больных; на отсутствие полевых кухонь, способных готовить горячую пищу («хотя бы горячую воду»); на несоответствие обмундирования местным климатическим условиям³. Кроме того, он не мог не скрыть общего низкого боевого духа солдат, их слабой воинской подготовки, что не могли компенсировать отдельные случаи героизма, иногда даже массового. Эти факторы усугублялись слабой оперативной связью между различными частями ARMIR и прямыми ошибками командующих. Итальянская армия растянулась на непозволительно протяженный фронт: каждая дивизия была вынуждена прикрывать около 30 км (дивизия «Челере» — даже 40 км), в то время, согласно стратегическим нормам в случае контратаки дивизия должна была иметь фронт не более 7–8 км. В итоге для прикрытия всей фронтовой линии итальянцам приходилось выставлять общий наличный состав на передовой, не оставляя никого в тылу.

¹ 23 марта 1919 г. Муссолини основал первые фашистские ячейки (Fasci italiani di combattimento).

² См.: протокол допроса военнопленного рядового Антонио Астедьяно, направленный Димитрову 6.12.1942. Секретно // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 18, л. 18–26.

³ *Lericci R. Relazione sul ripiegamento effettuato dalla divisione «Torino» dal 19 dicembre '42 al 16 gennaio 1943. Alcune considerazioni, c. 2, allegato 3 al Diario storico 603, AUSSME. Указ. соч.;* См. также: рапорт ген. Г.Наши, командующего альпийскими стрелками (Relazione sui fatti d'arme dal 14 al 31 gennaio 1943, AUSSME) и генерала Э.Баттисти (La divisione alpina «Cuneense» al fronte russo. 1942–43, AUSSME).

Недоумение вызывало и присутствие альпийских стрелков, с их мулами и гаубицами. Первоначально планировалось их участие в операциях на Кавказе, что являлось логичным для горных войск, и этого просили союзники-немцы. Однако когда генерал Гарибольди запросил на Дон три армейских корпуса вместо двух, Муссолини отправил к нему альпийских стрелков. В итоге дивизии «Тридентина», уже выступившей в направлении Кавказа, приказали идти в другую сторону: всем трем альпийским дивизиям пришлось пешком пересечь Украину и выйти на берега Дона. Даже сами офицеры протестовали против абсурдности участия альпийцев в такой диспозиции: вооруженные горными гаубицами, безо всякого противотанкового оружия и обученные к операциям в совсем иных условиях, они были обречены на гибель¹.

Контрнаступление Красной Армии в августе 1942 г. показало, насколько опасным было рассредоточение итальянского фронта. Дивизия «Сфорцеска» подверглась яростной атаке советской пехоты, добивавшейся захвата плацдарма на берегу Дона. Если бы у Красной Армии на этом участке были бы танки, положение итальянцев стало бы катастрофичным. Не равными были и силы: советские дивизии имели по три полка пехоты (в каждом по 3 тыс. солдат), а итальянские — по два (с 1.200 солдатами). Во время этого летнего наступления Красная Армия вклинилась между 8-ой итальянской армией и 6-ой немецкой, под командованием Паулюса. Хотя дивизии «Сфорцеска» и удалось остановить наступление, советские войска создали-таки плацдарм за линией фронта. Так закончилась «первая оборонительная битва на Дону», не научившая ничему итальянских стратегов: в декабре началась «вторая оборонительная битва на Дону», развернутая по тому же сценарию и закончившаяся сокрушительным поражением ARMIR.

4. Отступление итальянской армии

В октябре 1942 г. итальянская армия получила окончательную дислокацию — между венгерской армией, слева, и румынской, справа. К востоку от румын стояла 6-ая немецкая армия, продолжавшая осаду Сталинграда.

Великое зимнее наступление Красной Армии, решившее судьбу Восточной кампании, состояло из трех этапов.

¹ Об этом писал в донесении полковник Гарри из дивизии «Юлия»; см.: *Bedeschi G. Centomila gavette di ghiaccio. Milano: Mursia, 1994, с. 145 и далее.*

Первый начался в середине ноября: к концу месяца красноармейцам удалось потеснить румын и окружить армию Паулюса.

Следующий этап, начавшийся с атаки 11 декабря, стал катастрофическим для итальянцев. В результате операции «Малый Сатурн» советские войска взломали итальянский фронт в секторе между «Коссериа» и «Равенна», на западе, и в секторе «Челере», на востоке. Они обладали несомненным численным и техническим превосходством: соотношение солдат было шесть к одному, а 750 советским танкам противостояло 47 (немецких).

В результате молниеносного штурма Красная Армия уже спустя три дня после перехода Дона оказалась в зоне Миллерово, в ста километрах от прежней линии фронта.

Третий этап начался 14 января с атаки на северном участке фронта, где стояли венгры. Одновременно красноармейцы пробили бреши и в секторах южнее, занимаемых альпийскими стрелками. В итоге альпийцы оказались полностью окруженными: к 19 января, в течение всего пяти дней, советские войска вышли к городу Валуйки, за 140 км в тылу у итальянцев.

Красная Армия принялась за уничтожение тыловых подразделений врага, и те итальянцы, что уцелели, остались без провианта, фуража, снарядов и прочего. В ARMIR царил полный хаос. Дивизия «Юлия», отойдя на Юг, пыталась устроить новый фронт обороны. Однако промерзшая земля не давала возможности рыть окопы, да и непрерывные атаки русских мешали попыткам закрепиться.

Итак, третий этап завершился окружением альпийцев (их не удалось опрокинуть лобовой атакой). Дивизиям «Юлия», «Тридинтина», «Кунезнсе» и «Виченца» пришлось отойти на запад, отступая с боями по линии в 15 км и с постоянным риском окружения.

Устрашающим для итальянцев оказалась готовность русских к самопожертвованию: массовая гибель солдат не останавливала следующих. Итальянцам такой патриотизм представлялся вынужденным, якобы форсированным комиссарами и офицерами, не щадившими жизни подчиненных.

Ужас наводили и советские танки: соответствующего противотанкового вооружения в ARMIR не было, и лязг гусениц вызывал панику у итальянских солдат. Пожалуй, только альпийцы продемонстрировали стойкость и боевые качества, что признало позднее и командование Красной Армии. Однако их положение в «кольце», где оказалось 110 тыс. солдат (из них ок. 70 тыс. итальянцев), было безысходным. Лишь относительным утешением мог служить тот факт, что под Сталинградом в «кольце» оказалась и самая могучая, на тот момент, армия в мире...

Зимнее наступление Красной Армии стало роковым для ARMIR: всего за 45 дней итальянцы потеряли, убитыми или пленными, 95 тыс. человек. Кроме того, они оставили в руках противника всю артиллерию (ок. тысячи пушек), 13 тыс. автомашин, 20 тыс. мулов и многое другое.

Отступление по замерзшим степям было ужасным. Сотни мемуаров рассказывают о страшных эпизодах, о страданиях и актах жестокости, вызванных стремлением выжить. Мороз, голод и бесконечный переход вызывали у солдат первобытные инстинкты, другие, напротив, впадали в апатию, предшествовавшую смерти. Обессилившие солдаты отставали от колонн, молили о помощи, но другие их не слышали и шли вперед... Нередки были случаи самоубийств, а иногда отчаявшиеся открывали огонь по своим...

До последнего времени итальянская публицистика объясняла высокую смертность в ARMIR, помимо холода и истощения, частыми атаками на отступающих со стороны Красной Армии. Однако, как показывает рапорт Исторического бюро Генштаба, в тот период битвы были редкими¹. Итальянцы, лишённые вооружения и продовольствия, и без атак становились легкой жертвой.

¹ AUSSME. Le operazioni delle unità italiane al fronte russo, указ. соч.

Глава первая

От пленения до интернирования

1. Пленение

Сдача в плен, которая для многих представлялась концом бесчисленных страданий и постоянного страха смерти от пули врага, становилась началом подлинной трагедии. Действительно, побежденные не представляли себе, что их ждет: захват в плен итальянцев был для советских солдат тем событием, где сливались ожесточение и ярость, господствовавшие в схватке (особенно, если она отличалась сильными потерями).

Широкая сталинская пропаганда против «фашистских грабителей»¹ и злодеяния, совершенные нацистами на оккупированных территориях, вызывали ненависть. Ее обильно питали картины, которые видели советские солдаты при отступлении врага: избы, разграбленные немцами в поисках продовольствия и измученные и даже убитые их обитатели. О зверствах немцев рассказывали и партизаны, и бежавшие пленные солдаты Красной Армии². Это объясняет, почему многих немецких, а иногда и итальянских офицеров при сдаче в плен расстреливали на месте. Тем не менее, не было приказа сверху, который предписывал бы

¹ Об антинацистской пропаганде см.: *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «Священных боев» (М., 1997). В ее русле находился и знаменитый фильм Эйзенштейна «Александр Невский»; см.: об этом *Taylor R.* Film propaganda. Soviet Russia and Nazi Germany (London, 1979, с. 116 и далее).

² *Messe G.* Inchiesta sui dispersi in Russia, приложение к: Russia. 1941–43, Milano, 1964, с. 25. В этом же докладе генерал Мессе добавляет, что «правды ради следует сказать, что во многих зонах Западной Украины немецких солдат встречали как освободителей».

солдатам и партизанам совершать подобные массовые казни. Напротив, относительно обращения с военнопленными Совет народных комиссаров (СНК) обнародовал постановление, где запрещалось:

а) оскорблять военнопленных и жестоко обращаться с ними;

б) применять к военнопленным меры понуждения и угрозы [в] целях получения от них сведений о положении их страны в военном и иных отношениях;

в) отбирать находящиеся при военнопленных обмундирование, белье, обувь и другие предметы личного обихода, а также личные документы и знаки отличия.

Ценные вещи и деньги могут быть взяты у военнопленных на хранение под официальные квитанции уполномоченных на то лиц¹.

С одной стороны, из этого постановления видно намерение официальных властей воспитать чувство уважения к военнопленным, с другой стороны, оно наводит на мысль, что эти формально запрещаемые действия на практике обычно предпринимались. Запрет конфискации «предметов личного обихода» и «документов личного характера и удостоверений» никогда не соблюдался: в момент пленения военнопленных тщательно обыскивали, а конвой неоднократно проводил обыски также во время их перевозки. Когда конвоиры больше ничего не находили, они озлоблялись и издевались над военнопленными. Всё, что имело хоть какую-то ценность, отбирали: перочинные ножи, часы, авторучки. «За грабежом ценных предметов последовал грабеж того, что вызывало любопытство, а также — и это самое страшное, если вспомнить о климатических условиях, — одежды и обуви. Прежде всего отбирали сапоги и военные ботинки. Оставшиеся без них солдаты ходили босыми, и каждый устраивался, как мог»². Легко себе представить, что в декабре–январе отнятие обуви и шинелей могла стать разновидностью смертного приговора — «казнь» через обморожение и замерзание³.

¹ Постановление СНК СССР № 1798–800 об утверждении положения о военнопленных. 1 июля 1941 г. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), ф. 9401, оп. 1, д. 619, л. 297–299. Секретно.

² *Alfieri G. Aspetti sociologici della comunità dei prigionieri di guerra nei campi di concentramento dell'Urss, con particolare riguardo ai primi mesi di prigionia, Estratto degli Atti del XIV Congresso internazionale di Sociologia (vol. II), pubbl. a cura del presidente del Congresso C. Gini, Società italiana di Sociologia, Roma, 1950, с. 11.*

³ В связи с этим лейтенант Берауди вспоминал, что некоторые пленные шли на хитрость, обмениваясь ботинком с товарищем, полагая, что на непарную обувь

Согласно не всегда четко соблюдавшемуся порядку, солдат отделяли от офицеров. «Очень многие думали, что такой порядок связан с намерением вскоре сформировать из офицеров какие-то части. Но было совсем не так: русские солдаты, которые привыкли считать офицеров западных стран настоящими представителями капиталистического мира, а, следовательно, владельцами средств производства и оттого состоятельными, рассчитывали найти у них более богатую добычу. <...> Офицеры думали, что их расстреляют, но в целом эта операция не привела к бедам, пережитым в других ситуациях. Обнаружилось, что солдат ждала та же участь, поскольку русские очень соблазняли наручные часы многих итальянцев»¹.

Есть сотни самых драматических свидетельств о том, что происходило в момент пленения.

Там было два монгола, которые шарили по карманам двух военных сразу; замечаю определенное возмущение против обыскивающих, слышу выстрел и вижу, что один из обыскиваемых упал. Кто скажет, за что его убили? <...> Грохнул еще один выстрел, я вижу, что и другой упал на землю. <...> Пока шеренга шла к контрольному пункту, до меня дошло, что эти монголы пьяны»².

По рассказам ветеранов, наиболее жестоко относились к пленным партизаны, как мужчины, так и женщины, а также кавалеристы.

19 января 1943 г. в Валуяхах из 45 человек командования 61-й моторизованной группы при прибытии в район казачьих орд³ только десять удалось вырваться и бежать в Харьков. Примерно 30 человек, среди которых находился и командир группы, были взяты в плен казаками, а затем их раздели и расстреляли возле их автомашин. Пятеро других, в том числе автор этих строк, наблюдали за избиванием из окна [автомашины], а вечером и их увели в плен танкисты»⁴.

В Валуяхах была и пара четырнадцатилетних юнцов, вооруженных парабеллумами. Голоса их были тверды и уверенны, движения решительны, мужские движения: «Вперед, в дом». Теперь нас человек

никто не позарится; см.: *Beraudi G. Vainà kaputt. Guerra e prigionia in Russia (1942-1945). Rovereto: Museo storico italiano della guerra, 1996, с. 83.*

¹ *Alfieri G. Указ. соч., с. 11.*

² Рассказ радиотелеграфиста альпийского корпуса Луиджи Вентурини; см.: *Vedeschi G. Fronte russo: c'ero anch'io. Vol. II. Milano, 1983, с. 405.*

³ Вероятно, имеются в виду кавалеристы; известно, что *казачьи* подразделения под командованием П. Н. Краснова сражались в составе Вермахта.

⁴ Свидетельство военного врача Джаннетто Пальмаса, в «Russia», a cura dell'UNIRR, 1948, num. unico.

пятьдесят. Подходят две девушки 17–20 лет, вооруженные до зубов партизанки. Нас одного за другим обыскивают. У всех отбирают часы, кольца, свитера. На рассвете отводят в большой дом, может быть, монастырь, и там производят новый обыск. Ближе к вечеру собирают во дворе. Нас уже две тысячи человек — итальянцы, немцы, венгры; русские все — мальчишки и девчонки. Сопляки бьют нас, девчонки ужасны, они плюются за спиной. Эти люди передают нас регулярным войскам, и солдаты производят следующий обыск и отбирают то, что еще осталось¹.

Вечером [19 января] во время останковки мы оказались в распоряжении пехотного и танкового подразделений. Сразу же раненых и тяжелобольных, около 150 человек, посадили с автомашин, отвели в сарай и зверски убили (сначала расстреляли из пулемета, потом раздавили танками). После этого русские солдаты вошли в избу, где находились около двадцати раненых и обмороженных солдат и офицеров, перестреляли их и выбросили тела из избы².

Обращение с ранеными было во многих случаях определенно жестоким; даже когда их перевозили на поездах в лагерь для больных, у них оставалось очень мало шансов на выживание.

Мы, горстка оставшихся в живых, стали военнопленными из-за отсутствия или недостатка боевых средств. Едва оказавшись в плену, мы были вынуждены сидеть на снегу в ряд по одному перед цепью солдат с парабеллумами. Танки раздавили около 35 альпийских стрелков, уже попавших в плен и разоруженных³.

Вот приблизительный состав и положение колонны пленных в восемь часов утра 14 декабря 1942 г.: примерно 10 тыс. человек, большей частью итальянцев, из разных дивизий. Расстрел немецких офицеров и нескольких итальянских. Удары и плевки победителей, достигающиеся и офицерам, и солдатам. Грабеж личных вещей... Наши раненые, которые не смогли покинуть поле боя, раздавлены русскими танками или застрелены⁴.

Тем не менее, не раз подчеркивалось, что бывали и проявления доброты к военнопленным со стороны русских гражданских лиц; очень часто во время остановок в деревнях пленные, чтобы получить немного

¹ Свидетельство альпийского стрелка Баттисты Канделы, в: Revelli N. La strada del davai. Milano: Mursia, 1967, с. 70.

² Свидетельство ст. лейтенанта Марио Педрони, там же.

³ Свидетельство альпийского стрелка ст. лейтенанта Джузеппе Куminy, там же, с. 30.

⁴ Свидетельство ст. лейтенанта Джузеппе Олеандри, там же.

еды, могли рассчитывать лишь на великодушие какого-нибудь жителя, который давал им картошку или что-то еще, надеясь, что солдат конвоя не заметит или разрешит это сделать. Так, например, один ветеран вспоминает:

Во время остановки в одной деревне <...> из дома вышла женщина с ведром в руке, украдкой посмотрела вокруг и бросила нам содержимое ведра. Это была вареная картошка, клубни покатались по утрамбованному снегу к нам под ноги¹.

А вот другой рассказ:

Из трех или четырех изб никто не выходит, не чувствуется никаких признаков жизни. Пробираюсь в подвал, ищу картошку: ничего нет. Выхожу и вижу старуху с бутылью молока. Она подходит ко мне и протягивает молоко. Я пью, чувствую, что жизнь возвращается. Обнимаю женщину, целую, она делает мне знак уйти. Бойтся конвойных².

Бывали даже случаи некоторой солидарности со стороны солдат конвоя или охранников в лагерях: такие случаи, пусть довольно редкие, заслуживают особую признательность, потому что были крайне неожиданными. Вспоминает дон Энелио Франдзони, лейтенант, капеллан воинской части «Пазубио»:

Нас построили в колонну, чтобы переправить на другой берег Дона. Со мной были Зилли, Мангоне и Дамиани, как и я, захваченные в плен во «фригийский колпак»³. Нас заставили идти с поднятыми руками. Пересекаемся с подразделением русской артиллерии, и нас останавливает капитан. «Почему подняты руки? Держите их в карманах!» Это спасло наши руки, у меня даже не было перчаток. <...> Ко мне подходит конвоир и говорит: «Если отдашь мне часы» [Здесь и далее: в оригинале по-русски], и авторучку, я дам тебе хлеба», — и показывает мне из-под шинели кусок хлеба. Протягивая руки, думаю с тоской: вчера у меня отняли часы, ручку, бумажник, даже носовой платок, а сегодня этот простодушный человек мог дать бы мне хлеба. Москателли говорит: «Вчера я припрятал обручальное кольцо, пусть он отдаст за него хлеб»⁴.

¹ Vicentini C. Noi soli vivi. Milano: Cavallotti, 1986. С. 51. Об отношениях итальянских солдат с представителями гражданского населения см.: Gherardini G. La vita si ferma. Milano: Baldini e Castoldi, 1948. P. 190, Rigoni Stern M. Il sergente nella neve. Torino: Einaudi, 1982.

² Альпийский стрелок Джованни Бозио, в: Revelli. Указ. соч., с. 200.

³ Т. е. «котел».

⁴ UNIRR. Rapporto sui prigionieri di guerra italiani in Russia, a cura di C. Vicentini, P. Resta. Cassano Magnago (Va): Crespi, 1995.

2. Переходы с непрерывными «давай» и перевозка на поезде

В декабре 1942 — январе 1943 г., после второй решающей битвы на Дону, Красная Армия вдруг оказалась обязанной позаботиться о тысячах пленников, не имея для этого никаких ресурсов. Столь многочисленные, они представляли собой тяжкое, невыносимое бремя, которое требовало конвоя, транспортных средств и пищи. Согласно директивам НКВД, захваченные в плен части нужно было как можно скорее перевезти из зоны боевых действий в тыл, поэтому военнопленным приходилось совершать ускоренные марши к железнодорожным станциям. После тяжелых испытаний многие раненые и обмороженные были вынуждены идти дальней дорогой, теперь на северо-восток. Эти броски, которые итальянцы назвали переходами «давай» (это слово непрерывно выкрикивали конвоиры) продолжались по 7, 10, 20, а то и по 25 дней в пургу и были полны всякого рода страданий. Во время переходов многие падали обессиленные и их приканчивали автоматными очередями.

Меня взяли в плен в Валуйках 28 января 1943 г. в районе Дона и отправили в лагерь Хриновая; переход длился больше 20 дней в ужасных условиях, без достаточной пищи, при сорокаградусном морозе; на ночь нас бросали в разрушенные сараи. Во время перехода 70 % пленных в моей колонне умерли от холода и лишений или были умышленно убиты конвоировавшими нас русскими партизанами¹.

Я попал в плен на среднем Дону 22 августа 1942 г., а потом был переход примерно в 600 км, пешком, при ужасном обращении и только при 250 граммах хлеба; в день 24 октября 1942 г. прибыл в концентрационный лагерь в Оранках².

Пленные итальянцы и хорваты в моей колонне шли пешком. <...> Переход к железнодорожной станции Михайловка длился с 22 декабря 1942 г. до 10 января 1943 г.; солдаты получали пищу всего два раза [в день] (суп с картофельной кожурой и зерном, без хлеба); по ночам их за-талкивали в школы или в сараи, но чаще в загоны для скота³.

¹ Доклад лейтенанта Сильвио Салы от 18.7.1946 в: Stralcio delle relazioni riassuntive sulle notizie raccolte negli interrogatori dei reduci dalla prigionia in Russia, с. 3, AUS-SME (Archivio storico dello stato maggiore dell'Esercito), DS 2271/C. Лагерь Хриновая, № 81, находился в Воронежской обл.; см.: CSIR-ARMIR. Campi di Prigionia e fosse comuni. Gaeta: Stabilimento grafico militare, 1996, с. 11 (подробнее о лагерях см. ниже).

² Из доклада лейтенанта Валентино Спады, в: AUSSME, DS 2271/C, с. 1. Лагерь в Оранках, № 74, находился в Горьковской обл., в 400 км от Москвы, на Волге.

³ Из доклада врача лейтенанта Темистокле Паллавичини, см.: AUSSME, DS 2271/C, с. 4.

Обычно на следующее утро колонна уходила дальше, оставив позади десятки умерших от обморожения. Среди выживших ночью были новые обмороженные, которые не могли продолжать путь в колонне; они оставались позади, и партизаны из конвоя, собрав несчастных вместе, убивали их из парабеллумов. Переход являлся смертельно опасным также для врачей и высших офицеров, не привыкших ходить пешком, особенно в таких условиях.

Шли большие трех часов, бахтаясь в снегу, похожему на клей, когда капитан, который во время всего пути был рядом со мной, почувствовал себя плохо и начал пошатываться. Я и еще один пленный помогли ему и скоро оказались в хвосте колонны прямо перед конвоировавшими нас партизанами. Большие не удавалось сделать ни шага, мы попытались поднять больного, позвать кого-нибудь, кто шел впереди, но никто не услышал наших голосов или не захотел услышать. <...> Один из охранников начал вопить, указывая на удаляющуюся колонну, и снял с плеча автомат. Капитан, упиравшийся рукой в снег, чтобы не упасть, другой рукой сделал прощальный жест и как будто попросил у меня благословения. Тут же раздался выстрел, сухой звук, который ни с чем не спутаешь¹.

Как и в момент пленения, так и во время переходов было немало проявлений жестокости со стороны советских солдат. Младший лейтенант Винчентини, которому случалось встречаться с колоннами автомашин и танков, шедших на фронт, рассказывает:

При этом всякий раз колонна военнопленных расстраивалась и бросалась с дороги под обочину, потому что водители, чтобы поугаать пленных, или всерьез намереваясь убить этих проклятых врагов, которые без конца попадались им на пути, на полной скорости мчались навстречу шеренге. Первая такая атака, непредвиденная и внезапная, стоила жизни немалому числу пленных, имевших несчастье идти во главе колонны².

Об одном из самых страшных, леденящих душу событий рассказал русский очевидец. В феврале 1992 г. житель Воронежа — там проходил фронт — прислал в итальянское посольство рассказ о трагедии, свидетелем которой он был в детстве. Вот что рассказал Е. И. Корнеев:

Теперь я объясню, как останки итальянских военнопленных оказались в этом овраге. Шла зима 1942 или 1943 г., точно не помню. День клонился к концу. Конвой подвел к оврагу колонну с примерно сотней

¹ Gherardini G. *Morire giorno per giorno*. Milano: Baldini e Castoldi, 1948, с. 180.

² Vicentini. Указ. соч., с. 57.

военнопленных. Потом они заставили итальянцев спуститься вниз, связывая их вместе. Когда это дело закончили, конвоиры вышли из оврага и стали бросать в военнопленных гранаты. Конвоиров было много и все они бросали гранаты. В промежутках между взрывами слышались крики осужденных. Закончив с гранатами, солдаты спустились вниз. Послышались выстрелы. Хоть и дети, но мы понимали, что там происходило: солдаты выстрелами и штыками приканчивали уцелевших. Затем конвоиры сели на обозы и уехали. <...> Ночь стояла холодной и то, что не сделали конвоиры, сделал мороз. Итальянских военнопленных больше не было. Наутро место казни покрывал толстый слой снега¹.

Ужасы такого рода, казалось, вошли в норму, и те, кто в них повинен, остались безнаказанными. Кстати, тот факт, что советские власти знали о них, подтверждается многочисленными распоряжениями НКВД, которые имели целью остановить зверства. Чтобы выправить тяжелую ситуацию и установить должный порядок в отношении солдат к военнопленным, 2 января 1943 заместитель наркома обороны генерал А. В. Хрулев подписал приказ № 001, где критиковались серьезнейшие недостатки в перемещении военнопленных². В приказе были заданы общие направления работы, нужной для улучшения работы компетентных органов; в связи с этим замнаркома обращался к командирам частей и подразделений, действовавших на Дону, а также к ответственным работникам железных дорог Украины, которые должны руководить перевозкой пленных в поездах, и, наконец, к сотрудникам приемных лагерей. Приказ предписывал организовать учет военнопленных в районе боевых действий, оказывать им необходимую медицинскую помощь и обеспечивать их перед отправкой продуктами питания на время следования³. Эти же цели преследовал приказ НКВД, изданный 12 января 1943 г., который устанавливал контроль над органами внутренних дел для обеспечения выполнения приказа № 001⁴. Работников Управления по делам военнопленных

¹ Перевод с итал. «Notiziario UNIRR», ott.-dic. 2000, п. 68, с. 22. Документ, переданный из Москвы в «Commissariato di Onorcaduti» опубликован лишь недавно из-за его жестокого содержания; первые две части вышли в «Notiziario...», №№ 66–67.

² Приказ НКО № 001 от 2 янв. 1943 г., ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 655, л. 115–116. Оригинал. Совершенно секретно.

³ Там же.

⁴ Приказ НКВД СССР № 0049 об оказании органами НКВД содействия НКО в эвакуации военнопленных с фронта, ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 655, л. 115–116. Оригинал. Совершенно секретно.

и интернированных в итоге направляли на линию фронта для того чтобы они следили за ходом регистрации пленных и организацией их перемещения. Однако, как мы уже отмечали, правила, установленные приказом № 001, выполнялись не полностью и только в отдельных случаях.

После долгих переходов пленные прибывали на приемные пункты, а из них направлялись на железнодорожные станции, откуда их перевозили в распределительные лагеря. В декабре 1942 — феврале 1943 гг. условия перевозки в поездах были бесчеловечными, о чем свидетельствуют рассказы ветеранов и официальные документы. Узников погружали в вагоны, где не существовало никакого оборудования; в каждый вагон втискивали по 50–80, в иногда и по 100 человек, в то время как они были рассчитаны только на половину этого числа.

Нас разделили на группы по пятьдесят человек и грубо затолкали наверх. Входы в вагоны для скота были высоко над землей, и мы по очереди помогали друг другу. После первых тридцати мест уже не оставалось, и градом посыпались удары, которые продолжались до тех пор, пока не скользнула раздвижная дверь и не наступила полная темнота. В вагоне было невозможно повернуться. Окошечки под крышей были забиты и опломбированы. Снаружи слышались какие-то голоса, но вскоре всё стихло¹.

Однако, согласно Временной инструкции по перевозке военнопленных, изданной НКВД 4 июля 1941 г., окошки в вагонах, наоборот, не должны были закрываться металлическими решетками, кроме как в одном или двух вагонах, предназначенных «для пленных, имеющих склонность к побегу»². Кроме того, указывалось, что в каждом вагоне должны найти места на 40–45 человек. В каждом эшелоне «один или два вагона должны быть отведены для охраны»³.

Когда был загружен сотый пленный, раздвижную дверь с большим усилием закрыли и снаружи задвинули засов. Мы оказались в темноте, оцепеневшие и растерянные, еще не уверенные в том, что всё произошедшее было реальностью, а не бредом. Потом внезапно, почти в унисон, поднялась волна воплей и рыданий <...>; плотная масса тел пришла в волнообразное движение, возникла неожиданная суета. <...>

¹ Gherardini. Morire... Указ. соч., с. 176.

² Временная инструкция о конвоировании военнопленных из приемных пунктов в лагеря-распределители частями конвойных войск НКВД // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 619, л. 195–209. Оригинал. Совершенно секретно.

³ Там же.

Тишина вернулась внезапно — когда мы почувствовали, что дверь снова открылась. Увы, еще один десяток пленных затолкали внутрь размашистыми ударами прикладов. Становилось ясно, что заставить их войти не удастся — один из пленных, которого втокнули раньше, под давлением оказался наружи. Тогда русский [солдат] сделал пару выстрелов в головную часть вагона и заорал, что выстрелит ниже, если мы не дадим место вновь прибывшим. Место нашли: на плечах неудачников, стоявших рядом с входом. <...> Изнуренные, ослабевшие после двухнедельного перехода, изголодавшиеся, мы были не в состоянии удержаться на ногах столько часов. Сначала некоторые, потом все остальные, совершенно обессиленные, соскальзывали к ногам соседей, падали друг на друга, как пустые мешки, часто даже не коснувшись пола — такой густой была масса тел¹.

Расстояния не были особенно большими, но поезда часто простаивали целыми днями, а пленным категорически запрещалось выходить из вагонов. Крайне скудная пища выдавалась нерегулярно, ее бросали через открытую дверь. Желая получить хоть что-то, пленные жестоко дрались, из-за чего почти всё пропитание — а это был в основном черный хлеб — рассыпалось по грязному полу, смешиваясь с экскрементами.

Когда нас перевозили по железной дороге, в каждый вагон набивалось по 80 человек. Нам давали 200 граммов черного хлеба, ничего горячего за весь день и даже воды. Хлеб нам бросали через окошки — двери открывали, только чтобы вытащить умерших².

В пути среди военнопленных вследствие полного отсутствия гигиены разразились первые эпидемии тифа и дизентерии; кроме того, не залеченные раны, обморожения, приводящие к сепсису и пневмонии, были причиной смерти сотен этих людей.

Могу утверждать, что из примерно 2.400 человек, что находились в эшелоне в феврале 1943 г. и направлялись в госпиталь, только около половины доехали до пункта назначения, а из них только 500 были живы после двух месяцев нахождения в госпитале³.

Перевозка в поездах была бесчеловечна еще и потому, что пленным не уделялось никакого внимания: забывали даже о трупах, и живые часто ехали вместе с мертвыми, пока конвой не удосуживался их

¹ Vicentini. Указ. соч., с. 84.

² Свидетельство Джузеппе Зироне в: Messe. Inchiesta... Указ. соч., с. 37.

³ Свидетельство Бруно Бернадони, там же.

выгрузить или перенести в последние вагоны¹. Как и на маршах, во время перевозок охранники не регистрировали умерших, поэтому число их установить невозможно. Ловкачи из военнопленных догадались, что можно сберечь скудный рацион питания, не сразу заявляя о наличии в вагоне умерших и тем самым рассчитывая хотя бы еще день получать за них хлеб².

Согласно Инструкции, во время остановки эшелонов узникам запрещалось не только вступать в какие-либо контакты с населением, но даже «разговаривать или обмениваться корреспонденцией с пленными в соседних вагонах», «загрязнять пол и стены вагона, делать на них надписи; нарушать тишину криками, песнями, свистом; отправлять письма и телеграммы»³. Многие указания не имели, разумеется, смысла: пленным не разрешалось выходить из вагонов даже для отправления естественных потребностей.

Инструкция представлялась скрупулезной и в том, что касалось медицинской помощи: тяжелораненых следовало передавать вместе с сопроводительными документами транспортной милиции, которая должна была отправлять их в ближайший военный госпиталь. В случае смерти следовало передавать железнодорожной милиции труп вместе с сопроводительными документами для перевозки в госпиталь для освидетельствования и захоронения.

Указания относительно пищи звучали категорично:

Питание военнопленных должно быть организовано:

а) выдачей сухого пайка на весь путь следования приемным пунктом НКВД;

б) снабжением горячей пищи через питательные пункты Красной Армии⁴.

Свидетельства вернувшихся из плена и документы, предоставленные российским правительством, всё это не подтверждают.

¹ Об этом пишет генерал Ренато Саджезе, бывш. директор Отдела внешних связей «Commissariato di Onorcaduti»: «В местечке Рада, к востоку от Тамбова, в роще перед железнодорожной станцией, в братских могилах было похоронено две тысячи итальянских военнопленных, умерших в поездах»; см.: *Saggeze R. Rapporto riguardante la ricognizione delle aree di sepoltura dei prigionieri italiani in alcuni lager della ex Unione Sovietica*. Roma, giugno 1993.

² Об этом мне сообщил во время интервью 8 февр. 2001 г. ст. сержант Гвидо Мартелли, бывший военнопленный, служивший в 120-м арт. полку дивизии «Челере».

³ Временная инструкция о конвоировании военнопленных...

⁴ Там же.

Так, с одной стороны, официальные документы указывают на намерение относиться к военнопленным наилучшим образом; с другой, факты в целом говорят о нежелании осуществлять это намерение на практике. Это связано с факторами двоякого рода: во-первых, с отсутствием воли к улучшению содержания противника, во-вторых, с недостатками организации и управления, отсутствием координации между органами НКВД и Политуправления Красной Армии. Помимо прочего, стоит вспомнить, что 4 июля 1941 г., когда вышла упоминавшаяся *Инструкция*, управление военнопленными еще находилось под определенным контролем, поскольку их число было весьма незначительным (к 31 декабря того года Красная Армия взяла в плен 9.147 человек¹). После второй оборонительной операции на Дону и разгрома противника под Сталинградом (февраль 1943 г.) число военнопленных достигло сотен тысяч, и как командование Красной Армии, так и НКВД больше не могло контролировать положение.

Организация перевозки пленных трещала по всем швам, и на это ясно указывает постановление от 5 февраля 1943 г., где заместитель наркома внутренних дел Аполлонов открыто заявил, что число эшелонов, приспособленных для транспортировки пленных, недостаточно; не хватало даже конвоиров и людей, способных обеспечить снабжение пищей и водой: «начальники эшелонов не обеспечили их снабжение, не организовали и не распределили работу между своими подчиненными и помощниками, что имело крайне негативные последствия»². Для улучшения положения НКВД решил возложить ответственность за перевозки только на средний и высший командный состав конвоя. Они должны были на протяжении всего пути обеспечивать доставку «горячей пищи один раз каждые 24 часа; горячей воды не менее одного раза в сутки и холодной воды в достаточном количестве; ежедневную раздачу хлеба и других продуктов; обогрев вагонов; при отсутствии в вагоне гигиенических средств не менее двух остановок каждые 24 часа для удовлетворения естественных потребностей»³. В случае, когда в вагонах эшелонов не существовало оборудования для перевозки людей и обогрева, предписывалось «не разрешать транспортировку военнопленных в таких вагонах», что было

¹ См.: Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал, 1990, № 9, с. 39–46, 40.

² Приказ № 00242 о мероприятиях по упорядочению конвоирования военнопленных. ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 132, л. 165–165 об-166, л. 166 об. Совершенно секретно.

³ Там же, л. 165 об.

невозможно ввиду явной нехватке эшелонов. Наконец, в документах сохранилось напоминание, что «за смерть военнопленных во время перевозки полную ответственность несут начальники железнодорожных эшелонов и их помощники вплоть до передачи их дел в военный трибунал»¹.

В начале 1943 г. немало воинских эшелонов с ранеными и обмороженными прибыли в тыловые госпитали за Волгой и на Урале. С того момента, когда пленных начали часто перевозить из лагеря в лагерь, транспортировка в поездах стала обычной практикой². Направления перевозки итальянских офицеров менялись три раза, и, наконец, в октябре их собрали в лагере № 160 в Суздале, который с тех пор стал лагерем для офицеров всех национальностей³. Солдат разместили в пяти или шести лагерях, а затем отправили в Казахстан. Во время этих перевозок для пленных создали несколько лучшие условия, но обычно перевозки продолжались долго и вследствие этого число умерших было по-прежнему очень велико.

¹ Там же, л. 166. Никаких документов о наказании должностных лиц из-за смерти военнопленных не обнаружено.

² Интересно, что маршруты, организованные НКВД, вторят тем, что устраивала царская полиция: иногда даже и лагеря были те же самые, как, например, лагерь № 7062 в Дарнице под Киевом; см.: Rossi M. I prigionieri dello zar. Milano: Mursia, 1996. P. 87–98.

³ Лагерь № 160 был устроен в одном суздальском монастыре; в первые месяцы 1943 г. тут были заключены итальянские военнопленные, захваченные в плен в 1942 г.

Глава вторая

Россия и военнопленные

1. Советская управленческая структура

Как свидетельствуют многочисленные постановления НКВД¹, юрисдикция военнопленных распределялась по большому числу административных, военных и политических учреждений. Среди них был собственно НКВД, который занимался их регистрацией, распределением по лагерям, снабжением, а также отправкой в лагеря. Непосредственно делами пленных в НКВД занималось Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Пленные считались «врагами советского народа», подобными внутренним классовым врагам: напад на государство рабочих и крестьян, они совершили преступление и против своего общественного класса — во всяком случае, если это солдаты пролетарского происхождения. Этим объясняется, почему заниматься ими должен был наркомат внутренних дел, а не вооруженных сил.

В области политической пропаганды НКВД действовал совместно с Центральным Комитетом ВКП(б), в частности с его Управлением агитации и пропаганды (агитпроп) и с представителями коммунистических партий, эмигрировавшими в СССР. Весьма значительную роль играл Главное политуправление Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ГлавПУРККА)², которое вместе с НКВД занималось пропагандой среди

¹ См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М.: Логос, 2000.

² В недрах этого учреждения 12 июня 1942 г. был создан новый организм, Совет военно-политической пропаганды; см.: *Саблин В.* О деятельности Совета во-

бойцов на фронтах. Координация работы и общий контроль были поручены управлениям и отделам ЦК партии, ГлавПУРККА и Политическому управлению по делам военнопленных Коминтерна. Ответственными лицами учреждений, работавших с военнопленными, являлись А. С. Щербаков, начальник Политуправления Красной Армии и Агитпропа ЦК¹; члены ЦК Д. З. Мануильский, Л. З. Мехлис, Е. М. Ярославский и ответственный работник Политуправления флота И. В. Рогов. Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) вел пропагандистскую работу на фронте и в лагерях для военнопленных; он также принимал участие в составлении листовок и в пропаганде по радио². Большой вклад в пропаганду среди пленных внес глава болгарской компартии и Первый секретарь Коминтерна Георгий Димитров. По его инициативе 22 июня 1941 г. Секретариат Коминтерна одобрил резолюцию, где предусматривалось тесное сотрудничество с Политуправлением Красной Армии в разработке антифашистских призывов³. Несколькими днями позже по указанию Димитрова среди политэмигрантов были выбраны пропагандисты, писатели, поэты, журналисты для проведения на фронте идеологической работы среди войск противника⁴. Ответственным за работу среди военнопленных итальянцев назначили Винченцо Бианко (Бьянко), представителя итальянской компартии⁵ в Исполкоме Коминтерна, руководителями которого были Димитров и Тольятти; последний являлся тогда и одним из секретарей Коминтерна.

После роспуска Коминтерна в июне 1943 г. координировать политическую работу среди военнопленных стал Институт 99, одно из управлений ЦК ВКП(б)⁶. Работниками этого института, находившегося в Москве, были эмигранты-коммунисты; в его задачи входило «решение

енно-политической пропаганды (1942–1944 гг.) // Военно-исторический журнал, 1978, № 4, с. 90.

¹ С 1945 г. этой деятельностью занимался А. Жданов, а с 1948 г. — М. Суслов.

² После роспуска Коминтерна структуры ИККИ были включены в партийный аппарат.

³ См.: РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 10.

⁴ Во время встреч с политинструкторами Красной Армии Димитров призывал опираться на опыт большевистской пропаганды; см.: Бурцев М. Г. Димитров в годы борьбы с германским фашизмом // Военно-исторический журнал, 1972, № 6, с. 69 (автору довелось лично слушать выступление Димитрова).

⁵ С июня 1943 г. компартия Италии (Partito comunista d'Italia) стала называться Итальянской компартией (Partito comunista italiano).

⁶ Решение о роспуске ИККИ, РГАСПИ, ф. 495, оп. 73, д. 174, л. 77–82.

организационных вопросов работы с советами, издание газет для военнопленных, подготовка радиопередач, направление работников на фронт и в лагеря и т. п.»¹. Еще одна функция института состояла в подготовке гражданских преподавательских кадров для двух антифашистских школ, о которых речь пойдет в дальнейшем.

По существу, в работе с военнопленными участвовали различные органы: НКВД занимался организационными и полицейскими задачами (среди них были также допросы и выявление вероятных военных преступников); Политуправление Красной Армии, ВКП(б) и Коминтерн курировали пропагандистскую работу.

2. Отношение к военнопленным

В начале войны с Германией советское правительство обязалось соблюдать Женевскую конвенцию, хотя и не подписало ее, но при условии, что противники СССР также будут ее соблюдать². Таким, в сущности, был смысл телеграммы, направленной Молотовым 27 июня 1941 г. президенту Международного комитета Красного Креста Максу Хьюберу (Huber) в ответ на его просьбу изложить позицию СССР в отношении Женевской конвенции³. Как известно, это соглашение признает право воюющих сторон брать в плен военнослужащих противника, но возлагает на них обязанность сохранять жизнь и здоровье пленных с тем, чтобы по окончании конфликта они могли возвратиться домой в насколько возможно хорошем состоянии. В статье 8 Конвенции в частности указывается: «Воюющие стороны обязаны обмениваться информацией обо всех содержащихся у них военнопленных в максимально короткие сроки через информационные службы, как это предусмотрено статьей 77. Стороны обязаны также официально сообщать почтовые адреса, на которые могут отправлять корреспонденцию семьи пленных»⁴.

22 июля президент Международного комитета Красного Креста телеграфировал Молотову о готовности Италии и Словакии обменяться

¹ *Einsiedel, H. von.* Tagebuch der Versuchung. Frankfurt a.M.-Berlin-Wien, 1985, с. 76.

² Подробнее см.: *Picciaredda S.* Diplomazia umanitaria. La Croce Rossa nella Seconda guerra mondiale. Bologna: Il Mulino, 2003. с. 102 и далее.

³ Нарком Молотов 27 июня 1941 г. заявлял, что СССР готов удовлетворить запрос международного комитета Красного Креста и передавать информацию о военнопленных, если такая будет представлена и воюющими с СССР странами; АВП РФ, ф. 054, оп. 22, л. 22, д. 73, л. 36. Копия.

⁴ Convention relative to the Treatment of Prisoners of War; подписана в Женеве 27 июля 1929 г., вступила в силу 19 июня 1931 г.

списками пленных и раненых. Поэтому, подчеркивал Хьюбер, Италия обязалась присоединиться к Женевской конвенции. Телеграмма заканчивалась словами: «Мы будем рады узнать о позиции советского правительства по данному вопросу»¹. Москва, которая не ожидала от Италии — не подписавшей до тех пор ни Гаагскую, ни Женевскую конвенцию — таких быстрых действий, оказалась вынуждена объясниться на официальном уровне. В ответной телеграмме, отправленной А. Я. Вышинским² 8 августа, ему блестяще удалось отвергнуть предложение Италии и в то же время оставить место для дипломатических маневров. Вышинский подчеркнул, что Советский Союз якобы принимает положения как Гаагской, так и Женевской конвенции в том, что касается статьи 4, где говорится об улучшении содержания раненых и больных военнопленных. Он отметил, что относительно всех остальных можно было бы обратиться к статье 14 Гаагской конвенции, где воюющим сторонам предлагается составить списки пленных и подготовить «поименный военный документ» с указанием данных о каждом пленном. Однако этот документ «будет представлен правительству другой воюющей стороны только после заключения мира».

21 августа германское правительство заявило, что перед лицом жестокостей, которые совершают русские в отношении немецких военнопленных, оно не считает себя связанным женевскими положениями³. Безразличное, поверхностное и небрежное отношение советского правительства к регистрации пленных, к дипломатической и человеческой обязанности сообщать данные государствам-противникам было главной причиной неприсоединения СССР к Женевской конвенции. А «формальным» мотивом стал категорический отказ советской стороны принять принцип «распределения военнопленных по лагерям согласно их принадлежности к определенной расе или национальности»⁴.

12 марта 1942 г. итальянское правительство заявило Международному комитету Красного Креста, что оно «вынуждено прекратить сообщать сведения, относящиеся к взятым в плен, перемещенным или умершим советским военнопленным», с того момента, когда, несмотря на «быстроту»

¹ Bohme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Ein Bilanz. München, 1996. с. 165.

² В 1939–1944 гг. Вышинский являлся зампрезидентом Совнаркома; после войны — заместителем, и с 1949 г., министром иностранных дел.

³ Messe. Inchiesta... Указ. соч., с. 4, 24.

⁴ См.: Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1996, с. 17–23.

и «заботу», с которыми итальянское правительство сообщало данные о русских пленных, оно «должно с сожалением констатировать, что со стороны советских властей отсутствует какая-либо взаимность»¹.

Выработке установок по обращению с военнопленными, помимо трудностей дипломатического характера, препятствовали также политико-идеологические мотивации. Сталин был убежден, что тот, кто даже против своей воли попал в плен, достоин презрения. Это относилось и к пленным советским солдатам, которыми правительство и командование совершенно не интересовались. Пленение означало потерю всех гражданских прав, «заражение» чуждыми идеями, превращение в потенциального шпиона, т. е. в угрозу для советского государства. Согласно немецким официальным источникам, с июня 1941 г. в плен попали 5.754 тыс. советских солдат, по меньшей мере, 3.220 тыс. из них умерли (часть выживших использовали в немецкой промышленности). Положение советских пленных в руках немцев действительно было трагичным². 13 мая 1941 г. Гитлер издал приказ, освобождавший от дисциплинарной ответственности немецких солдат, которые совершат злодеяния в России. Несколько дней спустя появились директивы относительно войны против СССР, где содержались призывы к немецким войскам бороться «с большевиками энергичными действиями без соблюдения каких-либо правил», быть жесткими по отношению к любым представителям Красной Армии, даже к пленным³. 6 июня в Вермахте появились «Директивы об обращении с комиссарами», где предписывалось расстреливать на месте пленных политкомиссаров (политруков) из личного состава войск, даже сдавшихся в плен, «без всяких формальностей». По отношению к комиссарам поведение Вермахта являлось настоящим истреблением: «Наверное, самым позорным эпизодом этих массовых убийств было „испытание“ газа на 600 советских военнопленных в Освенциме в сентябре 1941 г., которое явилось прообразом последующего истребления евреев в немецких концентрационных лагерях в оккупированной Польше и в России»⁴.

¹ Сообщение МИД в Международный Красный Крест, за подписью Кассиниса, AUSSME, DS 2271/C.

² О дипломатических переговорах по поводу советских военнопленных см.: *Picciaredda*. Указ. соч., с. 111–119.

³ *Roberts G. Victory at Stalingrad*. London: Longman, 2002. с. 25.

⁴ Там же, с. 27. Известно, что советских военнопленных безжалостно уничтожали, о чем существует обширная мемуарная и историческая литература.

Итальянские войска, поскольку они не имели своих лагерей для военнопленных, — передавали русских военнопленных немцам; тем самым они не могли выглядеть в глазах советского правительства невиновными только потому, что не они сами убивали пленных¹.

Вопрос об обращении немцев с советскими военнопленными эффективно использовало в пропагандистской работе Политуправление для военнопленных. 5 февраля 1942 г. «Правда» опубликовала протест немецких военнопленных по поводу «варварского отношения» германских властей к советским пленным. Протест, подписанный 63 немецкими антифашистами из лагеря в Оранках, был направлен в Международный комитет Красного Креста. 4 июня последовал еще один протест, подписанный 115 немецкими пленными из того же лагеря, против жестокостей и насилия немецких властей по отношению к населению оккупированных территорий: «Мы, 115 солдат, возвышаем голос протеста в связи со зверствами, которым подвергаются советские военнопленные и мирное население оккупированных районов. Просим Международный комитет Красного Креста ознакомить с нашим протестом мировое общественное мнение»². Это был способ, хотя и не прямой, принятый советскими властями для общения с этим Международным комитетом.

К концу войны в Германии и в других европейских странах насчитывалось более пяти миллионов депортированных на работу советских граждан — военнопленных и гражданских лиц. В соответствии с ялтинскими соглашениями репатрировались только те, кто этого пожелает, но была предусмотрена и насильственная репатриация надевших во время взятия в плен немецкую униформу или служивших в Красной Армии до 22 июня, а также тех, кто, согласно надежным источникам, сотрудничал с врагом; после окончания военных действий советское правительство предприняло политическое и дипломатическое давление с целью добиться насильственной репатриации *всех* советских граждан³.

¹ В рапорте, посланном генералом Мессе 13 февр. 1945 г. министру иностранных дел, объяснялось, что советские военнопленные, захваченные войсками CSIR в первый год кампании (июль 41 — июль 42), отправлялись в немецкие концлагеря: согласно принятым прежде правилам (*Istruzioni concernenti prigionieri di guerra nemici*) устраивались совместные лагеря. Генерал Бильино, интендант 8-ой армии, сообщал, что согласно этим правилам был устроен лагерь для примерно 5 тыс. советских военнопленных; см.: *Messe. Inchiesta...* Указ. соч., с. 2 и далее.

² «Правда», 4 июня 1942.

³ См.: *Vacon E. The Gulag at War. Stalin's Forced Labour System in the Light of Archives.* New York: New York University Press, 1994, с. 92.

Согласно документам Советской армии, во время и после войны из Германии было репатриировано 2.775.700 советских узников¹ и среди них 126 тыс. офицеров и генералов. Юридически большинство из них считались преступниками. В указе Сталина № 270 от 16 августа 1941 г. объявлялось, что все военнопленные, попавшие в руки врага, будут рассматриваться как изменники родины². После возвращения все бывшие советские военнопленные собирались в проверочных и фильтрационных лагерях — примерно сотня их располагалась в восточной части Германии — для последующей перевозки в Советский Союз. Их половина оказались в гулаговских лагерях принудительного труда; из них 660 тыс. бывших военнопленных солдат и сержантов призывного возраста были направлены в трудовые батальоны Наркомата вооруженных сил для использования в «опасных производствах»³; солдаты и сержанты более старшего возраста — если они не сражались в частях Вермахта — якобы могли вернуться домой. Судьба офицеров, при очень редких исключениях, была трагической: после нескольких месяцев содержания в фильтрационных лагерях и «тщательной» проверки часть из них расстреляли; остальные попали в лагеря Гулага или в «спецпоселения» в Сибири⁴. Почти миллион человек из общего числа репатриированных советских пленных, избежавших ареста и фильтрационных лагерей, вернулись в армию⁵.

3. Регистрация пленных

Число военнопленных, оказавшихся в руках Красной Армии, всегда было предметом спора и среди западных, и среди российских историков. По недавно опубликованному данным российской стороны, в октябре 1945 г. в СССР находилось более 5,5 млн. военнопленных и интернированных иностранных национальностей⁶. Перепись пленных проводилась собственно только после их прибытия в распределительные лагеря, т. е. после гибели многих во время транспортировки. Только в редчай-

¹ Там же, с. 93.

² Там же, с. 92.

³ См.: *Ибатуллин Т. Г.* Война и плен. СПб., 1999, с. 18.

⁴ Там же.

⁵ *Васоп.* Указ. соч., с. 93.

⁶ См.: *Галицкий В. П.* Репатриационная политика Советского правительства во второй мировой войне и после нее // Трагедия плена. Материалы научной-практической конференции. Красногорск, 1996.

ших случаях конвой записывал имена пленных, умерших на маршах и в поездах¹.

Целью регистрации являлся сбор сведений о пленниках, но, как следует из задаваемых вопросов, тех, кто вел допросы, больше всего интересовали национальная принадлежность и, в особенности, социальное происхождение попавших в плен. Для их политического использования было необходимо иметь «классовый» портрет. Выполнение этой задачи поручили хорошо организованной и считавшейся непогрешимой системе, руководимой специальными органами, где главную роль, в конечном счете, играл НКВД. В верном традициям и учению Ленина распоряжении № 25/11805 от 9 сентября 1940 г. *Разъяснения по установлению социально-политического лица военнопленных* компетентным органам предлагалось составлять подробное описание каждого пленного с целью выявить так называемых социально близких людей, т. е. тех, которые представляют собой потенциальных партнеров в борьбе против фашизма, а в не слишком далеком будущем могли бы стать союзниками и активными действующими лицами в «мировой революции». В сущности, распоряжение отдавало приоритет характеристике пленного с социальной точки зрения, и его социальное положение становилось определяющим в распределении обязанностей в лагерях и в возложении на него специальных функций; оно создавало основу для принятия конкретных мер в отношении пленного, например, при определении норм питания.

Новая и более детальная система регистрации описана в инструкции *Содержание и учет военнопленных в лагерях НКВД*², выпущенной 7 августа 1941 г., т. е. вскоре после германского нападения. Инструкция, помимо прочего, обязывала начальников лагерей «немедленно» сообщать о смерти пленников (§ IV). Она предписывала также ввести в практику анкеты, где должны были записываться все сведения о пленном. Формуляр включал 25 вопросов, которые касались не только данных личного характера, звания и подразделения, где служил пленный, но и его социального статуса. Стояли вопросы и о социальном положении родителей,

¹ Что касается записей, то Карло Вичентини в интервью от 28 апреля 2000 г. сообщал, что в момент взятия в плен советские солдаты даже не поинтересовались его именем; врач Веньеро Аймоне Марсан также вспоминал, что его, прибывшего в Тамбов 27 января (1942 г.), впервые допросили лишь 15 мая (интервью 10 марта 2000 г. в Риме).

² ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 606, л. 351–384. Оригинал. Секретно.

рекомендовалось перечислить всё принадлежащее семье движимое и недвижимое имущество. Если пленный был из крестьян, то требовалось подробно описать собственность, а именно: количество земли, применяемые машины и оборудование, количество скота, число работников в хозяйстве. Проявлялся интерес к профессии пленного (пункт 11), принадлежности к партии (12), уровню образования (13)¹.

Регистрационные формуляры составлялись в двух экземплярах — один хранился в архиве лагеря, другой направлялся во 2-й отдел Управления НКВД по делам военнопленных. В обоих экземплярах отражались все передвижения и изменения в статусе пленного: перевод в другой лагерь или из лагеря в больничный изолятор, арест, попытки побега, освобождение и смерть².

В 1941–1945 гг. форма регистрации постоянно совершенствовалась, и формуляр, ставший стандартным средством контроля за военнопленными и интернированными, в конце войны содержал не менее 40 вопросов³. Для комиссаров НКВД самыми существенными характеристиками пленных стали их роль в немецкой армии (вопрос 23) и степень желания продолжать участвовать в боях (вопрос 17). Важным аспектом считались обстоятельства взятия в плен. Добровольная сдача силам Красной Армии вызывала недоверие к пленному и была негативным фактором, кроме сдачи по политическим мотивам. В последних случаях отношение ответственных работников НКВД менялось, и пленный мог рассматриваться — не без оговорок — как сочувствующий и использоваться для пропаганды и шпионажа⁴.

При заполнении формуляров или на допросах военнопленные давали ложные сведения о своем социальном происхождении, выдавая себя за пролетариев, когда принадлежали к буржуазии, и за крестьян, когда были землевладельцами. Сотрудники НКВД, недоверчивые в принципе,

¹ ГАРФ, ф. 9401, оп. 12, д. 205, том 12, л. 313–316.

² Там же.

³ См.: РГВА (Российский Государственный Военный архив), д. 03–1859853.

⁴ В связи с этим сошлемся на неоднократное интервью одного бывшего военнопленного (ноябрь 1999, март 2000 и сентябрь 2001 гг.), рассказавшего, что предложение сдать советским он получил уже от коммунистов в своем городе; на линии фронта он обратился по-русски к солдатам с просьбой дать прикурить, а затем, вызвав политрука, сдался в плен (вместе с товарищами). Отправленный в тамбовский лагерь, учился затем в антифашистской школе в Красногорске и занимался пропагандой среди пленных, помогая СССР и после возвращения на родину.

задавали одни и те же вопросы спустя несколько месяцев, чтобы проверить достоверность сообщенной ранее информации. Очевидно, что, то ли из-за новой обстановки, где оказывались опрашиваемые, то ли из-за того, что прошло слишком много времени после предыдущего опроса, пленные часто не помнили, что они сказали в прошлый раз, и поэтому должны были либо придумывать новую ложь, либо говорить правду¹.

Люди, принадлежащие к рабочему классу или крестьянству, отбирались как «естественные» кандидаты на антифашистские курсы, создаваемые сразу после прибытия в лагерь.

Интересно, что формуляр, использовавшийся как для военнопленных, так и для гражданских лиц, интернированных в Гулаге, широко использовался и после войны: анкету унифицировали и использовали как образец для регистрации всех лиц, подпавших под контроль НКВД, — обвиненных в шпионаже, бывших советских военнопленных, политических заключенных, «бытовых» преступников².

Несмотря на хорошо продуманные намерения, отразившиеся в нормативных предписаниях, задача формуляров и энергичный сбор данных принесли плоды значительно позже; на начальной стадии, как вследствие очевидных практических трудностей, так и по причине большого числа пленных ответственные за опрос военные весьма приблизительно выполняли директивы НКВД.

По свидетельствам ветеранов, попытки регистрации товарищей по оружию, которые погибли при взятии в плен или во время переходов, предпринимали сами пленные. Однако во время бесконечных обысков составленные ими списки тоже изымались³. Главной задачей этих обысков, которые непрерывно производились также и в лагерях, был именно поиск списков погибших пленных. Охранники перерывали бараки и «отбирали всё, что, по их мнению, казалось подозрительным, даже клочки почтовых открыток»⁴. «Именно в эти минуты утренних обысков

¹ Гвидо Мартелли, интервью 8 февр. 2001 г. в Сан-Ладзаро-ди-Савена.

² Вопрос о пленении и нахождении на оккупированных территориях был убран из анкет лишь в 1992 г.; см.: Всеволодов В. «Арифметика» и «алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе ГУПВИ НКВД-МВД СССР в период 1939–1956 // Трагедия войны — трагедия плена. М., 1999, с. 31.

³ Свидетельство монсьёра Энелио Франдзони, бывш. капеллана дивизии «Пазубио», Болонья, 2 дек. 1999 г. (в 2009 г. в изд. Nordpress вышли его воспоминания «Memorie di prigionia»). См. также: *Gherardini. La vita...* Указ. соч., с. 165.

⁴ *Nannini L. Prigioniero in Urss. Pistoia: Nannini, 1993. С. 178.* Летчик Лорис Наннини, сбитый 2 сентября 1941 г. стал первым по хронологии итальянским военно-

охранникам удавалось отыскать жалкие обрывки списков умерших и мест их захоронения, составляемых и хранимых с религиозным рвением нашими капелланами в надежде известить семьи, когда они, наконец, вернутся в Италию»¹. Охранники «были одержимы поиском этих списков, которые каким-то образом стали бы в наших руках красноречивым свидетельством их ответственности за обрушившиеся на нас притеснения»².

4. Итальянские коммунисты в СССР и проблема военнопленных

Находившиеся в СССР представители ИКП, в частности Пальмиро Тольятти и Винченцо Бианко, должны были быть хорошо информированы о том, что произошло на фронте, и об одиссее, пережитой их пленными соотечественниками. В частности, в начале 1943 г., сразу после поражения итальянской армии на Донском фронте, Бианко взял на себя организацию политической работы среди итальянских военнопленных, создавая для них политические школы и газеты. Подобная деятельность заставляла его часто посещать лагеря, и поэтому у него сложилось ясное представление о физическом и психологическом состоянии итальянских пленн. Это следует из хорошо известного письма, которое Бианко отправил Тольятти 31 января 1943 г., где, помимо прочего, затрагивается проблема узников:

*Ставлю перед тобой очень деликатный вопрос, имеющий однако большое политическое значение. Я думаю, следует найти пути и средства для того, чтобы в соответствующей форме и с должным политическим тактом попытаться не допустить массовой гибели военнопленных, как это уже произошло. Я не могу откладывать, ты понимаешь, поэтому оставляю тебе поиск формы, в которой можно это сделать <...>*³.

Итак, Бианко просил Тольятти вмешаться; призывая к «политическому такту», он сознавал возможную реакцию Сталина на подобное вмешательство секретаря Коминтерна. Политическое мировоззрение Сталина

пленным и единственным репатриированным летчиком (в июле 1946 г.). В мемуарах он рассказывает о различных местах заключения, упоминая и о допросе, проведенном Н. С. Хрущевым.

¹ Там же.

² Там же, с. 212.

³ РГАСПИ (Российский Государственный архив социально-политической истории), ф. 527, оп. 1, д. 1, с. 14. «Письмо Бианко к Тольятти» опубликовано в «Рапогата», 9 февр. 1992.

не допускало никакой независимой позиции, никакого политического вмешательства даже со стороны видных коммунистических деятелей, особенно на этой решающей стадии войны.

Ответ, направленный к Бианко между 15 февраля и 3 марта 1943 г.¹, от Тольятти, напоминает о спертom воздухе, которым тот дышал в СССР в те годы, об отсутствии свободы действий², возможности высказывать предложения перед лицом сталинской власти, кроме полной поддержки догм международного коммунизма. Просьба Бианко, в сущности, представляла собой уклон, на сталинском жаргоне называемый «абстрактным гуманизмом», или даже «попытку поставить национальные интересы выше классовых»³. Тольятти, который за все эти годы извлек уроки из опыта жизни в СССР, обвинял Бианко в чрезмерной «сентиментальности», в том, что он своими филантропическими рассуждениями отступает от позиции, вытекающей из лидерства Сталина. Тольятти писал:

Следующее, в чем я также не согласен с тобой, это вопрос об отношении к военнопленным. Я вовсе не жесток, как ты знаешь. Я столь же гуманен, как и ты, или насколько может быть гуманна дама из Красного Креста. Наша принципиальная позиция в отношении войск, которые вторглись в Советский Союз, была определена Сталиным, и мне нечего к этому добавить. На практике, однако, если большое число военнопленных погибнет вследствие существующих тяжелых условий, я абсолютно не вижу в этом повода для разговора. Совсем наоборот. И я объясню тебе почему. Нет никаких сомнений в том, что итальянский народ отравлен империалистической, разбойничьей идеологией

¹ Текст письма (с рядом ошибок в переводе) опубликовано в «La Stampa», 15 февр. 1992, с. 4. Верный текст см.: в: *Risaliti R. Togliatti fra Gramsci e Nesciaev*. Prato: Omnia Minima, 1995, с. 58. Накануне публикации в «La Stampa» Николай Терещенко, бывший политрук, работавший инструктором в красногорской школе в интервью «La Repubblica» заявлял, что «Эрколи» (т. е. Тольятти) помогал пленным и беспокоился о них, не разрешив, например, публиковать карикатуру на Италию, могшую задеть их чувства; в целом Терещенко считает, что на Тольятти в связи с пленными возведена клевета («La Repubblica», 9–10 февр. 1992). См. также: *Tereščenko N. L'uomo che «torturò» i prigionieri di guerra italiani*. Milano: Vangelista, 1994.

² Действия Тольятти контролировались НКВД, т. к. его подозревали в намерении установить отношения с немцами и сбежать из СССР; см.: [Bočenina N. D.] *La segretaria di Togliatti*. Memorie di Nina Bočenina. Firenze: Ponte alle Grazie, 1993, с. 23.

³ См.: *Aga-Rossi E., Zaslavsky V. Togliatti e Stalin*. Bologna: Il Mulino, 2007, с. 166.

фашизма. Конечно, не в такой степени, как немецкий народ, но всё же в значительной. Яд проник в среду крестьян, рабочих, не говоря уже о мелкой буржуазии и интеллигенции — в общем, он проник в народ. Тот факт, что для тысяч и тысяч семей развязанная Муссолини война, и прежде всего экспедиция в Россию, закончится трагедией и личным горем, является лучшим и наиболее эффективным из противоядий. Чем глубже укоренится в народе убеждение в том, что агрессия против других стран несет смерть и разрушение собственной стране и каждому отдельно взятому гражданину, тем лучше для будущего Италии. Массовые побоища при Догали и Адуа¹ стали одним из наиболее мощных тормозов в развитии итальянского империализма и одним из самых сильных стимулов для развития социалистического движения. Мы должны добиться того, чтобы разгром итальянской армии в России сыграл сегодня ту же роль. В сущности, те, которые, как ты пишешь, говорят военнопленным: «Никто вас сюда не звал, значит и нечего жаловаться», — глубоко правы, хотя верно и то, что многие из пленных оказались здесь только потому, что были сюда посланы. Трудно, более того невозможно, провести грань внутри одного народа, кто несет ответственность за проведение той или иной политики, а кто нет, особенно, если народ не ведет открытой борьбы против политики правящих классов. Повторяю: я вовсе не считаю, что военнопленные должны быть уничтожены, тем более, что мы могли бы использовать их для достижения определенных результатов и другим способом; но в объективных трудностях, которые могут привести к смерти многих из них, я вижу не что иное, как конкретное выражение той справедливости, которая, как говорил старик Гегель, имманентна, присуща историей. А теперь — к вопросам практической работы².

Отказ Тольятти предпринять какие-либо инициативы для спасения итальянских военнопленных, попытка представить смерть тысяч людей как справедливое возмездие за участие в войне против СССР доказывают факт полного подчинения руководства ИКП сталинской политике. Согласно Тольятти, смерть многих тысяч узников являлась «самым эффективным противоядием» от фашистской политики,

¹ При Догали, 26 января 1887 г., итальянский отряд (548 чел.) был почти полностью уничтожен эфиопами; при Адуа, 1 марта 1896 г., итальянцы были разбиты абиссинцами.

² «Отечественные архивы», 1992, № 3, с. 91, 93. Оригинал в: РГАСПИ, ф. 527, оп. 1, д. 1, л. 18–25.

своего рода «перевоспитанием ударами». Хотя лидер ИКП ничего не сделал, чтобы остановить истребление пленных, он утверждал, что, оставшись в живых, они в любом случае могли бы послужить делу коммунизма, для чего и строился план открытия антифашистских школ и курсов, где эти самые спасенные от смерти пленные должны были «перевоспитаться».

Бианко сухо ответил в письме от 20 марта:

Я не собираюсь вступать в дискуссию ни с тобой, ни с кем-либо еще. Твою точку зрения я не разделяю, и поэтому, вернувшись, я обратился к тов. Джорджо [Димитрову]. То, что сказал Сталин, я помню очень хорошо, если бы это было применимо к данной ситуации, я бы и слова не сказал ни тебе, ни другим. Адуа, Догали, Абда, Карина — в Африке, а мы — в Советском Союзе, и это совсем другое дело. Не думай, что я сестра милосердия. Я прекрасно отдаю себе отчет, в том, что сражаясь против Советского Союза, они совершили серьезное политическое преступление против советского народа, указавшего им путь выхода из войны, против самих себя и того класса, к которому они в большинстве своем принадлежат. Но ставить крест на трудящихся массах стран фашистского блока — ты лучше меня знаешь, что это значит, и, кроме того, я очень хорошо знаю, что ты так не думаешь. Но, к сожалению, я должен констатировать, что подобное мнение распространено и довольно широко¹.

Здесь не место анализировать отношения между лидером ИКП и другими руководителями партии, однако нельзя не отметить удивительно решительный тон, с которым Бианко в этом письме обращается к Тольятти. Но и тот факт, что, несмотря на ответ коммунистического лидера, Бианко выразил свою растерянность и озабоченность Димитрову, тоже довольно удивителен. В дневнике Димитрова его встреча с Бианко помечена 16 марта:

Бианко. Он мне сообщил о своей поездке в лагерь для военнопленных в Тёмниково [№ 58, Мордовия] (4,5 тыс. итальянцев, 10 тыс. румын, 1 тыс. немцев и др.). Огромная смертность. Нехватка всего. Ошибочные распоряжения начальника лагеря и т.д. Я попросил его составить документы по этому вопросу, чтобы довести такое положение дел до сведения соответствующих инстанций².

¹ Там же, с. 90.

² *Dimitrov G. Diario. Gli anni di Mosca (1934–1945), a cura di S. Pons. Torino: Einaudi, 2002, с. 586.*

Следуя совету Димитрова, Бианко 24 марта написал ответственно-му работнику Управления лагерей для военнопленных генерал-майору Г. П. Петрову. В письме¹ есть действительно интересные фрагменты, не только пролившие свет на различие точек зрения на положение пленных Бианко и Тольятти, но также на состояние заброшенности и протрации, в котором пребывали пленные (у них нет обуви, они не могут помыться; администрация лагеря, желая победить вшей, отобрала у пленных стеганные куртки вместо того, чтобы подвергнуть их дезинфекции). Бианко считал, что такое положение объясняется как резко негативным отношением администрации к пленным, так и отсутствием координации между «военными и политическими властями». Основная мысль Бианко состояла в том, что первые видели в пленных только «сознательных врагов социалистического отечества»; вследствие этого лагерные начальники не хотели принимать необходимых мер для улучшения условий их содержания. Политические руководители, напротив, считали пленных долговременным капиталовложением: если их, «обманутых» и «оглувленных» фашистской идеологией, возродить и перевоспитать политическими мероприятиями, то они могут стать «активными союзниками» коммунистического движения и «лучшими пропагандистами» на службе будущей «социалистической родины». Бианко полагал, что страшные условия жизни в лагере и враждебное отношение советской администрации к пленным сделают «невозможной работу по их перевоспитанию» и «значительно осложнят деятельность тех товарищей, на которых возложены функции политических наставников».

Но тех, кто со всей очевидностью показывает недостатки в управлении лагерем, пишет Бианко, обвиняют в «филантропии» или даже в том, что они сделали «адвокатами военнопленных»².

Осуждение со стороны Бианко противостояло умонастроению людей, не терпевших гуманного подхода. Настойчивость, с которой он обращался то к Тольятти, то к советским функционерам, ответственным за положение военнопленных, то даже к самому Димитрову, показывает, что он был искренне заинтересован судьбой своих соотечественников. Кстати, Бианко, в отличие от Тольятти, сам посещал лагерь.

Тем не менее, ответ на вопросы, поставленные Бианко, заключался в словах Тольятти об определенной Сталиным «принципиальной позиции» по отношению к армиям, вторгшимся в Советский Союз. Если

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 74, д. 256, л. 24.

² Там же.

Бианко стремился взломать ее, то Димитров, советские военные руководители, такие как Петров, и сам Тольятти ее вполне принимали и даже оправдывали. Контрапунктом к безразличию, продемонстрированному в письме Тольятти, прозвучало его собственное предложение на Рождество 1944 г. собрать небольшие подарки для итальянских солдат и офицеров — инициатива, которая, по его словам, могла бы стать «важным политическим событием». Когда в ее осуществлении ему отказали, Тольятти заявил, что эти подарки могли бы скомпрометировать антифашистскую работу в лагерях¹: так еще раз цели НКВД и интересы СССР были поставлены впереди человеколюбия. Эта инициатива стала, кажется, единственным жестом сочувствия к военнопленным, сделанным Тольятти. Его поведение — с одной стороны, суровое, если не безжалостное, а с другой, робко-старательное — показывает, как усердно он лавировал между личной ответственностью и обязательствами, возлагаемыми на крупнейшую фигуру как итальянской политической жизни, так и международного коммунизма.

¹ *Voçenina*. Указ. соч., с. 41.

Глава третья

В лагерях

1. Организация лагерей

Сразу после поражения немецко-фашистских и союзных с ними войск на Дону и под Сталинградом командование Красной Армии пыталось организовать распределение военнопленных, сосредоточивая их на сборных пунктах в прифронтовой полосе. Это стало лишь временным решением проблемы, так как сборные пункты не были оборудованы, а близость к фронту значительной массы пленных делало уязвимой Красную Армию: она подвергалась опасности решительной контратаки с целью их освобождения.

Лагеря различались по функции и назывались приемными пунктами военнопленных (обозначались сокращением ППВ) и сборными пунктами военнопленных (СПВ), если они были предназначены для их первичного приема. Затем пленных сортировали и распределяли по разным лагерям для интернированных по критериям (обычно принималось во внимание воинское звание).

В первые месяцы 1943 г. НКВД издал многочисленные приказы и постановления, целью которых было упорядочение распределения пленных; среди этих документов имелось распоряжение от 9/11 апреля, где предписывалось «расширить существующую сеть мест заключения и построить новые лагеря для военнопленных»¹. Нарком внутренних дел Лаврентий Берия приказал «довести вместимость лагерей для военнопленных до 500 тыс. мест». Относительно проведения работ в параграфе 6 уточнялось, что «строительство осуществляется по типовым проектам без

¹ ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 2. Строжайше секретно.

предварительного определения расходов с использованием рабочей силы военнопленных и спецконтингента»¹. Вместимость всех лагерей должна была примерно удвоиться. Например, лагерь в Тамбове (№ 188) должен быть рассчитан не на 8 тыс., а на 15 тыс. заключенных; лагерь № 74 в Оранках — не на 3, а на 5 тыс.; лагерь № 27 в Красногорске — не на 1.700, а на 3.500. Подобное расширение намечалось на июнь–июль, но, например, в Тамбов большую часть пленных итальянцев перевели уже в феврале, и, кроме итальянцев, там были размещены также немцы, австрийцы, румыны, венгры — всего 16 тыс. человек. Еще до окончания работ по расширению проблему вместимости решили чудовищные условия жизни, которые вели к гибели множества пленных. По имеющимся данным, с 1939 по начало 1943 г. на советской территории насчитывалось 24 лагеря для военнопленных²; между 1943 и 1951 гг. сеть концентрационных лагерей была настолько расширена, что их число достигло 533 и они находились на *всей* территории СССР³. К ним нужно добавить, по меньшей мере, 9 новых специальных лагерей, которые назывались «объектами»: они располагались преимущественно в Московской области, в Латвии, в Ивановской области и в Хабаровском крае. Лагерей и больниц, где были заключены итальянские пленные, насчитывалось 428⁴. Известно точное местонахождение только 130 этих учреждений.

Лагеря военнопленных обозначались двузначными числами, а больницы — они могли находиться внутри лагеря или в других зонах — четырехзначными; в системе концентрационных лагерей больниц было не менее 214⁵. Вообще идентификация лагерей затруднена из-за советского обыкновения непрерывно менять номер лагеря⁶; случалось, что один

¹ Там же.

² РГВА, ф. 1п, оп. 3а, д. 1, л. 1–3.

³ См.: Лагеря НКВД-МВД СССР для военнопленных и интернированных 1943–1951 гг. // Военнопленные в СССР. 1939–1956 / под ред. М. М. Загоруйко. М.: Логос, 2000, с. 1029–1037.

⁴ Включены все лагеря, т. е. где находился хотя бы один итальянец; статистику предоставил младший лейтенант Карло Вичентини из альпийской дивизии «Юлия» (интервью 28 апреля 2000 г., Монте-Порцио-Катоне).

⁵ Более подробно см.: Дислокация фронтовых лагерей (ФППЛ), приемных пунктов (ППВ), сборных пунктов (СПБ) по обслуживанию фронтов. По состоянию на 1 янв. 1945 (документ, подготовленный НКВД, был передан советской стороной в *Commissariato di Onorcaduti* итальянского Министерства Обороны).

⁶ Лагерь 62, например, сначала был приписан к тамбовскому лагерю 188, а затем к лагерю в Некрилово; см.: *Ministero della Difesa — Commissariato di Onorca-*

и тот же лагерь в разное время обозначался разными номерами. Бывало, что и разные лагеря, расположенные далеко друг от друга, обозначались одним номером; или номер ликвидированного лагеря присваивался новому лагерю в отдаленном регионе.

Решение о закрытии или перемещении лагеря иногда принималось вследствие «плохого состояния», которое делало невозможным размещение новых пленных. Так обстояло дело с лагерем в Хриновой (№ 81), где умерло множество итальянцев. «После тщательной проверки лагерей в Хоботово и Хриновая» замнаркома внутренних дел Круглов 6 апреля 1943 г. постановил закрыть их, приказав, чтобы материальное имущество было перемещено в другие лагеря, а «кредиты, полученные» за работу военнопленных, «переведены в финансовое управление НКВД»¹. По слухам, распространившимся среди заключенных, которые, однако, не подтверждают советскими документами, коменданта лагеря в Хриновой отстранили от должности и расстреляли² — может быть, в качестве козла отпущения за расстройство системы, достигшего в Хриновой ужасающего уровня. Причиной закрытия лагерей могли стать и соображения оборонительного и стратегического характера: например, лагеря в Некрилове (за номером 62, а затем 169) и Мичуринске (№ 56) были закрыты из-за их близости к фронту.

Ввиду распоряжений о закрытии заключенные были обречены на новые перемещения от линии фронта, частично на поездах, частично пешком, во время которых они испытывали крайние лишения и страдания, особенно на маршах.

Перемещения из лагеря в лагерь происходили по разным причинам. Так, например, вначале солдаты и офицеры содержались вместе, а позднее офицеры были переведены сначала в Оранки, потом в Суздаль (№ 160). Напротив, солдат перевозили из-за потребности в рабочей силе в разных районах СССР и использовали на сезонных работах или на заводах. Перемещение отдельных заключенных зависело от различных факторов, таких как намерение изолировать пленных специальных

duti. CSIR-ARMIR. Campi di prigionia e fosse comuni. Roma, 1996, с. 1.

¹ Приказ НКВД № 00673 о ликвидации Хоботовского и Хреновского лагерей НКВД для военнопленных от 6 апреля 1943 г., ГАРФ, ф. 9401, оп.1, д. 658, л. 249–251. Совершенно секретно.

² Сведения о расстреле представляются неправдоподобными, однако см.: *Francesconi M. Siamo tornati insieme*. Roma: Volpe, 1968, с. 99; *Caneva C. Calvario bianco*. Vittorio Veneto, sez. friulana UNIRR di Udine, 1972, с. 110.

категорий — летчиков или генералов, упрямых и непокорных людей, или же тех, кто часто жаловался на обращение¹. Иногда перевозили офицеров-врачей для использования в солдатских лагерях, а также лиц отдельных профессий и, наконец, пленных, посещавших антифашистские школы, с тем, чтобы использовать их для пропаганды среди соотечественников.

Непрерывные перемещения были одной из причин распространения болезней — тифа и дизентерии, которые поражали один лагерь за другим вслед за прибытием больных.

Перемещения были связаны также с организацией политической работы: пропагандистам-антифашистам и деятелям коммунистических партий, работавшим для Политуправления Красной Армии, приходилось много ездить по всей территории СССР, чтобы встретиться с пленными своих национальностей. Как мы уже видели, нередко таким поездкам препятствовал НКВД, который занимался безопасностью страны и поэтому не раз просил руководителей их ограничить. Этой проблемой занялся также Винченцо Бианко: в докладе о работе среди итальянских военнопленных в карагандинском лагере № 99, направленном Тольятти и Мануильскому 18 июня 1942 г., в числе предложений об улучшении пропагандистских мероприятий он указал на необходимость «просить Главное управление лагерей для военнопленных сосредоточить всех итальянцев в одном лагере»². Просьбу, естественно, оставили без последствий.

Военнопленные постоянно подвергались психологическим пыткам — угрозам, инсценированным расстрелам, инсценированным освобождениям. Во время допросов «пленных особого контингента» — генералов, летчиков, карабинеров высоких званий — обычно прибегали к тем же методам, которые использовались в отношении советских гражданских заключенных: например, их кормили сытной соленой пищей, а потом не давали воды; избивали или заставляли целыми часами стоять неподвижно³.

Невыносимые условия существования приводили к большому числу самоубийств, особенно среди больных тифом, во время тяжелых обострений заболевания бессознательно отказывающихся от пищи, а также среди тех, кто подвергался одиночному заключению за попытку к бегству

¹ *Massa Gallucci A.* No! 12 anni prigioniero in Russia. Milano: Rizzoli, 1958, с. 64 и далее (автор находился в плену до 1954 г. как «военный преступник»).

² Доклад Бианко о работе среди итальянских военнопленных в лагере 99. 18 июня 1942 г., РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 26, л. 3. Секретно.

³ *Nannini.* Указ. соч., с. 68.

или по обвинению в военных преступлениях¹. Берия делал выговоры за отсутствие надзора над заключенными, пытавшимися совершить самоубийство: этим актом пленные, осужденные за военные преступления, на самом деле «избегали ответственности за свои злодеяния, затрудняя возможность разоблачить известных им сообщников, которые есть среди советских граждан, и не только в сети шпионажа»².

Тюремную систему для военнопленных включили в структуру Гулага. В большинстве случаев — особенно это касалось офицеров — пленные содержались в специальных лагерях с целью исключить их контакты с гражданскими заключенными; но с ними они все-таки встречались во время выходов на работу³. В других случаях «филиалы» огромного лагеря, например, карагандинского в Казахстане, были предназначены исключительно либо для военнопленных, либо для советских заключенных.

Прибытие пленных в лагеря или колонии вызывало серьезные проблемы перенаселения, что приводило к снижению гигиенических норм и к общему ухудшению условий содержания⁴, которые уже в 1941 г. испортились настолько, что в 1942 г. НКВД издал многочисленные постановления для улучшения условий жизни заключенных, которые из-за отсутствия средств никогда не выполнялись⁵.

Как и в их предшественниках при царизме, в советских исправительных лагерях уголовные преступники и политические диссиденты смешивались⁶. Чтобы не допустить их солидарности и союза (в лагерях для гражданских лиц не раз вспыхивали восстания), администрация Гула-

¹ О самоубийствах см.: *Bertoldi C. La mia prigionia nei lager di Stalin. Università della Terza Età delle Valli del Cellina e del Colvera*, 2001, с. 34.

² Телеграфный приказ МВД № 216, Москва, 10.04.1948, ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 913, л. 231–232. Совершенно секретно. См. также: телеграфный приказ МВД № 371 от 10.06.1949 по поводу итальянцев и немцев, находившихся в плену и обвиненных в военных преступлениях, ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 986, л. 12. Совершенно секретно. О самоубийствах в Гулаге см.: *Ivanova G. M. Labor Camp Socialism. The Gulag in the Soviet Totalitarian System. New York-London: Sharpe*, 2000, с. 103.

³ Заметим, что ряд военнопленных содержался в заключении вместе с советскими гражданами.

⁴ См.: *Vason*. Указ. соч., с. 62, 146.

⁵ См. там же: с. 147, и, например, директиву Берии № 23 от 24 янв. 1942 г.

⁶ Многие современные историки называют царские тюрьмы (по крайней мере, в конце XIX — начале XX в.) достаточно мягкими по сравнению со сталинскими; «лагерей вообще не было, понятия даже такого» (А. И. Солженицын); политзаключенные и уголовники содержались обычно раздельно. — *Прим. пер.*

га систематически провоцировала конфликты. Например, начальником отряда или бригадиром ставили заключенного, подчиненными которого были заключенные других категорий: уголовник руководил бригадой из политзаключенных, или человека, осужденного за убийство еврея, делали бригадиром, когда большинство бригады составляли евреи.

В отношении военнопленных следовали тем же критериям. ГУПВИ вообще стремилось избежать группировки пленных одной национальности — они разделялись и распределялись по разным лагерям. По той же причине пленных и интернированных часто переводили из одного лагеря в другой.

Важнейшей характеристикой Гулага являлось использование труда военнопленных и интернированных. Цель Гулага состояла не только в изоляции и перевоспитании антисоветских элементов, но и в использовании огромного резерва рабочих рук для рабского труда, причем на самых опасных работах и в тяжелых для жизни районах. Военнопленных включали в эту систему с двойной целью — привить им «социалистический дух» и эксплуатировать их труд.

Управление работой и постановка задач основывались на выполнении установленных квот на производство, называемых нормами; за выполнение норм предоставлялись преимущества, например, увеличение скудного рациона питания, либо «премия или, лучше сказать, обещание премии каждый раз, когда норма будет выполнена, если не перевыполнена»¹. Обычно правила принудительных работ для гражданских заключенных были намного строже; например, нормы выработки, позволяющие им получить дополнительную пайку хлеба, определялись значительно выше, чем для военнопленных².

Наказания за невыполнение работ тоже были суровее: в исправительно-трудовых лагерях к пыткам и другим видам физического насилия прибегали легче и чаще, чем в лагерях для военнопленных. Наказания, предусмотренные для советских заключенных, как мужчин, так и женщин, в первом советском лагере на Соловках были тягчайшими: «Невыполнение нормы иногда сходило с рук, но чаще виновных часами держали в лесу на морозе, а бывало, что и всю ночь. Многие замерзали. Летом за такое же преступление выставляли „на комара“: связанные обнаженные люди ночью стояли в лесу, где густо роящиеся комары кусали их до крови»³.

¹ Kaminski A. I campi di concentramento dal 1896 a oggi. Torino: Bollati Boringhieri, 1997, с. 81.

² См.: декрет № 0463 от 3 дек. 1942, ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 119.

³ Brodskij Ju. Solovki. Le isole del martirio. Da monastero a primo lager sovietico. Milano: La Casa di Matriona, 1998, с. 61.

2. Распределительные лагеря

«Распределители» находились недалеко от линии фронта: в Тамбове, Мичуринске, Некрилове и Хриновой. Самым вместительным был тамбовский лагерь (№ 188): из итальянцев там находились заключенные большей частью из горно-стрелковых дивизий, взятые в плен во второй половине января 1943 г. Смертность достигала огромных масштабов — там умерли 8.268 итальянцев. Мичуринский лагерь (№ 56) действовал только три месяца, в течение которых умерли 4.234 итальянца, все из горно-стрелкового армейского корпуса. Тёмниковский лагерь № 58 находился в Мордовской республике (500 км к юго-востоку от Москвы); он состоял из многочисленных лагпунктов вдоль железнодорожной линии, находившейся под управлением НКВД. В нем содержались 4.239 итальянцев из пехотных дивизий — многие из них погибли. У лагеря в Некрилове (№№ 62 и 169), расположенном в 150 км к северу от фронта горно-стрелкового армейского корпуса, станцией сообщения служил Новохопёрск. В этом лагере умер 2.191 итальянец. После его закрытия в октябре 1943 г. выживших перевезли за Урал, в лагерную больницу № 6715. Лагерь в Хриновой в 90 км к западу от Некрилова находился на железнодорожной линии Валуйки — Острогорск. Это был большой лагерь для первичной сортировки, куда поместили основную часть захваченных в плен из дивизии «Кунезенсе»¹; он действовал только месяц — с 1 марта до 6 апреля 1943 г., — в течение которого, по русским источникам, погибло 1.566 итальянцев; однако огромное число погибших не фиксировалось вообще, прежде всего из-за плохой работы лагерных команд².

В отличие от Хриновой, где пленных помещали в конюшни старой, полуразрушенной казармы царского времени, в мичуринском и тамбовском лагерях вообще не имелось строений: они располагались в лесах. В Мичуринске пленные должны были спать на земле, тогда как в Тамбове они «помещались» в наполовину вкопанных в землю лачугах, внутри которых стояли опоры из толстых веток. Насчитывалось примерно 40 таких «бункеров»; семь из них занимали офицеры, остальные — солдаты, большей частью румыны и венгры. Вначале эти помещения были плотно забиты пленными, но с течением времени высокая смертность предоставила нужное пространство.

Рассказывает вернувшийся из тамбовского лагеря:

¹ От названия провинции и города Кунео на северо-западе Италии. — *Прим. пер.*

² Данные о лагерях см.: *Ministero della Difesa — Commissariato di Onorcaduti*. CSIR-ARMIR... Указ. соч., с. 6–18.

Бункеры — так мы их называли — состояли из подземных котлованов, самых настоящих больших туннелей разных размеров: от четырех метров в длину и трех в ширину (как тот, где оказался я) до более вместительных — пятнадцать и больше метров в длину и пять в ширину; вот в этих находилось до сотни заключенных. Во всех бункерах с земляными крышами толщиной примерно в один метр был единственный вход (будь осторожен — двери нет). Входя и выходя, нужно было рисковать — спускаться по желобу так быстро, чтобы сохранить равновесие, и прилагать все силы, чтобы по нему подняться. Внутри стен не существовало; вдоль прохода, пересекавшего бункер, справа и слева, были сделаны довольно высокие земляные насыпи; на них лежало немного соломы — наши убогие постели на ночь. Не имелось другой возможности, кроме как всё время находиться внутри (зарытыми!) из-за условий содержания и из-за того, что снаружи было еще холоднее, чем внутри. Так мы были осуждены на темноту, потому что в бункерах не существовало даже мельчайших отверстий для доступа света¹.

Вот другой рассказ:

Моей группе назначили бункер 21. Мы одними из первых спустились по трем или четырем ступеням замерзшего снега и, согнувшись, влезли в низкое отверстие без двери. <...> Внутри не было буквально ничего; замерзшая земля вместо пола служила той постелью, которую предлагал нам новый лагерь. Мы обнаружили, что нет кухни, туалета, воды, никаких сооружений и ограды. Только со стороны степи на расстоянии в пятьдесят метров — цепь увязших в снегу охранников в тулупах. Со стороны леса никого, по крайней мере, так кажется; нас привели сюда по дороге, но мы почти по пояс проваливались в рыхлый снег. Проверки сгубили наши самые скромные ожидания; лагерь не предлагал ничего, что вселяло бы надежду на выживание даже при животном существовании, которое отныне нам предстояло вести².

В тамбовском и мичуринском лагерях заключенные пользовались относительной свободой: там не существовало оград, поскольку побег был невозможен или тщетен из-за невыносимого климата русской зимы и сильного истощения пленных³. Практически отсутствовали какие-либо средства гигиены: не было воды и уборных; не было

¹ Bertoldi. Указ. соч., с. 35 и далее.

² Vicentini. Указ. соч., с. 94.

³ Gambetti F. Né vivi né morti. Guerra e prigionia dell'ARMIR in Russia. 1942–1945, Milano: Mursia, 1972, с. 143.

освещения; пленным приходилось утолять жажду снегом. Они носили до отвращения грязную одежду, полную вшей; не существовало никакой медицинской помощи, из-за чего несильные обморожения и не очень тяжелые ранения могли стать смертельными. Подобные условия вызывали эпидемии дизентерии и тифа, которые выкашивали заключенных¹.

Но самой тяжелой проблемой было пропитание: в Тамбове, когда хоть что-нибудь раздавали, пища состояла из куска черного хлеба на весь день, чая утром, «каши» (что-то вроде манной) в обед и супа — жидкой похлебки, совсем не насыщавшей, — вечером². В каждом бункере ежедневно организовывали команды, которые должны были отправляться в распределительные пункты и приносить товарищам пайку. В таких условиях хватало нападений и краж:

Около полуночи приходит начальник барака со своими верными людьми, которым поручена раздача хлеба; у них не меньше шести больших кусков. На них напала группа здоровенных румын с внушительными дубинками. Даже не оказывая сопротивления, некоторые из тех, кто стоял в очереди согласно заранее составленному списку, отказались от половины пайки, в том числе моей. Подозрения относительно начальника и его дружков усилились, особенно у тех, кто пострадал. А румыны, кажется, не удовлетворились шестью кусками³.

В Тамбове, Хриновой и Тёмникове царил полный хаос: «даже раздача супа всегда становилась предлогом для ссор, беспорядков, драк, в которые русские не вмешивались»⁴. Румыны и венгры, занимавшиеся раздачей пищи, гордые приобретенной ими ролью, презрительно относились к только что прибывшим немцам и итальянцам.

Майор Массе-Галлуччи в этой связи вспоминает эпизод, случившийся в первые дни его пребывания в тамбовском лагере:

Появилась бочка на телеге, влекомая бородами оборванными людьми, явно тоже заключенными, приставленными к кухне. Из бочки поднималось облачко дыма. Это был наш суп, хоть что-то теплое. И тут произошла тягостная сцена, о которой не хотелось бы вспоминать. Что за суп был в бочке, узнать не удалось. На нее бросилась

¹ Lopiano A. Quei lunghi giorni nella steppa. Ricordi di prigionia. Pasion di Prato: Campanotto, 1996, с. 94.

² Интервью с Джузеппе Басси от 10 февр. 2001 г. в Падуе.

³ Gambetti. Указ. соч., с. 149.

⁴ Vicentini. Указ. соч., с. 94.

изголодавшаяся толпа, завывая от голода. Бочка разлетелась на куски, и похлебка вылилась на снег, образовав большое желтоватое пятно¹.

В рассказах очевидцев лагерь предстает лишенным какой-либо организации, где заключенные были практически предоставлены самим себе. Действительно, во всех лагерях для военнопленных советского персонала не хватало: нередко при тысяче заключенных находился только один полковник или майор НКВД, политкомиссар, двое сержантов и десяток охранников. Еще военным помогали медсестры, которые оказывали санитарную помощь, занимались списками, формированием рабочих бригад заключенных или освобождением больных. В Тамбове контроль за дисциплиной и обслуживание были поручены румынам.

Помимо румын — несколько венгерских евреев, чехи, люди из Прикарпатской Украины, мобилизованные в нацистские и венгерские рабочие батальоны и освобожденные русской армией. Почти все — дипломированные специалисты или студенты университетов. Как румынская иерархия, так и евреи пребывают в прекрасном физическом состоянии и щеголяют элегантными мундирами².

Злоупотребляя своим положением, румыны установили самую настоящую тиранию в отношении пленных других национальностей. Была даже организована полицейская группа, члены которой «носили отличительные знаки и нарукавную повязку и вооружались суковатыми палками»; ее основной задачей была помощь румынам, нападавшим по ночам на пленных других национальностей, ответственных за хранение хлеба³. Кроме того, сами русские больше не били пленных, считая такие методы «фашистскими», и избиениями обычно занимались румыны, ответственные за дисциплину⁴. По свидетельству военврача лейтенанта Темистокле Паллавичини, в актах насилия и в злоупотреблениях в Тамбове были повинны русские, «которым во многом помогали начальники барачков и ответственные за разные службы — румыны, венгры, югославы⁵».

Из рассказов очевидцев явствует, что прибытие в лагерь не улучшило условий жизни заключенных — наоборот, дезорганизация, охватывавшая все лагеря, вела к еще большему увеличению смертности. В марте

¹ *Massa Gallucci*. Указ. соч., с. 61.

² *Gambetti*. Указ. соч., с. 154 и далее.

³ Там же.

⁴ Там же. с. 157, 165; см.: также *Malisardi S. Presente alle bandiere*. Bologna: Ape, 1976, с. 122.

⁵ AUSSME, DS2271/C, с. 4.

1943 г. вследствие распространения сыпного тифа только в лагерях в Тамбове, Тёмникове, Мичуринске и Хриновой смертность достигла 90 %.

В Тамбове <...> появился сыпной тиф; от него умирали по пятьсот-шестьсот человек в день. Голых, совершенно голых умерших на саях отвозили в леса. Если ты умер, тебя раздевают и ты теряешь национальность, всех мертвых смешивают друг с другом — немцев, итальянцев, венгров, румын. Всех вместе. Вот почему невозможно узнать, кто умер в России¹.

Таблица, опубликованная российско-немецким комитетом по сооружению мемориала жертвам тамбовского лагеря, дает аналитическую картину умерших по национальностям.

В лагере НКВД № 188 в Раде поступающих учитывали; за период с 1 декабря 1942 г. по 10 июня 1943 г. поступило 24.036 военнопленных, 10.639 из них умерли.

Смертность была особенно высока в следующие периоды: в январе 1943 г. умерли 1.854 человека, в феврале — 2.582, в марте — 2.932 и в апреле — 1.811. Основная причина — тиф. В мае умерло только 267 человек.

По национальностям статистика такова²:

из 850 немцев умерли	648	76,1 %
из 11.199 румын	2.856	21,0 %
из 10.118 итальянцев	6.909	68,2 %
из 1.832 венгров	726	39,6 %

Поражает, естественно, высокая смертность среди немцев и итальянцев, которая вдвое превосходит смертность среди румын. Как мы видели, румыны занимали в Тамбове «престижное» положение, а при прибытии немцев и итальянцев они консолидировались, что обеспечивало им лучшие условия существования. Немцы, избежавшие массовых расстрелов во время пленения и на маршах, обычно подвергались наихудшему обращению; итальянцы плохо приспосабливались к климату и вначале не умели приловчиться к лагерной жизни, выпутаться из трудного положения, чтобы тоже получить «престижные» посты. Это стало у них получаться позже, вследствие чего смертность значительно снизилась.

Условия существования в лагере № 81 в Хриновой были не лучше, чем в Тамбове. Свидетельство капеллана Карло Каневы — одна из самых мрачных страниц воспоминаний об этом лагере, который из-за

¹ Revelli. Указ. соч., с. 210.

² Документ опубликован в: UNIRR. Rapporto... с. 8.

отсутствия документов и данных не смог оспорить первенство по смертности у тамбовского лагеря.

Спустя более двадцати лет одна лишь мысль о Хриновой вызывает чувство омерзения и ужаса, как будто она родилась от страшного кошмара. Рассказывать о Хриновой невыносимо, это причиняет боль тому, кто там был и рассказывает, и может причинить боль матерям столько же пропавших людей, которые страдали и рыдали в бесполезном ожидании и рыдают до сих пор. Но было бы неверно, если бы страх воспоминаний и сострадание к боли заставили забыть одну из самых трагических, самых чудовищных страниц в истории итальянской кампании в России. В Хриновой погибли 27 тыс. солдат, из которых более 20 тыс. — итальянцы¹.

Лагерь в Хриновой представлял собой огороженный квадрат, огромный, окруженный стеной с колючей проволокой, а внутри стояли сараи, разделенные широкими проходами. В лагере, как сообщает очевидец:

Условия дантова ада! <...> Нас поместили в места, предназначенные для четвероногих, при какой-то казарме; в загоне, рассчитанном на одну лошадь, находилось в среднем двадцать семь человек. Не хватало места, чтобы лечь. Рацион для офицеров: 100 г ржаного хлеба, два половника так называемого горячего супа, всё, что плавало в нем, — картофельная кожура... Воду доставали из колодца, куда сбросили четыре трупа венгерских военных. Высокий процент каннибализма...²

Подобное свидетельство есть и в воспоминаниях Энрико Реджинато, врача, которого удерживали в СССР до 1954 г.:

Посередине [лагерного] двора находится глубокий колодец. Связав ремни штанов и обрывки одежды, собравшиеся там люди опускают склянку, чтобы достать воды. Томящиеся жаждой устраивают давку вокруг колодца, и в сутолоке один человек падает в колодец и тонет. С помощью жерди отодвигают труп и продолжают набирать воду. <...> Глубокой ночью мы внезапно проснулись. Вошли мужчины с пылающими факелами, непохожие друг на друга и все орали, как черти. <...> Мы не поняли, чего они хотели, но это было и не нужно. Тех, кто попался им в руки, они считали и пересчитывали и грубыми толчками выгоняли вон. <...> В следующую ночь они пришли снова, и кто-то сказал, что в остаток той ночи перетаскивали трупы. На следующий день и следующую ночь никто не приходил: о нас как будто забыли. <...> Шел третий день с тех

¹ Саева, Указ. соч., с. 93.

² Свидетельство Альдо Сандуллы см. в: Messe. Inchiesta... Ук., с. 40.

пор, как нас туда привезли, но еще не указали места для ночлега и не дали ни грамма еды. Вообще ничего, хотя достаточно было бы куска хлеба, снопа соломы, бинтов. Отсутствующим взлядом смотрел я на других: раненых, обмороженных, умирающих от голода и истощения¹.

Вероятно, в лагере № 81 беспомощное состояние заключенных и халатность советских начальников достигли крайних пределов:

Казалось, что род человеческий одним прыжком вернулся к своим истокам. Цивилизованность, нравственные и религиозные принципы, чувства любви и братства как будто исчезли, дабы дать место звериному насилию, порождаемому расцветшим первобытным инстинктом самосохранения².

Тяжелейшие условия в Хриновой навели пленных на мысль о крайнем решении.

Когда все ощутили, что Советы приговорили их к жестокой агонии <...>, полковник горно-стрелковых войск Скримин взял на себя задачу просить русское командование о милосердном вмешательстве — расстреле всех пленных. Советские начальники сочли эту просьбу несвоевременной и посоветовали подождать³.

Не менее впечатляющи и мучительны воспоминания о лагере в Мичуринске.

В том лагере нас собралось 5.350 солдат и офицеров (последних было 124). В конце марта лагерь закрыли по военным соображениям (наступление немцев). Здоровых перевезли за Урал, больных в соседний лагерь. Каковы цифры? На Урал — около 400 человек. Из этого числа сейчас живы меньше двухсот. В соседний лагерь отправились 420 пленных, из которых выжили не более 60–70. Так что в целом в Мичуринске нашли смерть 4.500 человек, а в двух соседних лагерях выжили только 250–260⁴.

31 декабря 1945 г. Министерство иностранных дел сообщало Министерству послевоенной помощи репатриированным военнослужащим об обращении русских с итальянскими пленными:

Я не почувствовал необходимости сообщить хотя бы об одном эпизоде преднамеренной жестокости и умышленно плохого обращения со стороны русских. Наши солдаты, хотя они и сохранили ужасные

¹ *Reginato E.* 12 anni di prigionia nell'Urss. Treviso: Canova [б.д.], с. 61.

² Там же, с. 89.

³ Там же; о просьбе пленных быть расстрелянными рассказывает также Манлио Франческони — см.: *Francesconi*. Указ. соч., с. 99.

⁴ Свидетельство Мелькьорре Пьяццы см. в: *Messe. Inchiesta...* Указ. соч., с. 41.

воспоминания о плене и злобу к своим тюремщикам, признают, что не стали жертвами бесчеловечного обращения, но только лишь или главным образом почти необъяснимой халатности. Они утверждают, что 90 % из попавших в плен солдат Итальянского экспедиционного корпуса в России погибли в концентрационных лагерях. <...> Особенно мрачные воспоминания они сохранили о большом лагере около Тамбова. <...> Питание там было крайне скудным и вследствие плохой организации распределялось неравномерно. Смертность превышала 500 человек в день. Один солдат, который провел там 6 месяцев, сказал, что из 14 тыс. итальянцев выжили не более четырехсот¹.

3. Лагеря для интернирования

1 марта 1943 г. Берия издал приказ о критериях и правилах распределения пленных, захваченных в районе Дона, и 78,5 тыс. немцев, взятых в Сталинграде. Согласно главе НКВД, необходимо было осуществить транспортировку немецких офицеров в лагеря в Оранках и Елабуге (№ 97), а итальянских, румынских, венгерских и других — в Суздаль. Солдат, уже находившихся в Оранках и Суздале, 764 и 1.004 соответственно, следовало переместить оттуда немедленно². С выполнением приказа от 1 марта произошла задержка: по данным русских, многие офицеры-итальянцы погибли в тамбовском лагере еще в марте, умирали они там и в апреле. Особое внимание к офицерам имело целью предоставить им лучшие условия заключения — суздальский лагерь, как мы увидим далее, был устроен и организован значительно лучше, чем прочие, — и создать обстановку, более благоприятную для пропагандистской работы.

Отделение офицеров от солдат началось уже в распределительных лагерях: так, например, в Хриновой офицеры размещались в бараках отдельно от рядовых. Даже в пище, как в «распределителях», так и в дальнейшем, имела место дискриминация, выражавшаяся в «явном различии» в пользу офицеров³. НКВД всегда отвергал распределение по лагерям по национальности и противодействовал ему, но распределение по

¹ AUSSME, DS 2271/C. с. 2. Вальдо Зилли также приписывает высокую смертность пленных безразличию советской стороны; см.: *Zilli V. Gli italiani prigionieri di guerra in Urss: vicende, esperienze, testimonianze // Rivista di storia contemporanea, 1981, № 3, с. 341.*

² См.: О вывозе военнопленных из лагерей и приемных пунктов при фронтовой полосе, ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 133, л. 73. Совершенно секретно.

³ См. *Caneva*. Указ. соч., с. 70–76, 94, 132.

воинским званиям стало основополагающим — возможно, потому, что пропагандистская работа строилась в соответствии с культурным и политическим уровнем пленных.

Вначале не существовало никакого критерия распределения пленных: в январе — феврале 1943 г. советское командование оказалось перед необходимостью управлять почти полумиллионом пленных, которых разместили в различных лагерях, как правило, случайным образом. Из свидетельств очевидцев можно заключить, что нескольким офицерам посчастливилось — со сборных пунктов они были непосредственно отправлены в суздальский лагерь¹; другие несколько дней оставались в Тамбове, а затем были перевезены в Оранки или Суздаль²; остальные еще долго оставались в Тамбове и Хриновой и там погибли.

Самым массовым стал приток итальянских солдат в лагерь для интернированных в Мордовии, в 600 км к юго-востоку от Москвы; далее следуют лагеря в Марийской и Татарской автономных республиках в Заволжье (1000 км к востоку от Москвы), уральские лагеря в Пермской и Свердловской областях (1800 км к востоку от Москвы) и лагеря в Ташкентской области и южном Казахстане, недалеко от границы с Китаем и Афганистаном. В этих лагерях смертность тоже была крайне высокой, несмотря на то, что лагеря для интернированных оборудовались несколько лучше: там имелись полуразрушенные бараки с соломенными тюфяками и с крышей, кухни, уборные, бани и дезинфекционные пункты³. В лагере № 241/1 (Губаши, Пермская обл.), куда были помещены почти 1,5 тыс. итальянцев, уже в апреле их насчитывалось всего шестьсот; 20 июня того же года, когда лагерь перевели в другое место, из этого числа в живых осталась половина⁴.

В лагере для интернированных в Оранках умер 661 итальянец, из них 327 офицеров⁵. В лагерном лазарете, где размещались в основном больные тифом, они лежали на соломенных тюфяках по двое под одним одеялом; не было ни простыней, ни подушек; каждый вечер медсестра обнаруживала троих-четверых умерших (из примерно ста больных). Персонал

¹ Из интервью Карло Ромоли (Пиза, 19 февр. 2001 г.), который в течение недели скитался по степи, пытаясь спастись от плена.

² Например, младший лейтенант Джузеппе Басси.

³ См.: *Lopiano*. Указ. соч., с. 87 и далее. Монсеньор Франдзони в интервью от 2 дек. 1999 г. в Болонье вспоминал, что для изможденных пленных эти горячие бани были подобием ада.

⁴ *Ministero della Difesa, Commissariato di Onorcaduti*. Указ. соч., с. 14.

⁵ *Vicentini*. Указ. соч., с. 116 и далее.

и привлеченные работники контактировали с больными тифом, и некоторые из них умерли¹.

В Оранках свирепствовала эпидемическая смертность. Лишения, скудная пища, климат, отсутствие гигиенических мероприятий, теснота, нехватка медикаментов способствовали развитию инфекционных заболеваний. Туберкулез не щадил никого, кто имел хоть малейшую предрасположенность к этой болезни. Умиравшие люди отходили в состоянии полной нечувствительности и навеки засыпали безмятежными, как будто дух уже избавился от страдающих членов.

Итак, в первое время условия жизни в лагерях для интернированных в целом были не лучше, чем в распределительных лагерях. Даже в Суздале, в крепости-монастыре между Москвой и Горьким, где пленные оказались в более приемлемых условиях, умер 821 итальянец.

Трудно изобразить целостную картину условий жизни: они различались от лагеря к лагерю и даже в одном менялись в зависимости от периода времени и различных факторов — начальства, видов и интенсивности работ, к которым принуждали заключенных.

Управление лагерями для интернированных находилось под строгим контролем НКВД. Его работники в ходе регулярных командировок убеждались (или не убеждались) в хорошей организации и работе того или иного лагеря. Как это случилось в Хриновой, серьезные нарушения могли привести к смещению коменданта. Приказом от 2 июня 1943 г. замнаркома госбезопасности Круглов снял с должности коменданта лагеря № 35 М. М. Карелина. В результате проверки условий содержания в лагере были выявлены «серьезные нарушения приказов и распоряжений НКВД»². Круглов указывает, что в лагере «охрана и регистрация пленными организованы неудовлетворительно; не осуществлялась необходимая изоляция в случае попытки к бегству и ничего не делалось для предотвращения побегов. Установлены случаи плохого обращения с пленными, а также факты их избиений и краж личных вещей работниками охраны». Отмечалось также, что питание не соответствует установленным нормам: обнаружены «превышение расходов на рацион питания и случаи воровства продуктов», предназначенных для пленными. В лагере не соблюдались также гигиенические требования: «помимо огромного распространения

¹ *Reginato*. Указ. соч., с. 43.

² Здесь и далее: О снятии с работы начальника лагеря военнопленных № 35 Карелина М. М. и о назначении на эту должность полковника Крастина Н. М., приказ 00926, 2.06.1943 // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 135, л. 144. Совершенно секретно.

вшей, больные пленные содержатся рядом со здоровыми; вследствие полного отсутствия удовлетворительного санитарного обслуживания увеличилось число инфекционных заболеваний. Всё это привело к ухудшению состояния здоровья пленных и к росту их смертности»¹.

Когда сложная начальная фаза перемещения тысяч пленных с линии фронта во внутренние районы страны была преодолена, советское руководство постепенно поменяло отношение к оставшимся в живых и вследствие этого к высокой смертности, зарегистрированной во время маршей и в распределительных лагерях. 15 мая 1943 г. вышло распоряжение, где устанавливались правила охраны пленных и одновременно предписывались меры по снижению их смертности. Речь идет о важной директиве НКВД, подписанной Берией и разосланной во все лагеря с целью установить критерии, руководствуясь которыми, следует «улучшить условия жизни заключенных» и «поднять на образцовый санитарный уровень жилища и территории лагерей»². Кроме того, «следует улучшить санитарную обработку каждого заключенного» и предусмотреть «дифференцированную диету для больных и истощенных заключенных. <...> Выделять этим последним 750 граммов хлеба в день и рацион питания, увеличенный на 25 % до тех пор, пока полностью не восстановится их трудоспособность».

Хотя в директиве и признавалось, что пленные пребывают в состоянии заброшенности и что необходимо найти средства для снижения смертности, всё же утверждалось, что это состояние и болезни связаны с условиями, в которых они находились до взятия в плен, а не являются результатом обращения в лагерях. Отчасти следствием этой директивы стало то, что в последующие годы условия жизни в лагерях стали постепенно улучшаться, несмотря на хроническое недоедание и трудности с медикаментами.

4. Отношения между пленными

На начальном этапе, когда пленных еще только собирали в лагеря — плохо или никак не организованные — находились предприимчивые офицеры, пытавшиеся как-то обустроить жизнь в лагере. Как вспоминает ветеран Фиция Гамбетти, в Тамбове обрелись товарищи по оружию, которых он считал погибшими, и эти люди стали участниками новых «сражений»: в бункере они начали самоорганизацию, выбрав или подтвердив

¹ Там же.

² Здесь и далее: Директива НКВД СССР № 248. О необходимости принятия мер по улучшению санитарно-бытовых условий содержания // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 684, л. 396–397. Оригинал. Совершенно секретно.

«самовыдвижение главы барака и двух его помощников, избранных из сержантов и солдат, немного мямливших по-русски. Все были разделены на группы по десять человек с командиром, который отвечал за них перед главой барака, а последний являлся единственным ответственным лицом перед лагерным начальством»¹.

В последующий период, когда положение стало выправляться, командиры отрядов стали назначать русские, выбирая их из группировок заключенных той же национальности. Пленные, разделенные на бригады, подчинялись командиру отряда как внутри лагеря, так и при выводе на работу. По мнению пленных, выбранные часто заставляли соблюдать порядок лучше, чем русские; нередко случалось, что командиры отрядов даже притесняли своих соотечественников. Конфликты между заключенными были вызваны материальными причинами, особенно необходимостью добывать еду и воду и укрываться от холода. Но когда по мере улучшения условий элементарные потребности удовлетворялись, обнаружились мотивы для столкновений политического характера, которые раньше были совершенно забыты или отошли на второй план. В частности, возникло четкое противостояние между теми, кто по убеждению или из приспособленчества² примкнул к антифашистской деятельности, и теми, кто по-прежнему исповедовал фашистскую веру и иногда вызывающе заявлял о ней римским приветствием или пением посреди лагеря гимна *Faccetta nera*³.

Среди итальянских офицеров, заключенных в суздальском лагере, подобное противостояние выливалось в схватки и нападения. 5 октября 1945 г. политический инструктор лагеря Джузеппе Оссола, собиравший данные об одном из «антисоветски настроенных» офицеров, записал в своем блокноте: «Это провокационный фашистский элемент. Агент шайки реакционеров в лагере. Постоянно угрожает прогрессивным элементам из антифашистского движения, особенно опутывает майора Б., говорит ему: „В Италии мы сведем счеты с тобой и с твоей кликой“, „мы здесь тебя повесим“»⁴. Месяц назад он записал: «два сержанта

¹ *Gambetti*. Указ. соч., с. 147 и далее.

² Гвидо Мартели полагает, что многие стали заниматься политической деятельностью ради личных выгод (интервью 12 апреля 2001 г. в Сан-Ладзаро-ди-Савена).

³ «Черное личико», фашистский гимн, сочиненный во время Эфиопской кампании Муссолини в 1935–1936 гг.

⁴ *Ossola G. Bloc notes // Archivio «M» MF 312, doc. 312, Fondazione Istituto Gramsci*. В тетрадях указаны имена 323 итальянских заключенных в суздальском лагере № 160, с ремарками об их поведении и политических убеждениях: вероятно, инструктор проводил подробные беседы-допросы в лагере.

обвинили группу активно работающих людей за то, что они продались русским. Угрожали убийством майору Б., если тот окажется в 500 метрах от лагеря»¹. По свидетельству Оссола, в лагере была создана самая настоящая «организованная фашистская террористическая группа, готовая на все». Эта «банда» состояла из 11-ти офицеров — тщательно переписанных «в порядке убывания степени опасности», — подготовивших «список 40 антифашистов, которые следовало ликвидировать сразу за Франкфуртом»², т. е. в зоне, занятой союзниками до их вступления в Италию.

Организатор упомянутой террористической группы — лейтенант С. А. Он очень хитер. Записывает имена антифашистов с целью передать их террористическим группировкам в Италии. Он тесно связан с майором С. Г., они вместе составляют списки и обмениваются впечатлениями относительно элементов, о которых следует сообщить в Италию. В последнее время майор С. перешел к открытым провокациям. Младший лейтенант С., пребывавший в одной с ним камере, в курсе всего происходящего. Он может дать ценную информацию. Они, несомненно, будут сквадристами»³. 12.2.46. Оссола.

4 марта 46 г. в камере 15 лейтенант I. осуждал провокацию V., относительно содержания пленных в Советском союзе. Лейтенант С. ответил: «Все, что говорится против Советского Союза, хорошо; когда мы вернемся в Италию, найдется какой-нибудь человек, который наверняка откроет тебе глаза. От этого ты не спрячешься, как не спрячутся и другие, находящиеся сейчас с нами в лагере». 7.3.46. Оссола»⁴.

Кроме напряженности и контрастов вскоре выяснилось, что некоторые офицеры служили информаторами комендатуры лагеря или антифашистскими инструкторами среди товарищей по оружию, опровергающими высказывания, враждебные Советскому Союзу, о войне и фашизме. В полном соответствии с советской полицейской системой среди заключенных действительно была создана шпионская сеть с целью разоблачения «врагов социализма». В сюздальском лагере офицеров, наиболее критично настроенных к коммунистической системе и к СССР, собрали в бараке № 13 вместе с заключенными, задачей которых было перевоспитание этих бывших товарищей по оружию.

¹ Там же, 5 июня 1945.

² Там же, 23 ноября 1945.

³ Члены фашистских отрядов [squadra], чернорубашечники.

⁴ Там же.

Мотивации, побуждавшие пленнх к сотрудничеству с системой и делавшие из них осведомителей, были сложны: находились те, что питали иллюзии о скором возвращении на родину и о лучшем обращении; но, разумеется, некоторые делали это потому, что являлись искренними антифашистами и испытывали симпатию к делу коммунизма. Наконец, последней причиной противоречий было то, что во главе рабочих бригад поставили офицеров низших званий. Вследствие этого иерархия, особенно в первый период заключения, почти полностью распалась; выбор советских начальников при назначении командиров отделений, «не принимавший в расчет воинские звания», не только был плачевным для высших офицеров, но и часто становился мотивом отказа от сотрудничества: действительно, многие офицеры отказывались от руководства под «тем предлогом, что в группе были более старшие по званию», чем они, или потому, что не хотели осуществлять на практике «дурное обращение и унижения, которым русские прямо или косвенно подвергали итальянских офицеров»¹.

Упадок воинской иерархии был, несомненно, результатом условий содержания пленнх, но также — и, возможно, прежде всего — он стал результатом выбора советских начальников, разделявших пленнх исключительно по политическим критериям. Сталинский менталитет не допускал и мысли о том, чтобы солдаты и офицеры воюющей армии не были политизированы. У Красной Армии в самом названии отражалась ее идеологическая направленность — защищать советский народ; и напротив, армия захватчиков могла быть только «фашистской». Вследствие этого фашистами в лагерях считались те, кто не участвовал в политических инициативах, тогда как те, кто участвовал, получал определенные служебные функции, лучшее и более сытное питание.

Организация лагерей была устроена таким образом, чтобы поощрять противоречия и разделение между заключенными разных национальностей. Поэтому начальство лагерей ставило перед собой цель избежать объединения заключенных для подготовки беспорядков и бунтов. ГУПВИ сбирало в лагерях пленнх разных национальностей, создавая мешанину, затруднявшую общение.

Описывая в письме в Политуправление Красной Армии положение в карагандинском лагере, Винченцо Бианко отмечает, что в центральном секторе итальянцев поместили по соседству с бывшими казаками

¹ Ответ младшего лейтенанта Анджело Бартолоцци другому заключенному, ставшему антифашистом (там же).

Советской армии, которые перешли на сторону Вермахта¹. Под предлогом поддержания порядка

казаки страшно избивали пленных итальянцев, так что администрация лагеря была вынуждена переместить их, чтобы избежать расправы со стороны итальянцев. В связи с этим должен заявить, что те, кто должен был бы всё это видеть, слишком часто «не видят», как некоторые пленные притесняют и мучают тех, кто им подчинен².

Другой причиной разделения была практика поручать определенные функции одним национальным группам в ущерб другим, порождая тем самым дискриминацию и привилегии. Тем, кто занимался распределением рациона питания, предоставлялась возможность непосредственного доступа к продуктам питания: от более или менее равномерного распределения супа могла зависеть жизнь. Руководство гигиенической сферой, если таковая существовала, тоже предоставляло преимущества: заключенные перед мытьем должны были снимать одежду, которая подлежала дезинфекции³. Для управляющих баней возникал случай украсть свитер или штаны, находившиеся в хорошем состоянии, и использовать их как товар для обмена. Кража одежды была очередной причиной конфликта заключенных.

5. Голод

Голод в Советском Союзе был постоянным явлением начиная с 1930-х гг., когда процесс индустриализации в городах и коллективизации в деревнях с присущими им недостатками породили драматические трудности в снабжении продовольствием. С началом войны положение стало катастрофическим. Даже у работавших на Коминтерн в Москве 1942 г. считалось роскошью «один раз в день получать обыкновенную пищу» в гостинице «Люкс»⁴. Многие эмигранты-коммунисты просили руководителей Коминтерна, чтобы в Москву могли

¹ В Италии существует обширная литература о казачьей эпопее; см. ее обзор: Талалай М. Г. «Казачья земля» в Италии // Наука, культура и политика русской эмиграции. СПб., 2004, с. 53–58 (прим. пер.).

² Письмо В. Бианко к Петрову, 24 марта 1943 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 74, д. 256, л. 24.

³ В Хриновой этим занимались, к примеру, хорваты, в то время как венгры имели ряд привилегий; один из них, «доктор» Готтесманн, имел кличку «гигена Хриновой» — «не один итальянец мечтал казнить его» (*Francesconi*. Указ. соч., с. 92).

⁴ См.: *Venturi M.* Via Gorkij 8. Interno 106. Torino: Sei, 1996, с. 90 и далее (рец. см.: Героиня одной повести — о себе самой. Интервью с лингвистом и переводчицей

переехать члены их семей и пользоваться хорошей пищей в «Люксе»¹. На периферии положение было очень тяжелым; там встречались случаи голодной смерти и даже каннибализма. 17 апреля 1945 г. местные партийные органы сообщили Сталину, Молотову и Маленкову, что в Узбекистане отмечались случаи «смертей из-за недостаточного питания и крайней нехватки продуктов питания» вследствие неурожая 1944 г. и недостаточного снабжения зерновыми продуктами². В тот же день местный совет проинформировал Сталина, Молотова и Берия о двух арестах за торговлю человеческим мясом: был арестован 12-летний мальчик в Андижанской области (Узбекистан) и еще один подросток в Самарканде³. Отмечалось, что людоедство было широко распространено среди населения Ленинграда во время длительной блокады, которой подвергся город.

Очевидно, что в таких тяжелых для русского населения и даже для действующей армии условиях питание военнопленных никак не могло быть достаточным. Действительно, голод — самое трагическое воспоминание всех вернувшихся из плена военных. Он сопровождал пленных от переходов «*давай*» до лагерей. Нельзя говорить о скудном рационе только на начальном этапе пленения, потому что и впоследствии никогда не было регулярной раздачи пищи. Хотя с течением времени условия содержания улучшались, снабжение продуктами всегда оставалось недостаточным.

Выжившие свидетельствуют об ужасных страданиях, вызванных голодом, испытанным в лагерях. Целые дни проходили в томительной надежде получить достаточную порцию еды и в отчаянном поиске чего-нибудь съедобного. Голод представлял собой истинную муку для людей, которые, получая кусок хлеба в день и суп один раз в три или четыре дня, были вынуждены жить и работать в невыносимых климатических условиях. Во время заключения многие потеряли до 40 кг веса.

Юлией Добровольской, Русская мысль, № 4246, 25 ноября 1998); см. также: *Добровольская Ю. Post Scriptum: вместо мемуаров*. СПб.: Алетей, 2006.

¹ Например, Бианко просил Димитрова помочь переехать жене инструктора Маттео Регента из Алма-Аты в Москву, в гостиницу «Люкс» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 27, л. 133). Такая же просьба касалась инструктора Мальтальяти (РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 27, л. 149).

² Особая папка Сталина и Молотова. Т. I, ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 95, л. 58–62. Совершенно секретно.

³ Там же, л. 50–56.

Я весил 80–90 килограммов, а осталось у меня 49... Большая смертность среди пленных (92–95 %) объясняется исключительно нехваткой питания, из-за которой истощенные организмы поражали болезни¹.

Хлеб стал разменной монетой: в распределительных лагерях румыны и венгры, распоряжавшиеся кухней, вели самую настоящую торговлю, обменивая хлеб на одежду, табак и прочее. Если у заключенного еще осталось какое-нибудь добро — часы или авторучка, то для него это означало немалый ресурс.

Часто, чтобы получить немного больше пищи, об умерших в бараке или бункере не заявляли и брали их порции, пока не были вынуждены вынести трупы. Недостаток пищи приводил к людоедству в Тамбове, Хриновой, Тёмникове, Мичуринске. Случаи каннибализма в лагерях — зимой поедали только что умерших людей, пока трупы не застыли — встречались особенно часто среди солдат, чей рацион был явно меньше, нежели у офицеров. Свидетельство о каннибализме имеются как в воспоминаниях, так и в официальных источниках. В одном документе Министерства иностранных дел Италии от 31 декабря 1945 г. относительно Тамбова можно прочесть следующее:

Каннибализм носил всеобщий характер. Один интернированный рассказал мне, что румыны, содержащиеся в том же лагере, торговали человеческим мясом, вырезанным из трупов, обменивая его на хлеб, и что он сам ел его не один раз².

В Хриновой «вследствие почти полного отсутствия пищи случаи поедания многочисленных умерших от сыпного тифа, голода и холода происходили ежедневно»³.

Рассказывает дон Маурилио Турла, капеллан батальона «Салуццо»:

Голод привел к потере контроля над рассудком и превратил людей в зверей. Каннибализм, подлинная охота на человека, — это оружие, которым бряцают изголодавшиеся обезумевшие люди, чтобы сразить смерть. Первые случаи людоедства обнаружались среди венгерских евреев, вскоре за ними последовали итальянцы и румыны. <...> к сожалению, я был

¹ Свидетельство врача лейтенанта Эджидио Финоккьяро в: *Messe. Inchiesta...* Указ. соч., с. 39 и далее.

² AUSSME, DS 2271/C. Джулио Бранкадоро в интервью от 27 ноября 1999 г. подтвердил, что видел, как румыны торговали человеческим мясом в тамбовском лагере.

³ Доклад лейтенанта-полковника Чезаре Кокуццы, Distretto di Varese, uff. reduci, del 4.09.1946, с. 1, AUSSME, DS 2271/C. Лейтенант Альдо Сандулли также сообщает о «частом каннибализме» в Хриновой (в: *Messe. Inchiesta...* Указ. соч., с. 40).

свидетелем этих бесчеловечных драм. Слову священника иногда удавалось воздействовать на эти подвергнувшиеся чудовищному расстройству умы, но воздержание от зверства продолжалось недолго. Голод выталкивал людей из какой бы то ни было морали. Только дубина и засов обладали силой подавить людоедство или, по крайней мере, ограничить его распространение¹.

Чтобы покончить с этим явлением, сами офицеры организовали «антилюдоедские» команды, «состоявшие из добровольцев, среди которых есть офицеры; эти люди по ночам обходят лагерь с железными палками, а утром рассказывают ужасающие вещи»². Но, несмотря на принятые меры, каннибализм продолжался.

Начиная с февраля 1943 г. Берия обязывал ответственных работников лагерей следить за соблюдением действующих норм питания, особенно для больных и раненых пленных³. В постановлении от 16 марта установлены ежедневные нормы на одного заключенного, указанные в граммах. Нормы разделены на три категории: номер один — для солдат и сержантов, номер два — для офицеров и номер три — для заключенных, которые отбывают дисциплинарное наказание в охраняемых помещениях и не выводятся на работу⁴. Рацион, предусмотренный для офицеров, почти вдвое превышал рацион солдат: это являлось следствием нового отношения к офицерам, означавшего конец эгалитаризма в Красной Армии, перенесенного на армию противника. Ежедневное количество мяса составляло 30 г для солдат и 50 г для офицеров и такое же количество сливочного масла или рыбы. Нормы включали также уксус, лавровый лист и даже 0,1 г перца, а также ежемесячное количество мыла — дефицитного продукта.

Существовали также специальные нормы для больных, где предусматривалось большее количество пищи и, главное, более разнообразной — 25 продуктов вместо 17 (среди них — свежее молоко, рис, овощи); количество вдвое превышало обычный рацион солдата.

Глядя на таблицы, как-то можно утешиться — ведь в них упоминаются мясо, свежие овощи, сливочное масло, злаки, рыба, не забыты даже

¹ *Turla M.* La nostra e la loro prigionia. Russia, quattro anni di prigionia in mezzo ad un popolo di prigionieri. Milano: Istituto Tipografico Editoriale, 1948 (II ed. Esine: S. Marco, 1982).

² *Gherardini.* La vita... Указ. соч., с. 223.

³ Приказ № 00367 от 24.02.1943 // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 133, л. 44 об. Оригинал. Совершенно секретно.

⁴ ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 133, л. 145–151, л. 149 об. Оригинал. Совершенно секретно.

уксус и лавровый лист. Но в действительности люди умирали с голоду. Администрации почти никогда не удавалось обеспечить регулярное распределение пищи, и заключенные не получали даже минимального количества, установленного распоряжениями НКВД. Вот что вспоминает один из возвратившихся пленных:

Мяса нет, заявляла комендатура лагеря, мы можем давать злаки, пшено, овсянку, ячмень, в пропорции к мясу столько-то зерновых. Но не хватало даже этих последних, «транспорты» еще не прибыли или была оттепель и дороги размыты, испорчена картошка — в равной пропорции: половина хорошая, половина гнилая. Если мы заперты здесь и нам не очень плохо, то как-нибудь устроимся, но со всем тонким макиавеллевским искусством благодаря изменениям, кажется, дошли до распределения воздуха, которого сколько угодно, утоляйте им голод и спокойной ночи¹.

На рубеже 1945–1946 гг. дезорганизация привела к чувствительному ухудшению питания, которое сопровождалось общим ухудшением содержания пленных: казалось, что возвращается состояние распределительных лагерей. Это вызвало голодную забастовку, объявленную 15–16 февраля 1946 г. итальянскими офицерами из лагеря № 160.

В предшествующие месяцы началась репатриация солдат и офицеров, но они сами задержали отъезд, пережив моменты негодования, подавленности и разочарования. В своем дневнике инструктор Оссола записал, что забастовку организовала дюжина офицеров с «антидемократическими» целями, «воспользовавшись материальными трудностями, присущими лагерной жизни»². Оссола сообщает, что к ним примкнули и два капеллана, дон Канева и дон Бонадео, преследуя «антиправительственные и антидемократические цели» и стремясь «оказать давление на молодых офицеров»³.

О забастовке говорится также в докладе о положении итальянских военнопленных в лагере № 160, который Круглов направил Молотову и Маленкову:

15 января с. г. группа реакционных офицеров во главе с полковником Лонго пыталась отказаться от пищи. 180 итальянских пленных офицеров [из 494 находившихся тогда в сусдальском лагере] во время обеда не пошли есть и потребовали у администрации объяснить причины,

¹ Басси и Мартелли, указ. интервью.

² Ossola. Указ. соч., 19 gennaio 1946.

³ Там же.

*по которым они не возвращаются на родину и не получают писем из дома*¹.

Комендатура лагеря, заключает Круглов, «приняла необходимые меры, чтобы урегулировать вопрос»², и в Суздале больше не возникало голодных забастовок». Инициатива принесла определенные результаты; как сообщают вернувшиеся, питание несколько улучшилось.

Вскоре после забастовки менее половины офицеров подверглись новому испытанию, которое было связано с разделением политического характера, произошедшего в среде интернированных. Из дневника Оссолы следует, что большинство участников голодовки противилось антифашистским мероприятиям — эти офицеры называли себя фашистами и националистами. Офицеры, принимавшие участие в антифашистской пропагандистской работе, напротив, не присоединились к забастовке — говоря объективно, также потому, что они пользовались привилегиями. К активным антифашистам и, прежде всего, к посещавшим антифашистские школы действительно подходили особым образом. В постановлении № 488 зафиксирована твердая квота в 700 г хлеба в день «для военнопленных, посещающих курсы»³, независимо от их звания и характера работы, если речь идет о солдатах, на которых возложены определенные функции. Привлекательность такого отношения несомненно влияла на решение посещать антифашистские школы. Многие интернированные, желавшие, чтобы их приняли на курсы, заявляли, что еще в Италии они были членами коммунистической партии⁴.

Однако посещение антифашистских курсов и школ вовсе не гарантировало надежного питания: нередко случалось, что из-за отвратительной системы снабжения и плохого управления, не говоря уже о воровстве ответственных лиц, даже слушатели курсов должны были довольствоваться обычным скудным рационом. В письме от 3 июня 1942 г. русский инструктор Николай Янцен докладывал Димитрову, что проблема голода является сильным препятствием для проведения лекций:

¹ Докладная записка С. Н. Круглова В. М. Молотову и секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову о положении и настроении военнопленных итальянцев. 5.04.1946, Москва // ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 142, л. 109–110, л. 109. Удостоверенная копия. Совершенно секретно.

² Там же.

³ ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 133, л. 150.

⁴ Эти заявления проверялись; см.: Письмо Бианко к Димитрову от 19 апреля 1943 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 27, л. 31.

Учащиеся работают внимательно, с интересом, большинство занимается прилежно. Семинарские занятия, как правило, проходят оживленно, при активном участии большинства учащихся, и после занятий в маленьких группах происходят оживленные споры. <...> к сожалению, это бывает не слишком часто, ибо большинство занятий с утра до вечера вопросами питания и махорки. <...> Это обстоятельство является также одной из причин того, что нам здесь приходится крепко бороться с воровством. За истекшие 20 дней мне пришлось исключить из школы двух румын за кражу картофеля и двух немцев за кражу хлеба. Еще две кражи расследуются. Это является чувствительной помехой в нашей работе, несмотря на воспитательные меры, которые мы проводим в школе в связи с этими фактами¹.

Аналогичные замечания есть и в письме Вальтера Ульбрихта, немецкого коммунистического лидера, координировавшего политработу среди заключенных-соотечественников, направленном Кондакову, ответственному за агитпроп среди военнопленных:

1. Слушатели, как и раньше, получают старые нормы. Если эти нормы не будут увеличены, это может иметь тяжкие последствия для их здоровья. Несколько дней назад один из них умер (от авитаминоза).

2. Все слушатели одеты в лохмотья. Лучшей одежды в лагере нет².

Питание, писал Ульбрихт, являлось недостаточным даже для тех учащихся, среди которых «нехватка пищи становилась поводом для дискуссий»; сложилась «трудная ситуация и для тех, кто по шесть часов в день должен был говорить — читать лекции и вести семинары, не считая индивидуальной работы с пленными. <...> За исключением продуктов, предусмотренных нормой, они не могут достать никаких других»³.

6. Труд

Использование военнопленных как рабочей силы в государственной экономике Советского Союза вводилось директивой Берии от 25 сентября 1939 г.⁴. Вскоре после этого 25 тыс. пленных польских солдат и офицеров низших званий были помещены в трудовой лагерь ГУШОСДОР (Главного управления по строительству шоссе и дорог) для строительства автодороги между Новоград-Волинским и Львовом.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21, л. 8–9.

² Там же, д. 51, л. 41.

³ Там же, л. 50.

⁴ ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 532, л. 465–466. Оригинал. Секретно.

В первые месяцы войны с Германием пленных было мало: к концу 1941 г. их насчитывалось 8.427 человек, и из них только часть работала на никелевых рудниках в Актюбинске, на угольных шахтах (лагерь Спасозаводск — Караганда) и на лесоповале¹. Но с января 1942 г. НКВД начал планировать использование рабочей силы, представленной военнопленными. 8 января Берия разослал циркуляр № 5 *Об использовании рабочей силы всех работоспособных военнопленных*²; с этого времени значительно увеличилось число трудовых лагерей, созданных в спешке и трудами самих пленных; они начали функционировать в обстановке полнейшей дезорганизации.

Истощение людей и, как правило, тяжелая работа по двенадцать часов в день³ в суровых климатических условиях вызвали рост заболеваемости и смертности интернированных. Например, в унженском лагере (Горьковская обл.) за три месяца его существования из 2.500 пленных умерли 600; еще полторы тысячи заболели от истощения⁴. Чтобы разрешить проблему, НКВД решил установить контроль над производственной деятельностью лагерей: начиная с 19 мая коменданты трудовых лагерей должны были ежедневно докладывать о ходе работ, выполняемых заключенными, о количестве произведенной продукции, о причинах невыполнения плана, о численности заключенных, освобожденных от работы, с указанием причин освобождения⁵.

Рабочая сила пленных использовалась главным образом для рубки леса и перевозки древесины, скалывания льда с дорог, сельскохозяйственных работ в колхозах, но также в строительстве домов и электростанций, в сборе хлопка, на рудниках. Вспоминает один горный стрелок:

Формируем рабочие бригады [отряды], 15 итальянцев и 15 немцев, и идем в лес добывать древесину. Потом шесть месяцев работы на соседнем заводе, который выпускал радиаторы для отопления. Наша работа состояла в том, что мы собирали металлическую стружку в цехах, несли ее вдоль железнодорожных путей и грузили в вагоны. Работал так шесть месяцев, потом меня перевезли на Волгу. Я был единственный итальянец среди немцев и румын. Летом по реке приходили

¹ РГВА, ф. 1/р, оп. 23а, д. 13, л. 73. Секретно.

² ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 647, л. 47–49. Оригинал. Совершенно секретно.

³ Рабочий режим был установлен в инструкции от 24 марта 1942 г.; 12 часов включали в себя также время для прибытия и убытия с работы (ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 645, л. 191. Оригинал. Секретно).

⁴ См.: РГВА, ф. 1/р, оп. 23а, д. 13, л. 73.

⁵ Там же, оп. 01е, д. 1, л. 160. Согласно последующему приказу с октября 1942 г. коменданты должны были посылать рапорты раз в пять дней (там же, л. 200).

баржи с бревнами, которые мы укладывали в штабеля, высокие как дом. Зимой мы перетаскивали бревна на лесопильный завод¹.

Обязанность работать не распространялась на офицеров, занятых обычно в службах внутри лагеря. Случалось, правда, что лагерное начальство добивалось, чтобы при необходимости на работы «добровольно» выходили и они, если например, возникала угроза потери урожая или требовалось срочно добыть дрова для отопления барачков. Но часто сами офицеры были готовы выйти на работы, чтобы получить дополнительное питание или, что не менее важно, иметь возможность выйти из лагеря и вырваться таким образом из его мучительной рутины². Уборка картофеля или капусты позволяла найти маленький добавок к пищевому рациону, а работа в колхозах — вступить в контакт с гражданским населением.

Пленные также выполняли работы для гражданских лиц — от покраски дома для советского гражданина до ремонта разного рода инвентаря и до маленьких ремесленных работ, причем особенным успехом пользовались сапожники. Кроме того, из-за нехватки мужчин в деревнях и городках вблизи лагерей работа пленных пользовалась спросом и высоко ценилась.

17 июля 1942 г. ГУПВИ разослало директиву, согласно которой комендатуры лагерей при содействии особых медицинских комиссий должны обеспечить ежемесячный контроль работоспособности заключенных. По результатам осмотров последние были разделены на 4 категории: «здоровые», т. е. способные выполнять тяжелую работу; «ограниченно годные» для физического труда, страдающие наследственными болезнями или имеющие физические недостатки; «слабые», т. е. имеющие тяжелые хронические расстройства или физические дефекты, которых можно использовать только на легких работах; и, наконец, инвалиды, которых нельзя привлекать ни к одному виду работ, за исключением легких, в помощь лагерным службам³. Отнесение к той или иной категории являлось решающим фактором для жизни пленного: от него зависела большая или меньшая нагрузка и, следовательно, больший или меньший рацион питания.

Обязательные нормы производительности труда весьма различались: заключенные, причисленные к первой и второй категории, должны были

¹ Свидетельство Джованни Галаверна в: *Revelli*. Указ. соч., с. 101.

² Свидетельство Ромоли, указ. соч.

³ Директива № 28/7309 // ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 205, т. 14, 129 об., л. 141. Копия. Совершенно секретно. Мемуары также сообщают об этих подразделениях; см.: *Fehling H. M. Russia: prigionie senza ritorno*. Firenze: Salani, 1953, с. 107 и далее; *Lopiano*. Указ. соч., с. 101; *Caneva*. Указ. соч., с. 137.

выполнить соответственно 100 % и 80 % ежедневной нормы, и они получали добавление к рациону, только если достигали этих процентов; третья категория, определенная как слабая команда, должна была выполнить 60 % нормы, и тогда она получала дополнительно 150 г независимо от выполненной работы¹. Однако планируемый уровень производительности — например, количество срубленных стволов, собранного хлопка или вкопанных саженцев — было велико и трудно выполнимо для истощенных и обессиленных пленных. Только половина из них выполняла норму на 15–25 % нормы.

Работали в лесу и добывали древесину. Вот норма: пилить сосны, стоя на коленях; четыре кубометра в день, с верхушки, очистить от веток, сложить в штабеля высотой в 1,5 м. Вечером — подсчет: никто не добрался до трети нормы. <...> Зимой разбиваем лед по берегу реки. Летом выходим в поля бригадами. Вместе с нами работают сосланные политические, мужчины и женщины, которые подчиняются тому же порядку и получают тот же рацион, что и мы².

В новом лагере начинается работа с хлопком. Первый урожай — в сентябре. Мы должны собирать 50–60 кг хлопка в день. Почти никто не выполняет «норму», и опять начинается голод. Второй урожай — в ноябре. Теперь хлопок липкий, собирать его труднее, норма была снижена до 25–30 кг. Сильный снег и холод³.

Первый раз мы пошли собирать хлопок 20 сентября [1943 г.]. Русские предполагали, что в среднем мы будем собирать не меньше 25 кг на человека. Я собрал не больше 10 кг, другие наверняка собрали не больше. В следующие дни собирали в среднем от 15 до 20 кг хлопка. Но русские требовали больше, гораздо больше — примерно 28 кг хлопка в день, в противном случае — прощай паек!⁴

Тяжкий труд приводил к истощению заключенных, которые после следующего медосмотра много раз причислялись к низшей категории и в течение немногих недель почти полностью теряли работоспособность⁵.

¹ Lorian. Указ. соч., с. 101. Дифференциация рациона установлена приказом от 28 ноября 1942 г., когда число пленных значительно выросло (ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 115). Этим же приказом 64 тыс. пленных распределялись по уже существовавшим лагерям, 30 тыс. — по 8 новым лагерям при лесозаготовках, 12 тыс. — по 2 новым при угольных шахтах.

² Свидетельство Джузеппе Виале в: Revelli. Указ. соч., с. 26.

³ Свидетельство Романо Бельтраме, там же, с. 253.

⁴ Lorian. Указ. соч., с. 107.

⁵ К 1 сентября из 17.459 солдат, взятых в плен с начала войны, 5.158, т. е. 29,5 %, умерли в трудовых лагерях; см.: РГВА, ф. 1/р, оп. 01е, д. 5, л. 23–25.

У заключенных, разумеется, не было ни одежды, ни инструментов для выполнявшейся работы. Место работы часто находилось очень далеко от лагеря, поэтому переходы отнимали время и силы. Судьба заключенных в значительной мере зависела также от командиров отрядов и бригадиров, получавших дополнительный хлеб, если их отряд выполнял дневную норму. Кроме того, командиры отрядов решали вопрос о направлении в больницу людей, заявлявших о заболевании: во многих случаях освобождали от работы только тех, у кого была высокая температура или тяжелое ранение.

В 1942 г. общее время работы военнопленных достигло 538.500 рабочих дней, благодаря чему ГУПВИ внесло в государственную казну 2.218.000 рублей¹; к концу 1943 г. труд военнопленных пополнил казну на 12.011.000 рублей². При таких результатах администрация лагерей была заинтересована в сохранении жизни пленных, по крайней мере, на тот период, который позволит возместить расходы на их содержание и обеспечить достигнутый уровень производительности труда. Поэтому в системе Гулага, помимо трудовых норм, НКВД установил «нормы смертности» заключенных, т. е. период, когда смерть заключенного считалась потерей. Этот период составлял три месяца, по истечении которых заключенный больше не был нужен системе³. Можно заключить, что с того момента, как содержание военнопленных вошло в систему Гулага, те же правила управления и параметры смертности распространились и на них.

НКВД выпустил много директив об опеке над самыми слабыми пленными. Например, начиная с последних месяцев 1943 г., на работу посылали только пленных, приписанных к категории «здоровые», тогда как пленные второй категории привлекались только к работам внутри лагерей⁴; но уже с конца февраля 1944 г. пленных второй категории вновь включили в производственную деятельность, за исключением очень редких и мотивированных случаев⁵.

С начала 1945 г. число военнопленных, используемых как рабочая сила, значительно увеличилось за счет прибытия с фронта новых контингентов

¹ РГВА, ф. 1/р, оп. 23а, д. 2, л. 45.

² Там же, ф. 1/р, оп. 11а, д. 5, л. 39.

³ *Ivanova*. Указ. соч., с. 100.

⁴ Уже в апреле приказ № 00675 устанавливал 8-часовой рабочий (ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 658, л. 252–268. Оригинал. Совершенно секретно). Конечно, это не всегда соблюдалось.

⁵ См.: приказ НКВД № 80 от 28.02.1944 // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 714, л. 292 с. Оригинал. Совершенно секретно.

пленных, и ГУПВИ вернулся к вопросу повышения производительности и интенсивного использования рабочих рук.

В директиве от 28 апреля комендантам трудовых лагерей предписывалось выявить пленных с высокой профессиональной квалификацией, пригодных для специальных работ¹. Отбор специалистов — инженеров, физиков, технологов и др. — начинался уже при заполнении анкет: задача состояла в том, чтобы выявить тех, кто еще не был зарегистрирован, и возложить на них новые задачи совместно с руководителями соседних с лагерями предприятий.

Необходимость увеличить производительность и обеспечить трудовую дисциплину среди пленных, занятых в добыче каменного угля, в 1944 г. заставила НКВД ввести денежный стимул для работников, выполняющих месячную норму. Оплата изменялась в зависимости от выполненных работ, но не выплачивалась пленным непосредственно, а перечислялась каждые десять дней в лагерные лавки, где можно было приобретать предметы первой необходимости. Вспоминает Фидия Гамбетти:

Двадцать один рубль на три месяца, как у советских солдат. Единственный товар, который можно купить, — махорка, пять рублей стакан. Эта трата поглощает все заработки курильщиков, еще и потому, что причитающуюся сумму выдавали не всегда регулярно и чаще всего не всю. Пять рублей — это цена одного яйца или пол-литра молока².*

Офицеры получали также жалованье, странным образом дифференцированное по званиям: «десять рублей в месяц лейтенантам, пятнадцать — капитанам и двадцать — старшим офицерам; покупательная способность была очень низка: один карандаш стоил сорок рублей, одна расческа — восемьдесят»³.

Наряду с этими вознаграждениями предусматривались и наказания в случае невыполнения производственных заданий. Самой распространенной санкцией был публичный выговор отряду.

Пришлось прервать еду и потом сразу всё проглотить; в другой раз, когда мы сидели с котелками в руках, был дан приказ провести проверку, то есть построение для пересчета, и мы ели тайком, стоя в шеренге. И это было мучение, которого никак было нельзя избежать. К тому же, построение становилось удобным случаем в каком-то*

¹ ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 205, т. 13, л. 43, 43 retro, 44. Секретно.

² Gambetti. Указ. соч., с. 224.

³ Caneva. Указ. соч., с. 186.

смысле наказать нас за плохой сбор урожая. Одни и те же сцены повторялись каждый вечер. Мало работаете, говорили русские, «плохая работа» было их назойливым и невыносимым выражением¹.*

Другие широко применявшиеся санкции заключались в назначении дополнительной работы или в направлении на более тяжелый труд. Более суровыми наказаниями были арест на пятнадцать суток с содержанием во внерабочее время в охраняемом помещении и отправка в лагункты строгого режима².

Не все военнопленные мирились с условиями жизни в лагерях, особенно после капитуляции Германии и окончания военных действий: многие отказывались работать, портили орудия труда или, чтобы первыми вернуться домой, наносили себе ранения и увечья. Наркомат внутренних дел выпускал директивы о «противодействии явлениям саботажа в лагерях»³: по отношению к «саботажникам» было решено применять юридические меры. Наказаниям, налагавшимся на солдат, не подвергались офицеры.

Одним из самых серьезных актов саботажа рассматривалась забастовка, объявленная в июне 1945 г. в Суздале офицерами, работавшими в обслуживании лагеря. Как и несколько месяцев назад во время голодовки, пленные потребовали улучшения условий жизни в лагере, в частности — питания. В забастовке приняли участие большинство, но не все — около 650 — офицеров, находившихся в лагере. Итальянцы пытались вовлечь в забастовку немецких офицеров, «убедить их не выходить на работу без увеличения рациона питания»⁴. Инструктор Оссола отмечает:

8 июня 45 г. рядом с помещением, где жили генерал и полковник Л., лейтенанты П. и Б. обсуждали результаты коллективного отказа итальянцев выйти на работу на русских. Полковник Л. настаивал на необходимости сохранять единство в борьбе против русских, если есть желание добиться результатов. Лейтенант П. поддержал полковника Л.: мы должны работать с немцами, убедить их отказаться

¹ Loriani. Указ. соч., с. 108.

² Приказ № 00311 // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 722, л. 308. Оригинал. Совершенно секретно.

³ Многочисленные директивы косвенно свидетельствуют о распространенности симуляции в лагерях; см. в особенности: № 242 от 15–16 октября 1946 г. (ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 779, л. 139–140. Оригинал. Секретно) и № 50 от 11 марта 1947 г. (ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 834, л. 203 с. Оригинал. Совершенно секретно).

⁴ Ossola. Указ. соч.

*от работы и в тоже время бороться против тех итальянцев, которые готовы выйти на работу*¹.

О лейтенанте Э. Б. тот же Оссола пишет:

Активный реакционный антисоветский элемент. Вместе с полковником Л., лейтенантом П. и сержантом П. 5 июня 46 г. он организовал кампанию вокруг немцев с целью убедить их отказаться от работы. К тому же он сказал: «Нужно бороться против двух итальянских бригад, которыми руководят капитаны Р. и Б. Они штрейкбрехеры, потому что хотят идти работать на русских»².

Среди организаторов фигурирует также подполковник Дж. В., видный чернорубашечник, который, по словам Оссола, избегал выступать лично. Забастовку в Суздале возглавляли, однако, не только офицеры корпуса берсальеров и милиции, сильнее других ненавидевшие советскую систему, но также офицеры политически нейтральные.

Попытка привлечь на свою сторону бывших союзников немцев, принятая профашистски настроенными офицерами, не удалась: к немцам относились гораздо более сурово, и для них мятеж был куда рискованней. Забастовка закончилась скромным успехом — чуть улучшили питание.

7. Медицинская помощь и смертность

С точки зрения смертности, первая фаза плена делилась на два периода: первый начинался с момента взятия в плен и заканчивался первым месяцем заключения, так что для итальянцев он продолжался до февраля 1943 г.; второй, не менее тяжелый, длился с марта по июнь 1943 г.

Истоцивший организмы, первый период создавал, так сказать, основу для следующего периода, в течение которого эпидемии (сыпной тиф, дифтерит, туберкулез), дистрофия, гангрена, цинга довели до смерти почти всех пленных, собранных в лагерях.

На протяжении этих первых месяцев медицинская и санитарная помощь практически отсутствовала: больных просто переводили в другие помещения, в точности похожие на те, в которых они обитали раньше, укладывали на землю или на нары и оставляли умирать без всякого лечения.

После этого начального периода, когда смертность достигла 90 %, в лагерях была создана примитивная система лечебной помощи посредством

¹ Там же.

² Там же.

вакцинации (вернувшиеся рассказывают, что они сразу проходили через трех медиков: первый вводил иглу, одну на всех, второй делал инъекцию, третий вынимал иглу)¹, но хроническая нехватка в стране медикаментов не позволяла вести систематическую медицинскую работу и невозможно было постоянно контролировать распространение эпидемий. Перед лицом этих чрезвычайных обстоятельств 16 марта 1943 г. Круглов разослал руководящим работникам НКВД республик и областей и комендантам лагерей директиву № 120, где предусматривался комплекс мер по улучшению в лагерях для пленных санитарно-гигиенических условий². По решению Государственного комитета обороны (ГКО) поставка санитарного оборудования в эти лагеря перешла в ведение Главного военно-санитарного управления Красной Армии³, которое должно было обеспечить снабжение медикаментами, санитарным оборудованием и дезинфекционными средствами. Однако сложной советской машине концентрационных лагерей не удалось эффективно и быстро приспособиться к требованиям ГКО.

О трудном положении военнопленных знали и в Коминтерне. 10 апреля Димитров записал в дневнике, что его пригласили на совещание, где участвовал генерал Петров; он доложил о «причинах очень высокой смертности, о мерах, принятых для лечения пленных, об отделениях для заболевших»⁴.

В мае замнаркома Круглов, констатировав, что в лагерях «сохраняются неудовлетворительные условия», приказал освободить всех военнопленных от работ на десять дней и использовать их в работах внутри лагерей для снабжения топливом, сбора богатых витаминами диких растений, приготовления сена и соломы для набивки матрасов⁵.

Принятые меры начали давать какой-то результат только во второй половине 1943 г. Весной смертность, хотя и несколько снизилась, по-прежнему оставалась очень высокой: в течение двух с половиной месяцев в лагерях и на сборных пунктах умерли 99.946 человек⁶. Всего к тому времени

¹ *Vicentini*. Указ. соч., с. 180. В последствии прививки делали на основе американских препаратов.

² Директива НКВД СССР № 120 о мероприятиях по улучшению физического состояния пленных // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 684, л. 195–198. Оригинал. Секретно.

³ ГАРФ, ф. 9401, оп. 12, д. 205, т. 12, л. 271.

⁴ *Dimitrov*. Указ. соч., с. 599.

⁵ Там же. С. 265.

⁶ Из них 24.346 человек умерли в лагере № 108 в Бекетовске; 13.796 — в Хриновой; 12.289 в Мичуринске; 7.222 в Рада-Тамбове; 5.301 в Тёмникове; 4.129 в Мор-

с начала военных действий из 291.856 пленных, зарегистрированных ГУПВИ, умерших насчитывалось 171.774, т. е. около 59 %. Из них 75.660 умерли в лагерях, 29.006 во время перемещений, 31.648 на сборных пунктах, 33.275 в больницах, 5.849 в подразделениях Красной Армии до передачи на сборные пункты и, наконец, 2.245 во время прибытия в лагерь для пленных. Во второй половине апреля погибли еще 25.174 человека, тогда как общее число пленных возросло лишь на 800 человек¹.

В октябре НКВД разослал директивы по улучшению санитарно-гигиенического состояния лагерей². Спустя год постановлением от 5 октября 1944 г. для военнопленных создали лечебно-профилактические учреждения со специальным режимом (спецгоспитали), называвшиеся «больничными лагерями» и «больничными отделениями»; для этой цели было приспособлено 15 трудовых лагерей³. Во всех трудовых лагерях появились специальные санитарные зоны, каждая из которых могла принять 10 % военнопленных, находившихся в лагере. Наличие таких спецзон подтверждается воспоминаниями ветеранов. В сообщении, представленном Территориальному военному командованию в Милане, лейтенант медицинской службы Темистокле Паллавачини пишет о пережитом в Тамбове, где возникли так называемые «экспериментальные бараки»: рацион там был достаточным, но это все-таки не помогло остановить эпидемическую смертность⁴.

Ввиду недостатка врачей к медицинскому обслуживанию привлекли пленных офицеров медслужбы: начиная с 1944 г. их направляли в больничные лагеря для оказания помощи соотечественникам. В директиве

шанске; см.: РГВА, ф. 1/р, оп. 01е, д. 15а, л. 32–33.

¹ Там же.

² Директивой от 6 октября 1943 г. Круглов приказывал улучшить санитарное состояние (ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 678, л. 248–261. Оригинал. Секретно). Этого же касалось его письмо от 11 октября; см.: Русский Архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные второй мировой войны в СССР. М.: Терра, 1996, т. 24 (13), с. 121 и далее. 12 октября НКВД и Наркомздрав выпустили совместную директиву об улучшении содержания госпитализированных военнопленных, № 508с/324/110с // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 686, л. 159–159 об. Заверенная копия. Совершенно секретно. 22 октября министр здравоохранения Г. А. Митирев и Круглов разрешили размещать больных военнопленных в ряде больниц Наркомздрава (ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 205, т. 14, л. 175–175 об).

³ ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 707, л. 295–296. Оригинал. Секретно.

⁴ *Raccomandata del Comando militare territoriale di Milano al ministero della Guerra*, AUSSME, DS 2271/C. P. 1 и далее.

от 2 марта 1946 г. была подтверждена необходимость «как можно шире» использовать всех военнопленных медиков и специалистов по санитарии в лагерях и спецгоспиталях; кроме того, уточнялись задачи и границы совместной работы с пленными врачами, которые «не могли освобождать от работы других заключенных; не могли принимать решения о помещении в госпиталь или в больничное отделение и выписке из них; не могли входить в состав медицинских комиссий, присваивавших пленным ту или иную трудовую категорию»¹. Под давлением растущей смертности и бесконечных директив по поводу санитарной обстановки в лагерях их коменданты стали угрожать пленным врачам и заставлять их «испробовать» все средства, способные сдержать распространение тифа и дизентерии. Вот слова лейтенанта Паллавачини:

Медикаменты отсутствовали полностью. Нижеподписавшемуся, как и врачам вообще, постоянно угрожали тюрьмой и смертью по обвинению в «нежелании лечить итальянцев» в то время, когда ежедневная смертность, как представляется, превзошла установленный процент»².

Принцип «нормы» применялся даже в санитарной сфере: каждый день не могло умереть больше определенного числа больных. Разумеется, при отсутствии медикаментов и медицинского оборудования мало что можно сделать, но, если число умерших превышала предел, установленный комендатурой лагеря, ответственность возлагалась на заключенных-врачей: им угрожало обвинение в «пораженчестве».

Чтобы помочь больным, приходилось обращаться к подручным средствам: лезвиям бритвы, ножницам, даже столярным пилам; для анестезии вполне подходил лед. В распределительных лагерях прибегали к древним средствам, таким, как кипячение коры с целью получить таниновую воду или обугливание костей животных, чтобы остановить дизентерию³.

Тем не менее, с мая 1943 г. в нескольких больничных лагерях началось совершенствование бюрократической стороны обращения с больными — до такой степени, что появились больничные карты (карты

¹ Директива № 52 от 2.03.1946 // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 777, л. 12–12об. Оригинал.

² *Raccomandata del Comando militare territoriale di Milano al ministero della Guerra*, с. 1 и далее, AUSSME, DS 2271/C. Лейтенант Паллавачини сообщал, что позднее его использовали не как врача, а как подсобного рабочего на стройке, без объяснения причин (там же).

³ *Reginato*. Указ. соч., с. 19.

стационарного больного). Почитаем одну из них — солдата Пьетро-Давиде Ди Бартоломео, помещенного в больничный лагерь № 5882 (город Глазов, Удмуртия), где умерло 47 итальянцев. Мы видим, что в документе зафиксирована следующая информация: «анамнез больного № 553»; ежедневное измерение температуры; течение болезни и результаты осмотра; диагностические и терапевтические данные, диета; мытье, смена белья; наконец, смерть больного от туберкулеза, наступившая 12 апреля 1945 г. В акте, подписанном тремя инспекторами, указано также место захоронения на кладбище: квадрат № 1, могила № 54¹. К больничной карте прилагается своего рода картотека с учетными данными и информацией социально-политического характера, полученной во время допроса. Пленный — рядовой, место рождения — Гориано-Валли (провинция Аквила); бывший мобилизованный из немецких частей: действительно, в графе «Когда и как попал в плен» ответ гласит, что 27 апреля 1944 г. в Сербии². Поступил в госпиталь 11 января 1945 г. со следующими диагнозами: «Дистрофия II типа. Ревматизм. Предыдущие диагнозы: туберкулез легких?».

В табл. 3 на стр. 234 (см. Приложение) приведены взятые из советских источников краткие данные о смертности только в 13 лагерях, где картина была наиболее показательной, и номера постановлений и директив, а также даты открытия и закрытия лагерей.

Лагерь в Некрислове и Хриновой, наихудшие с точки зрения условий жизни, были закрыты очень быстро по причинам, о которых говорилось выше. Что касается Хриновой, то данные показывают, что только одного месяца и пяти дней хватило для того, чтобы умерли 1.566 пленных итальянцев, т. е. в среднем умирали 52 человека в день. Данные не полны, что объясняется дезорганизацией в управлении лагерями. С другой стороны, в лагере в Талице составили очень точные списки, хотя там смертность была предельно высокой (782 смерти на 930 пленных), так что и сегодня можно получить вполне достоверные сведения³.

¹ Директива от 24 августа 1944 г. регулировала захоронения военнопленных // РГВА, ф. 1/р, оп. 5е, д. 2, л. 116 об-117. Совершенно секретно.

² Ди Бартоломео, плененный немцами, был «освобожден» советскими солдатами, которые в акте о смерти определили его как «военнопленного», хотя в 1944 г. Италия уже не воевала с СССР.

³ Подробная отчетность в этом лагере, вероятно, основывалась на сотрудничестве с итальянскими коммунистами-эмигрантами, преподававшими в антифашистской школе (Вичентини, интервью от 28 апреля 2000 г.; см. также его же свидетельство в: I prigionieri italiani in Urss negli archivi russi // Internati, prigionieri,

В этих тринадцати лагерях умерло в целом 27.488 пленных итальянцев; остальные 11 тыс. погибли в других 467 лагерях.

Изучая общие таблицы с данными о пленных, умерших в СССР, эксперты UNIRR смогли проследить движение смертности среди итальянцев в различные месяцы заключения. Был сделан вывод, что 85 % пленных итальянцев погибло с января по июнь 1943 г. (31.230 смертей), тогда как между июлем и декабрем смертность снизилась до 3.308 (9 %)¹. Пик смертности приходился на март, когда погибли более 9 тыс. человек в основном по причине неукротимого распространения тифа; только в июне-июле количество смертей начало снижаться. Между 1944 и 1950 гг. умерли 2.226 человек. К этим цифрам нужно прибавить 467 умерших (1 %) из числа взятых в плен с января по декабрь 1942 г. до начала большого зимнего наступления, и 2.786 умерших без указания даты смерти. В целом получается цифра в 40.027 итальянских военных, погибших в советских лагерях.

Когда после войны были репатрированы только 10.032 ветерана ARMIR (Итальянской армии в России), между итальянским и советским правительствами возникла проблема на дипломатическом уровне. В докладе итальянского делегата в Комиссии ООН по военнопленным (1958 г.) был продемонстрирован чудовищный разрыв между процентом военнопленных итальянцев, репатрированных из СССР (14,4 %) и из других воевавших стран, таких, как США (99 %) и Германия (94,4 %). Здесь, правда, не учитывались 11.059 репатрированных не из ARMIR, а после интернирования в Германии. Сколько из них было бывших интернированных немцев, сказать невозможно; в советских лагерях их погибло не меньше 932-х.

По подсчетам НКВД число итальянцев, умерших в лагерях, составляет 56,5 %, т. е. 27.683 из 48.957 зарегистрированных пленных. Итак, смертность итальянцев была в процентном отношении выше, чем пленных других национальностей, в том числе немцев; последняя оценивается в 14,9 %².

Поразительно, что среди немцев был меньший процент умерших, нежели среди итальянцев. Отметим при этом, что немцев в советских лагерях содержали в гораздо более суровых условиях. Но необходимо учесть

reduci, a cura di A. Bendotti, E. Valtulina. Bergamo: Rassegna dell'Istituto per la storia della Resistenza e dell'età contemporanea, 1999, c. 153–166).

¹ Ministero della Difesa — UNIRR (a cura di), Elenco ufficiale dei prigionieri italiani deceduti nei lager russi, suppl. al «Notiziario UNIRR», II fascicolo, 1993, c. 6.

² Это подтвердил и Аркадий Крупенников, директор Музея-мемориала немецких антифашистов в Красногорске, хотя указал, что в Тамбовском лагере смертность у немцев была выше (интервью в декабре 2000 г., Красногорск-Москва).

следующие обстоятельства: большое число немцев советские войска стали брать в плен только после зимнего наступления 1942–1943 гг., и только с этого момента советские организационные структуры стали готовиться к их приему. Это явным образом отразилось при общем подсчете процента умерших. Кроме того, многих немцев, расстрелянных в момент пленения, не регистрировали в качестве пленных.

Основная часть итальянцев, участвовавших в кампании в России, попала в плен зимой 1943 г., когда условия в распределительных лагерях были предельно трудными, а смертность — самой высокой среди всех групп пленных.

8. Плен и религиозные убеждения

Еще один аспект жизни пленных, на котором стоит остановиться, — это вопрос о религии. В самом деле, здесь нашли отражение более общие проблемы и явления, отнюдь не лишённые интереса.

После начала войны отношение Сталина к религии постепенно, но существенно менялось, становилось более примирительным. Он понял, что Русская Православная Церковь — превосходный союзник, а религия — мощный инструмент привлечения людей. Мобилизации народа можно добиться, опираясь и на патриотизм, и на религиозную традицию; война была представлена как борьба за спасение исторической России против чудовищного, почти мифологического врага¹.

Вместо слов «Советский Союз» и «коммунизм», всё реже появлявшихся в официальных публикациях, стали чаще употреблять слова «Россия» и «родина»; Интернационал заменили новым гимном; в статьях в «Правде» стало появляться слово «Бог», даже напечатанное с прописной буквы.

В 1942 г. Русская Православная Церковь была полностью реабилитирована после многих лет преследований; митрополит Московский Сергей получил определенную независимость действий и добился освобождения почти всех епископов, заключённых в лагерях; 4 сентября 1943 г. вместе с двумя другими митрополитами — Алексием и Николаем — Сергей был принят Сталиным, который разрешил провести выборы патриарха — престол оставался вакантным с 1926 г. Сталин разрешил снова открыть многие храмы и создать несколько семинарий, а также постановил выделить ассигнования на возобновление отправления культа.

Церковные власти ответили на это сбором средств верующих на создание танковой колонны. Внутри церквей — они привлекали больше

¹ Taylor P. M. *Munitions of the Mind. A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Era*. Manchester-New York: Manchester University Press, 2003, с. 234, 237.

верующих, чем могли вместить — священники призывали хранить веру, однако чтить и Сталина. 22 июня 1941 г., в день немецкого вторжения, Сергей обратился к русскому народу с посланием, где призывал верующих сплотиться в борьбе против врага, помогать советской армии. За два последующих года Сергей опубликовал не менее 23 пастырских посланий, благославляя свою паству сражаться за безбожное государство, где она жила.

По отношению к войне вообще и русской кампании в частности Ватикан избегал занимать позицию в пользу той или другой стороны, несмотря на настойчивые просьбы Рузвельта¹. Верно, что нападение на Советский Союз расистского и атеистического нацизма Ватикан рассматривал в положительной перспективе: оно открывало возможность освободиться от коммунистической угрозы и, как когда-то утверждалось, «вновь построить в оккупированных районах католическую религиозную жизнь; об этом, начиная с 29 июня, говорил об этом монсеньор Тардини. Но сделать это можно, опираясь на итальянские и венгерские войска, а не на немецкие, поскольку Германия больше расположена в антибольшевистских целях поддерживать православную, а не католическую религиозную пропаганду»².

В этой связи роль ряда капелланов, отправившихся сначала вместе с CSIR (Итальянским экспедиционным корпусом в России), а затем с ARMIR, не должна была ограничиваться религиозной опекой войск. По свидетельству монсеньора Энелио Франдзони, Коллегиум Руссикум и Папский институт восточных исследований действительно подготовили группу капелланов, которые в случае победы после окончания военных действий должны были остаться в России и выполнять задачу эвангелизации советского населения³.

Впрочем, связи капелланов с населением устанавливались спонтанно. В начале войны на оккупированной территории Украины в мессах, совершаемых для итальянских военных, участвовало немало местных

¹ О взаимоотношениях Ватикана и США см.: *Aga-Rossi E. La politica estera americana e l'Italia nella seconda guerra mondiale // Italia e America dalla grande guerra ad oggi. Venezia: Marsilio, 1976; Idem. L'Italia nella sconfitta. Napoli: Esi, 1985; Di Nolfo E. Vaticano e Stati Uniti 1939–1952. Dalle carte di Myron C. Taylor. Milano: Angeli, 1978.*

² *Verucci G. La Chiesa nella società contemporanea. Dal primo dopoguerra al Concilio Vaticano II. Roma-Bari: Laterza, 1988, с. 170.*

³ Интервью от 18 мая 2001 г. в Болонье (сообщение не подтверждено официальными документами).

гражданских лиц¹; к капелланам поступали многочисленные просьбы о крещении детей². Особенно в периферийных районах многие женщины и старики хранили иконы и тайно молились. Немало итальянских солдат, которые во время отступления или переходов «*давай*» укрывались в избах, с удивлением замечали в стране коммунизма и атеизма красные углы с неизменной иконой, освещаемой лампадкой.

Вообще говоря, капелланы исполняли самые разнообразные обязанности, которые во второй период военных действий при необходимости лежали в диапазоне от отправления культа до помощи страдающим солдатам, от раздачи пакетов с едой до посреднической связи с семьями через Папскую службу помощи, от сбора завещательных распоряжений до заботы о захоронении³.

В местах содержания пленных в странах, где они находятся, положение военных священников регулируется Женевской конвенцией 1929 г.: на ее основе капеллан рассматривался как «нейтральное лицо», приравняемое к медицинскому персоналу; он имеет право исполнять свои функции также и в местах заключения. Статья 16 конвенции гарантировала возможность духовной поддержки пленным, которые должны были пользоваться «полной свободой в следовании правилам их религии, включая присутствие на религиозных церемониях, установленных их культом».

Напротив, в России, особенно в первый период содержания пленным, религиозная поддержка совершенно не принималась во внимание. Капелланам не разрешалось исполнять их функции, и просьбы солдат и офицеров соблюдать религиозные обряды падали в пустоту⁴. Впрочем,

¹ Дон Карло Канева в своих мемуарах опубликовал фотографию с растроганными русскими женщинами, участвовавшими в мессе.

² Генерал Мессе в статье в «Gente» в 1962 г. опубликовал фотографию капеллана, крестившего украинских деревенских детей, что по его мнению свидетельствовало о гуманности итальянских солдат в России (*Messe G. Accuso i sovietici di aver assassinato i miei soldati // Gente, 1962, №№ 1–2*).

³ О роли капелланов в сношениях с Ватиканом см.: *Sani R. La Santa Sede e i prigionieri di guerra italiani // I prigionieri militari italiani durante la seconda guerra mondiale, Atti del Convegno di Mantova, a cura di R. H. Rainero. Milano: Marzorati, 1985, c. 210–215. См. также: Franzinelli M. Il riarmo dello spirito. Treviso: Pagus, 1991; I cappellani militari nella resistenza all'estero. Roma: Rivista militare, 1993; Con la croce dietro il filo spinato. Aspetti della prigionia dei cappellani militari nei campi alleati (1940–1946) // Internati, prigionieri, reduci... Указ. соч., с. 169–206.*

⁴ Об этом сообщают в указ. интервью Веньеро Аймоне Марсан, Гвидо Мартелли, Джузеппе Басси и дон Энелио Франдзони.

вначале условия содержания пленных были настолько тяжелы, что оставляли место только для простой проблемы выживания. Роль капелланов в тот период ограничивалась главным образом общением с умирающими и ранеными и помощью пленным-врачам¹. Многие стремились разделить судьбу товарищей по несчастью: например, дон Энелио Франдзони решил остаться с высшими офицерами, которых в июле 1946 г. удержали в России до августа². «К тому же, как Святой престол, так и военный епископат указали священникам на их нравственный долг оставаться среди заключенных вплоть до репатриации, чтобы не лишать солдат и офицеров духовной поддержки»³.

Одним из решающих факторов, ограничивавших работу капелланов в лагерях, стали постоянные перемещения из одного лагеря в другой, из-за чего присутствие священников было лишь кратким и случайным. Другое препятствие заключалось в размещении капелланов в лагерях для офицеров, к которым их приравнивали.

По этой причине всех выживших капелланов разместили в Суздале, вследствие чего только офицеры смогли участвовать в религиозных службах.

Деятельность капелланов по самой природе противостояла коммунистической идеологии и вступала в конфликт с работой политических инструкторов: их задача состояла как раз в борьбе против идеологий, носителями которых являлись пленные. Николай Терещенко вспоминает об упреках в том, что, являясь преподавателем антифашистской школы, подвергал пленных «моральным пыткам», заключавшимся главным образом в навязчивой антирелигиозной пропаганде⁴. Но религиозная тема была чрезвычайно тонкой, особенно для итальянцев, и Терещенко

¹ *Brevi G.* Russia, 1942–1953. Milano: Garzanti, 1964. Капеллан дивизии «Юлия» дон Бреви содержался в России до 1954 г. Автобиографические материалы капелланов, бывших в советском плену, см., кроме указ.: *Del Monte A.* La croce sui girasoli. Giornale intimo di un cappellano militare in Russia. Alba: San Paolo, 1945 (переизд.: Torino: Gribaudi, 1967); *Bonadeo A.* Sangue sul Don. Milano: Accademia, 1949; *Zavatta A.* I miei 12 anni nel paese dei Soviet. Cesena: Ed. Europa, 1955; *Alagiani P.* Le mie prigionie nel paradiso sovietico. Roma: Ed. Paoline, 1956; *Leoni P.* «Spia del Vaticano!» Roma: Ed. Cinque lune, 1959; *D'Auria M.* La mia Russia. Pompei: Ipsi, 1967.

² Сообщение дона Франдзони подтверждено также в: *Francesconi.* Указ. соч., с. 169 и далее.

³ *Franzinelli.* Указ. соч., с. 170.

⁴ *Tereščenko.* Указ. соч., с. 162, 172. Терещенко с марта 1943 г. сотрудничал с газетой «L'Alba», избегавшей религиозных материй.

рассказывает, как его итальянский коллега Паоло Роботти рекомендовал ему быть осторожным:

Перед пленными мы всегда демонстрировали согласие, хотя между нами часто вспыхивали горячие споры. Так, у нас существовала программа, которой мы должны были следовать: я заявлял, что если выполнять программу, то нужно пропагандировать атеизм. А Роботти считал, что программа должна быть приспособлена к итальянцам: в атеизме нет необходимости, итальянцы плохо на него реагируют, потому что все они католики; на мой взгляд, следовало воспользоваться случаем, чтобы раскрыть подлинную историю Церкви. На предлагаемые мною антирелигиозные аргументы итальянцы реагировали по-разному: некоторые принимали открытую критику Церкви, другие явно были не согласны, но молчали, третьи открыто возражали. Например, один из моих учащихся, младший лейтенант Ричарди, открыто утверждал, что Бог существует, несмотря на все мои атеистические лекции. Однако, возвращаясь к сказанному выше, я следовал рекомендациям Роботти. Я принимал во внимание сильную привязанность итальянцев к католической Церкви; избегал говорить о религии в повышенных тонах и вообще избегал антирелигиозной тематики¹.

Даже те, кто посещал антифашистские школы, сопротивлялись и не отказывались от религиозной веры. В своих заметках о двух офицерах — капитанах Джованни Кьяра и Джузеппе Гуццетти — инструктор Оссола должен был признать, что, хотя они закончили школу и «активно участвовали в антифашистской работе», они «не преодолели религиозные предрассудки». То же самое он говорит о лейтенанте Марио Рива: «Хорошо проводит антифашистскую работу, но не порывает с религией»².

Естественно, что пропагандистская политическая работа среди пленных встречала самое сильное противодействие именно со стороны капелланов.

С другой стороны, их деятельность была направлена также на изменение условий жизни итальянских военнопленных. После перемирия

¹ Интервью с Н. Терещенко от 4 ноября 2000 г. в Москве. Паоло Роботти, друг Грамши и Тольятти (последнему он являлся и родственником, будучи женатым на сестре его жены, Элене Монтаньяна). Политэмигрант, арестованный НКВД в начале 1938 г., но освобожденный в 1939 г., во время войны работал инструктором с итальянскими военнопленными.

² Ossola. Указ. соч.

8 сентября 1943 г. итальянские военные, оказавшиеся в руках союзных держав, по-прежнему удерживались в этих странах, которые больше не были противниками Италии, а даже стали союзниками. Начиная с зимы 1943–1944 гг., англичане предлагали итальянским военнопленным сотрудничать в борьбе против Германии. Сначала даже капелланы склонялись принять это предложение, хотя оно противоречило гарантиям, зафиксированным в Женевской конвенции. В лагерях у союзников «священники довольно часто становились пропагандистами сотрудничества или, наоборот, паладинами непримиримости: решение капеллана играло большую роль, и именно к нему слонялись многие дезориентированные и колеблющиеся солдаты»¹.

В СССР проблема сотрудничества была гораздо сложнее, поскольку оно предполагало принятие марксистской идеологии. В лагерях союзников тоже существовало своего рода перевоспитание итальянских военнопленных фашистской ориентации в духе демократии², однако эта деятельность никогда не достигала размаха пропагандистской работы, организованной в Советском Союзе.

Среди капелланов, находившихся в плену в СССР, самым непримиримым был, несомненно, Джованни Бреви, который многократно отказывался подписать воззвания к итальянскому правительству, составленные после перемирия, и побудил к этому решению многих нерешительных солдат. По свидетельству итальянских офицеров из антифашистской группы 160-го лагеря, «на публичных собраниях дон Бреви твердо противостоял антифашистскому движению»³. В дневнике Оссола тоже говорится об антисоветской позиции капелланов. О доне Агостино Бонадео, капеллане дивизии «Челере», Оссола писал, что это — «реакционный антисоветский элемент, злейший враг любого обновления прогрессивного и демократического характера». Он, как и дон Франдзони, отказался подписать обращение к правительству Ферруччо

¹ *Franzinelli*. Указ. соч., с. 193 и далее.

² См., например, *Tumiatei G.* *Prigionieri nel Texas*. Milano: Mursia, 1985. О положении итальянских военнопленных после перемирия см.: *Conti F.* *I prigionieri di guerra italiani. 1940–1945*. Bologna: Il Mulino, 1986, с. 67 и далее. Об антифашистской пропаганде союзников см.: *Moore B., Fedorowich K.* *The British Empire and its Italian Prisoners of War, 1940–1947*. London-New York: Palgrave, 2002.

³ *Cronistoria del movimento antifascista degli ufficiali italiani prigionieri nell'Urss*, Archivio «М», Fondazione Istituto Gramsci. Документ, подготовленный антифашистской группой сузальского лагеря, сообщает о «политической и идеологической ситуации среди итальянских офицеров».

Парри¹ и в качестве обоснования этого указал на положение, согласно которому «капелланы в принципе не занимаются политикой». Тем не менее, комментировал Оссола, «когда речь заходит о клевете на демократическое движение и Советский Союз или когда организуются какие-нибудь антидемократические мероприятия, капелланы оказываются в первых рядах»². По мнению Оссола, капелланы вели «коварную антисоветскую кампанию», выступали против прогрессивного демократического движения и не упускали случая для нападок на итальянские левые партии. О доне Джузеппе Фьоре инструктор Оссола писал, что тот, беседуя с венгерским капелланом, утверждал: «Протестантизм — пустяки по сравнению с великой ересью, которая грозит всем сегодня, с большевизмом. Все добрые христиане должны объединиться в крестовом походе против большевизма»³.

Как и всех пленных, капелланы часто подвергали допросам с целью выяснения их политической ориентации. Монсеньор Франдзони писал:

В начале лета 1943 г. в наш лагерь [в Оранках] прибыл господин Д'Онофрио. Мы еще не успели обсудить и оценить прибытие этого нового комиссара, как меня вызвали в комнату итальянского комиссара [Этторе] Фьямменги. Напротив меня сидели Д'Онофрио, Фьямменги и русский майор Орлов [Терещенко]. Меня спросили о моих политических взглядах; вопрос задал Д'Онофрио. Я попытался увильнуть и сказал, что как капеллан не могу придерживаться определенного политического направления. Я напомнил, что даже в фашистской Италии священники не обязаны иметь партийный билет. Д'Онофрио настаивал; он считал невозможным, чтобы я как гражданин не имел, по крайней мере, определенных политических симпатий, и хотел, чтобы я о них заявил. <...> Видя мою осторожность, Д'Онофрио и другие начали объяснять мне причиной скольких бед стал в Италии фашизм. В связи с этим меня спросили, какие средства я считаю эффективными для ускорения восстания в Италии. Я ответил, что, поскольку я священник, не в этом моя задача, но я должен выполнять свою миссию и в фашистской Италии, и в коммунистической, и находящейся в русле какого-нибудь другого политического течения. «Но фашизм губит Италию! — наступали на меня трое допрашивателей. — И она

¹ Ферруччо Парри возглавлял Совет министров с июня до декабря 1945 г.

² Ossola. Указ. соч., 30 marzo 1946.

³ Там же. В отличие от итальянских капелланов-католиков, немецкие капелланы-лютеране вели себя иначе: многие из них вошли в движение «Свободная Германия».

должна что-то сделать, чтобы свалить фашизм». «То, что фашизм губит Италию, я вижу сам, — продолжил я, — но не вижу, что могу сделать я, заключенный»¹.

Как видно, людям, проводившим допрос, прежде всего, нужно было выявить отношение капелланов к фашизму, но в ряде случаев они пытались также завербовать их в качестве разведчиков: одному из них обещали немедленное освобождение, если, вернувшись на родину, он будет сотрудничать с лицами из советского посольства, которые будут ему представлены². Удивительным свидетельством о действиях капелланов является извлеченное в постсоветское время из архивов письмо, направленное Папе Римскому доном Франдзони 23 января 1943 г. Вероятно, эта инициатива была задумана самим капелланом и поддержана политическими комиссарами лагеря в Оранках. 19 марта В. Бианко показал это письмо Димитрову и попросил разрешения отправить его адресату. Неизвестно, было ли оно действительно отправлено³. Дон Франдзони писал:

Когда 16 декабря 1942 г. я оказался в плену, то не думал, что сегодня, 27 января 1943 г., смогу обратиться к Вам. Ведущаяся в Италии пропаганда об отношении русских к религии и священникам не соответствует истине. С нами обращаются как с пленными, но положение день ото дня улучшается. Среди нас действительно есть комиссары, они заботятся о нашем благополучии. В лагере есть турецкая баня, кино, больница, а скоро мы будем выпускать свою газету. <...> Меня убеждали, что в России ведется пропаганда против ориентации религиозных устремлений, тогда как здесь разрешена даже религиозная пропаганда. В Москве есть церкви, открытые для верующих, а московское правительство создало комиссию из священников для участия в разоблачении жестокостей, творящихся на фронте во время военных действий. Эти священники сотрудничают с представителями московской администрации. <...> Со мной находятся еще двое военных священников — дон Паскуале де Барбери и Ваннино Ванни. Я свободно могу помогать солдатам, раненым в госпиталях и посещать лагерные бараки. В своих

¹ *Franzoni E. Lettera al Direttore // Risorgimento liberale*, n. 73, 28 marzo 1948. Согласно этому свидетельству Эдоардо Д'Онофрио не удалось ничего добиться (Эдоардо Д'Онофрио, эмигрировавший в СССР в 1939 г., работал на радиостанции «Italia libera» и в военные годы в газете «L'Alba»; в официальных документах подписывался как Эдо).

² См. там же, с. 63.

³ Итальянский перевод письма, хранящегося в РГАСПИ (ф. 495, оп. 77, д. 25, л. 147–148), был предоставлен мною дону Франдзони.

выступлениях Вы, Ваше Святейшество, всегда указывали путь к миру, но слепота и гордыня людей не позволили уберечь человечество и Ваше сердце от страшного бича войны. Возможно, нам, капелланам, будет предоставлен полевой алтарь. Там, где я нахожусь, мне обещали заняться этим вопросом. Во всяком случае, прошу Ваше Святейшество послать нам полевой алтарь и от имени итальянских военнопленных прошу оказать какую-либо материальную помощь. <...> Вы хорошо знаете, как важна для итальянцев поддержка Церкви.

Приветствую Вас от имени итальянских и румынских солдат¹.

Как явствует из этого предельно дипломатичного письма, оно написано с пониманием того, что его прочитают советские глаза; впрочем, это был единственный способ добиться его попадания к адресату. Не исключено, что цель дона Франдзони заключалась просто в том, чтобы установить контакт и сообщить, что он жив. Однако просьба о «какой-либо материальной помощи» звучит как очень осторожный намек на условия содержания, которые в то время были самыми тяжелыми. Особенно неммыслимым представляется утверждение о «религиозной пропаганде». Сам дон Франдзони свидетельствует:

Стало известно, что отец Аладжани уже служил тайно мессу в Оранках, а между тем мы в Суздале начали исполнять службы только с октября 1943 г. Это устанавливалось постепенно, начиналось с тайных собраний, потом всё более открытых и, наконец, мы получили официальное разрешение служить мессу каждое воскресенье. Один русский офицер привез нам вино из Москвы; за него нам удалось расплатиться деньгами, полученными за работу, рублями, которые мы не знали, на что потратить. Этот офицер исчез: возможно, на него кто-то донес².

В августе в Оранках пленные выразили желание практиковать религиозные обряды, и два капеллана обратились к Терещенко с настоятельной просьбой разрешить совершать мессу. Политкомиссар отнесся к ней благосклонно, но отложил принятие решения ввиду невозможности найти необходимое для совершения обрядов священные предметы³.

Однако не все начальники лагерей и комиссары разрешали совершать религиозные обряды. Например, просьба служить мессы, с которой дон Бреви обратился к коменданту лагеря № 171 в Суслонгере

¹ Там же.

² Интервью 18 мая 2001 г. в Болонье.

³ См. *Tereščenko*. Указ. соч., с. 124.

(Марийская АССР) — куда капеллана временно перевели в мае 1943 г., — была отклонена. Пленные не сдавались и после работы соорудили маленький алтарь и изготовили чашу — «всё вырезано из дерева», — чтобы тайно совершать мессу¹. В таких случаях она не только подавала духовную помощь, но и была вызовом, брошенным лагерному начальству и политическим инструкторам. Разумеется, во многих случаях совершение тайных месс обнаруживалось, как это произошло как раз в Сулонгере:

Доносчиков, к сожалению, хватало. «Красногвардейцы» пришли в ярость; перерыли весь бункер, нашли священные предметы в песке, унесли все, включая драгоценный требник донна Бреви, который он сумел спасти в многочисленных перипетиях. Капеллан испытал невыразимую боль. Сжав зубы, подняв глаза кверху, он лег на нары и стал молиться. Не произнеся ни слова, он начал голодовку².

Совершать религиозные обряд русские официально разрешили только в конце 1943 г., допустив проведение Рождественской мессы в суздальском лагере. По этому случаю в богослужении, совершаемом доном Бреви, которому помогали четыре других капеллана, смогли участвовать пленные офицеры, прибывшие из Оранок³.

Об этой Рождественской мессе рассказывалось в красочной статье Паоло Роботти, опубликованной в «Avanti!» 14 февраля 1945 г. Он описывает там свое посещение лагеря, показавшемуся ему «продолжением соседней трудовой деревни: одинаковые двухэтажные дома с просторными дворами, выбеленные стены, всё в полном порядке; деревню окружает большой сосновый лес»⁴. По описанию никак не подумаешь, что речь идет о лагере с заключенными:

Рождество! <...> Я вхожу в просторный зал, где итальянцы установили рождественскую елку, срубленную в соседнем лесу. Здесь собрались почти все: лишь совсем немногие ушли на мессу и иногда тоже заходят сюда. Люди собираются в группы и весело болтают, смеются⁵.

В коммунистических рождественских сценках нашлось место и для верующих — но их совсем немного.

¹ См. E. S. Perché a don Brevi fu tolto il messale // «Il Tempo», 10 agosto 1949.

² Там же (после нескольких дней голодовки требник вернули).

³ Vicentini. Указ. соч., с. 173.

⁴ Robotti P. Quel giorno in Russia... // «Avanti!», 14 febbraio 1945.

⁵ Там же.

9. Переписка

В первый, самый тяжелый, период после взятия в плен люди с немалым удивлением замечали, что проходит день за днем, а они не думают о доме. Позднее, когда проблема естественного выживания была решена, мысли о семье вернулись и превратились в настоящую муку. Очевидно, что возможность переписываться с близкими имела для пленных решающее психологическое значение. Хотя Советский Союз не признавал Гаагскую конвенцию, гарантирующую право военнопленных на переписку с семьей, для военнопленных итальянцев существовала все-таки некая система обмена письмами, но действовала она нерегулярно из-за отсутствия должной военной почты и пренебрежительного отношения к этому коммандантов лагерей.

Комиссия по политической работе среди военнопленных даже в переписке нашла подходящий случай для пропаганды: «Новоприбывшие, хотя бы в будущем, должны писать короткие письма своим родным» — можно прочесть в директиве от 6 марта 1942 г.¹

Фидия Гамбетти рассказывает о прибытии в тамбовский лагерь одной посланницы, которая воодушевила заключенных.

Но вот что имело большее значение и пробуждало от летаргии даже самых заторможенных: это убеждало нас, что мы сможем писать домой, и позволяло надеяться, что получим весточки из дома. Она спрашивает у начальника барака, сколько нас здесь на самом деле, и передает ему пакет почтовых открыток для военнопленных. Открытки представляют собой тонкие розовые картонки одинакового формата с обычными графами для указания места назначения с русскими и французскими надписями, над ними — эмблема Международного Красного креста и рядом — Красного Полумесяца².

Часто открыток не хватало на всех, и их приходилось разыгрывать; при этом была договоренность, что выигравшие передают приемы от имени проигравших.

Я не имел вестей из дома и написал две открытки, потому что одна открытка приходилась на четверых пленных и мы писали по очереди; мои открытки я нашел потом в грязи, их не отослали³.

¹ Протокол заседания комиссии по политработе среди военнопленных от 6.3.1942 // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 49, л. 17.

² Gambetti. Указ. соч., с. 152 и далее, 176.

³ Свидетельство Луиджи Бодини в: Bedeschi. Указ. соч., том I. Milano: Mursia, 1990, с. 552.

Не все открытки доходили до адресата; некоторые шли с опозданием на месяцы и годы.

Немцам разрешение писать домой было дано только в июле 1945 г. приказом Берии, где, помимо прочего, указывались критерии, которыми должна руководствоваться цензура: изымались и направлялись в оперативный отдел ГУПВИ открытки антисоветского и профашистского содержания, содержащие сведения о размещении промышленных объектов, о других пленных и об умерших в заключении; кроме того, «независимо от содержания» подлежали конфискации письма, «отправляемые в другие страны, а не в страну происхождения пленного»¹.

Ветеран вспоминает:

После многих месяцев нам разрешили открытки при условии, что мы можем писать только о себе, никаких имен умерших товарищей, никакого указания места. Может быть, на этот раз они действительно будут отправлены, дело казалось серьезным, в лагере повесили почтовый ящик, установили нормы для переписки»².

Письма и открытки, которые доходили по назначению, отличались успокаивающим тоном, фразами типа «не беспокойтесь обо мне, у меня всё хорошо», «здесь к нам хорошо относятся», «жду, когда снова вас обниму». Но как только в сообщении, пусть лишь едва, затрагивались запрещенные темы, цензор замазывал соответствующие фразы черными чернилами³.

Само написание как действие стало здесь для многих большой проблемой. Ни у одного из пленных не сохранилось авторучки; очень немногие еще владели огрызком карандаша. Мне говорили, что почти все были готовы написать «у нас всё хорошо, обращение превосходное». Вынужденная ложь. Возникла надежда, что советские решат использовать открытки как средство пропаганды и действительно отошлют их в Италию»⁴.

Письма итальянских пленных, не пропущенные цензурой, кончали свой путь в Москве, на столе у Тольятти, который, как вспоминает Нина Боченина, читал фрагменты изъятых писем из Италии и в Италию — почту солдат: «Когда мы уезжали в Россию, нам сказали: вы не будете

¹ Особая папка Молотова // ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 103, л. 255. Подписано Берией. Оригинал. Совершенно секретно.

² *Gherardini. La vita...* Указ. соч., с. 307.

³ Такие открытки показывал автору дон Франдзони.

⁴ *Reginato. Указ. соч., с. 82.*

стрелять, стрелять будут немцы, вы должны только подбирать гильзы. К Рождеству 41-го года будете дома...»

Я заметила, что Эрколи подчеркнул фразу, которая была написана разными буквами: «Советский Союз не сделал нам никакого зла»¹.

Тем итальянским военнопленным, которых удерживали в СССР и репатриировали только в 1950–1954 гг., писать домой в эти годы становилось всё труднее. Почта продолжала работать, так как в России оставались пленные немцы и австрийцы, но с очень длительными перерывами. Поскольку главную часть пленных репатриировали в 1945–1946 гг., в конце 40-х гг. в Италии уже нельзя было найти открыток Красного Креста. Семьям удерживаемых в плену приходилось «обращаться в Германию или Австрию к другим семьям, которые копировали и отправляли их открытки»².

Начиная с 1945 г. обеспечение возможности переписки для пленных стало предметом сложных затянувшихся переговоров, в которых приняли участие Министерство иностранных дел Италии, итальянский верховный комиссариат по делам военнопленных³, итальянский Красный Крест, подкомиссия союзников по почтовой службе (Postal Service Sub-Commission), советское правительство и советский Красный Крест⁴. Советское правительство разрешило переписку пленных с их семьями⁵, но эпизодически возникали организационные и дипломатические препятствия.

В действительности проблема прямой доставки корреспонденции пленным пересекалась с весьма тонкой темой — со списками пленных, находившимися в руках советской стороны, предоставления которых долго и безуспешно требовало итальянское правительство. При отсутствии этих списков почта могла стать косвенным источником информации.

Верховный комиссариат сообщал в Министерство иностранных дел:

Списки военнопленных, всё еще находящихся в России, действительно необходимы. Нет оснований надеяться, что мы сможем получить точные сведения о пленных, попавших к русским, опираясь только на

¹ *Voćenina*. Указ. соч., с. 25.

² *Massa Gallucci*. Указ. соч., с. 122.

³ В апреле 1944 г. Бадольо учредил Верховный комиссариат по делам военнопленных и репатриантов, возглавленный Пьетро Гадзерой.

⁴ См. AUSSME, DS 2271/C.

⁵ *Telegramma del 17 gennaio 1945*, AUSSME, DS 2271/C.

корреспонденцию, возвращенную по причине смерти адресата. Бывали случаи, когда живым (или умершим) пленным родственники по разным причинам не отправляли писем. И тогда даже косвенным путем о них не удастся получить никаких сведений¹.

Аналогично, итальянский посол в Москве Пьетро Куарони в телеграмме в Министерство от 30 июня 1945 г., где он сообщал о получении первого пакета писем для пленных, присланного итальянским Красным Крестом советскому Красному Кресту, имел все основания выразить скептицизм по поводу сроков отправки писем адресатам:

Наряду с позицией советского правительства в вопросе о наших военнопленных <...>, накапливаются другие реальные трудности, связанные с розыском пленных, разбросанных по разным республикам Союза и с медлительностью советского почтового сообщения².

У посла, действительно, имелись основания для скептицизма. Например, в Суздале письма были розданы пленным всего один раз — 31 декабря 1945 г.³

10. Проблемы и лакуны при учете

С регистрацией и учетом военнопленных советская администрация не справлялась. Единовременное прибытие массы пленных солдат, их тяжелое физическое и моральное состояние, неподготовленность лагерного персонала, отсутствие или противоречивость инструкций и анкет, несоблюдение директив и приказов, в целом общее смятение, исходившее от массы иностранцев — всё это обрекало на неудачу попытки начальства проводить более или менее точные переписи. Кроме того, эти переписи производились простыми рядовыми, в подавляющем большинстве случаев не знавших иностранных языков: они записывали кириллицей фамилии пленных и места их рождения, естественно, искажая их при этом — иногда до неузнаваемости. Помимо принципиального непонимания, ввиду отсутствия переводчиков, особые трудности вызывала графа «отчество», которого у итальянцев не имеется — вместо него часто вносилось имя или же фамилия пленного. В советских списках случалось

¹ Telegramma dell'Alto Commissariato per i prigionieri di guerra inviato al ministero degli Esteri il 19 aprile 1945, AUSSME, DS 2271/C.

² Telegramma dell'ambasciata italiana a Mosca del 30 giugno 1945, riportato nel telegramma del 10 agosto 1945, inviato dal ministero degli Esteri alla Croce Rossa italiana e all'Alto Commissariato per i prigionieri di guerra, AUSSME, DS 2271/C.

³ См. *Vicentini*. Указ. соч., с. 283.

видеть вместо фамилий и городов даже итальянскую ругань, транслитерированную на кириллицу¹.

Следует упомянуть еще одно обстоятельство, затрудняющее анализ статистики: очень часто немцы, наслышанные о мстительности русских по отношению к ним, выдавали себя за представителей других национальностей — за чехов, венгров, поляков, французов и даже за итальянцев — немецкоговорящих жителей региона Южный Тироль.

НКВД при этом выпустило ряд инструкций, касавшихся критериев регистрации пленных, — на различных этапах их заключения. Например, инструкция от 16 ноября 1944 г. предписывала пересмотр численности военнопленных — вероятно, это было вызвано общим хаосом, царившем в лагерях, и высокой смертностью заключенных, не всегда находившей отражения в документах. Согласно этой инструкции, полагалось произвести немедленную перепись всех пленных, пребывавших в лагерях и госпиталях, при этом помечая каждый раз точную дату их нахождения в тех местах, во избежание повтора имен. Срок переписи выделялся от 5 до 30 дней. Для каждого пленного полагалось составить информационный листок в одном экземпляре и регистрационную анкету — в трех. Имея в виду большой объем работы и ограниченные сроки, инструкция даже предлагала число необходимого для переписи персонала: «на оформление переучета 1000 военнопленных потребуется 120 человеко-дней. Для выполнения работы по переучету этой тысячи военнопленных за пять дней потребуется 24 чел.»².

Однако, несмотря на все попытки НКВД, в течение всей войны перепись пленных никогда не был удовлетворительной. К примеру, заведующий регистрацией пленных в лагере № 168 (Минск) писал 1 января 1945 г. к генералу ГУПВИ Петрову:

Во всех лаготделениях штат учетными работниками укомплектован полностью, но всё же учет военнопленных поставлен плохо. Отделение учета не может дать точной справки, какое количество военнопленных содержится в лагере. Вся отчетность ведется не в соответствии с инструкциями и формами, цифры берутся не из документов, а произвольно. Ряд директив совершенно не выполняется. Например, директива УПВИ № 28.2.4 от 23 августа 1944 г., где ясно

¹ Интервью от 28 апреля 2000 г. с К. Вичентини.

² Инструкция по персональному переучету военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД и в спецгоспиталях НКО и НКЗДРАВа, 16.11.1944 // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 716, л. 326–334. Оригинал, совершенно секретно.

указанно, какие документы должны высылаться в УПВИ на умерших военнопленных. До сего времени ни одно дело не оформлено и не отослано, а документы на умерших содержатся в хаотическом состоянии. Установить, сколько же военнопленных умерло, нельзя. За вторую декаду декабря 1944 г. умерло 49 чел., списано только 44. Остальных якобы должны включить в следующую декаду с тем, чтобы указать смертность ниже. Списки на убывших военнопленных не оформляются, как следует, как требуется по инструкции. Если в отдельных случаях составляются, то никем не подписываются, акты о сдаче военнопленных не составляются¹.

Как мы видим, эффективность служб, ответственных за регистрацию в лагерях, была крайне далека от желаемой (удивляет откровенность, с которой сознается в этом автор донесения генералу Петрову).

В результате, ко всем данным о военнопленных, попавшим в официальные сводки НКВД, следует относиться с определенной осторожностью. Таковые, естественно, регулярно составлялись и высылались Сталину и Молотову. В одной сводке приводились данные по численности военнопленных в СССР в период с начала войны, 22 июня 1941 г., по 1 марта 1944 г. В ней общая численность пленных итальянцев указывалась в 43.674 солдат, а выживших, на 1 марта 1944 г., — в 10.624, умерших — в 33.050. Таким образом, смертность итальянцев составила 75,7 % — самая высокая из всех указанных в сводке национальностях². Другая таблица давала более подробные сведения о содержащихся пленных: «генералов — 3, офицеров — 693, младшего начальствующего состава и рядовых 9.928 человек»; из офицеров 393 человек состояли в фашистской партии, 163 — в молодежной фашистской организации; «в лагерях НКВД находится 8.367 человек, в госпиталях НКО и НКЗ — 2.257 человек»³. Итак, если из пленников ARMIR в Италию вернулось 10.032, то следует считать, что после марта 1944 г. в лагерях скончалось еще около 600 человек, хотя условия заключения к тому периоду значительно улучшились.

¹ РГВА, ф. 47/п, оп. 22, д. 4, л. 13. Документ впервые опубликован в: *Всеволодов В. А.* «Арифметика» и «Алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД-МВД СССР в период 1939–1956 гг. Указ. соч., с. 35.

² Скорректированные сведения НКВД СССР о движении военнопленных в СССР за период с 22 июня 1941 по 1 марта 1944 г. Приведены в: *Военнопленные в СССР. 1939–1956.* Документы и материалы / под ред. *М. М. Загоруйко.* М.: Логос, 2000, с. 1040.

³ Особая папка Молотова, 7.03.1944 / ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 69, л. 142. Копия. Совершенно секретно (см.: Приложение, док. № 4).

12 мая 1945 г. Берия сообщил Сталину самые свежие на тот момент данные:

Совершенно секретно

12 мая 1945

№ 546/б

Государственный Комитет обороны, тов. Сталину
НКВД СССР докладывает сведения о военнопленных по состоянию на 11 марта с. г. включительно:

1. На сборных пунктах лагерях НКВД и госпиталях на 11/5 имеется военнопленных 1.464.803

По чинам:

Генералов

93

Офицеров

36.268

Рядовой и унтер-офицерский состав

1.428.442

По национальности¹:

немцы	747.733	поляки	26.636
венгры	275.448	итальянцы	19.889
румыны	116.214	французы	12.676
другие национальности	266.207		

Если мы к этой общей цифре прибавим еще 605.197 человек, взятых в плен, но еще не переданных командованием Советской армии органам НКВД, то в целом число военнопленных достигнет численности в 2.070.000 человек².

6 июня 1945 г. в другой информационной записке Берия передавал Молотову, что численность военнопленных достигла 2.641.246, из которых 1.366.298 человек было в плен после капитуляции Германии. Итальянцев из них насчитывалось 20.501³. Заметим, что в число пленных Берия включил также и интернированных. Судьба последних часто ничем не отличалась от судьбы обычных военнопленных. Интернированные итальянцы являлись теми самыми солдатами, что после 8 сентября 1943 года и объ-

¹ О пленных французах и их репатриации см.: *Gousseff C. Retour d'Urss. Les prisonniers de guerre et les internés français dans les archives soviétiques. 1941–1951. Paris: Ed. du Cnrs, 2001.*

² Докладная записка Л. П. Берии председателю ГКО И. В. Сталину о количестве, национальном и кадровом составе военнопленных на 11 мая 1945 г. // ГАРФ, Особая папка Сталина и Молотова, ф. 9401, оп. 2, д. 96, л. 10. 12.05.1945. Совершенно секретно.

³ Там же, д. 103, л. 189. 6.06.1945. Совершенно секретно.

явления Италией выхода из войны, оказались на оккупированной гитлеровцами территории: отвергнув сотрудничество с Вермахтом, они подверглись интернированию и даже казни¹. Многие из них, после прихода Советской армии, вместо того, чтобы быть немедленно отправленными на родину, препровождались в СССР, где разделили трагическую участь пленников ARMIR. Для этих бывших интернированных дата их «поимки», например, 1944 год, ясно указывает, что они уже никак не могли входить в состав ARMIR. Однако при репатриации их включали в списки ветеранов 8-ой армии — тем самым эти списки достигли цифры в 21 тысячу человек.

¹ Подробнее о положении итальянской армии в тот период см.: *Aga Rossi E. Una nazione allo sbando. L'armistizio italiano del settembre 1943 e le sue conseguenze. Bologna: Il Mulino, 2003.*

Глава четвертая

Антифашистская пропаганда

1. Организация политической работы

Централизация пропаганды стала характерной чертой советской системы с самого начала. Во время Гражданской войны политическая работа была необходима для распространения официальной идеологии среди гражданского населения и военных. В последующие годы пропаганда совершенствует свои средства и достигает максимальной энергии в сталинскую эпоху, особенно в ходе Второй мировой войны, когда необходимость поддержать военные усилия придавала мощный импульс политической работе в войсках.

В советской армии политическая работа была возложена на политруков, игравших руководящую роль в военной системе со времен Гражданской войны: выполняя собственные идеологические задачи, они стали также настоящими консультантами для боевых командиров. Комиссары заходили в траншеи, где морально поддерживали бойцов и призывали к сопротивлению врагу ради спасения социалистического государства; они читали лекции военным, повышая их политический уровень. Но часто их задачи выходили за пределы пропаганды: в ходе битвы под Сталинградом обнаружилось, как бездарное вмешательство политкомиссаров в руководство боевыми операциями неоднократно приводило к грубым ошибкам и ставило в трудное положение военное командование. 9 октября 1942 г. институт комиссаров был упразднен и в войсках ввели единоначалие.

Что касается пропаганды среди военнопленных, то ее испытали на 25 тыс. польских военных, взятых в плен в ходе вторжения в Польшу, вскоре после подписания пакта Риббентропа-Молотова и помещенных в лагерях под Козельском, Старобельском и Осташковом.

Аргументации развивалась от Октябрьской революции к причинам победы социализма в Советском Союзе и к «материальному и культурному благосостоянию трудящихся в СССР»; обсуждались также темы, относящиеся к «началу новой империалистической войны» и к внешней политике Советского Союза. Кроме того, пропагандистская работа включала чтение советских газет; за ним следовала дискуссия о затронутых там проблемах, показ документальных фильмов об истории СССР, обсуждение основных мероприятий, которые предполагалось провести в лагерях.

После июня 1941 г. политработа шла в двух направлениях: пропаганда в войсках противника и антифашистская пропаганда среди военнопленных. В последнем случае массовая политработа проводилась с пленными отдельных национальностей и в антифашистских школах, где обучение основывалось на марксистско-ленинской идеологии.

Политработой руководил Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) вместе со специальными секциями, отделами и инструкторами Политического управления Красной Армии (ПУРККА), с которыми сотрудничали другие идеологические учреждения — Совет по военно-политической пропаганде, Отдел информации, Всесоюзный радиокomitee, тайные партийные организации на оккупированной территории и партизанские формирования. В ИККИ при поддержке ПУРККА была образована специальная Комиссия по политической работе среди пленных, куда вошли Вальтер Ульбрихт, Винченцо Бианко, Золтан Санто и Иоганн Кёплениг (двое последних — члены соответственно венгерской и австрийской компартий).

Содержание политпропаганды определялось решениями партии и советского правительства, директивами Государственного комитета обороны (ГКО), Политуправления Красной Армии, распоряжениями Министерства вооруженных сил и резолюциями ИККИ. Пропаганда проводилась в различных формах и различными методами: это были индивидуальные и групповые беседы с пленными, проводимые советскими политкомиссарами и эмигрантами-коммунистами разных национальностей; лекции; собрания; конференции, где принимались решения, одобренные военнопленными.

Политработа с пленными началась в организованном виде с первых дней их прибытия в лагеря в первые месяцы 1942 г. Что касается итальянцев, то вскоре она охватила пленных из Итальянского экспедиционного корпуса в России (CSIR), а затем оставшихся в живых бойцов Итальянской армии в России (ARMIR).

2. Цели пропаганды

В качестве главной задачи антифашистской пропаганды Управление по политической работе с пленными определило создание «массового антифашистского движения среди военнопленных» с ориентацией на краткосрочные и долгосрочные цели. Из краткосрочных целей назывались следующие: разрыв итало-германского союза, дезертирство из неприятельских войск, свержение фашистского режима. В *Программе инициатив тов. Терещенко и Эдо* в разделе «Критерии правильного политического подхода» говорилось:

Политическая задача движения <...> состоит в том, что создать политическую платформу, объединяющую вокруг себя всю основную массу пленных и которая была бы направлена против участия Италии в войне с демократической коалицией.

Поэтому основными политическими лозунгами данной кампании являются:

1) Выход Италии из войны против англо-советско-американской коалиции;

2) Разрыв союза между Италией с Германией, вынуждающий Италию продолжать войну против Англии, США и СССР.

Лозунг свержения правительства Муссолини должен идти последним и основываться на том факте, что по вине Муссолини начата, продолжается и не заканчивается эта война, и что всякое иное итальянское правительство, действительно общенационального, а не фашистского характера, которое теперь образовалось в Италии, — положило бы конец войне против демократических стран и немедленно порвало бы губительный для итальянского народа союз с Германией¹.

Очевидно, что до заключения перемирия пропаганда преследовала чисто военные цели, связанные с настоятельной необходимостью для Советского Союза облегчить свои задачи на фронте: вплоть до 8 сентября² советская сторона стремилась убедить пленных итальянцев ставить подписи под призывами, которые будут заброшены в ряды действующей армии и переданы по радио итальянскому народу.

Пленные, надлежащим образом обученные и включенные в подвижные отряды, двигавшиеся впереди советских дивизий, непосредственно

¹ План мероприятий бригады тт. Терещенко и Эдо, июль 1943 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21а, л. 154. Секретно.

² После падения фашизма (25 июля 1943 г.) 8 сентября 1943 г. правительство генерала Пьетро Бадольо подписало перемирие с англо-американскими союзниками.

участвовали в пропагандистских акциях на фронте через мегафоны и радиопередатчики¹.

Другой весьма распространенный и эффективный вид пропаганды, к которому привлекали военнопленных, — разбрасывание на линии фронта листовок, подписанных отдельными пленными или группами. Только в первый год войны специалисты Красной Армии разработали не менее 3,5 тыс. различных текстов листовок, а всего в ходе войны было составлено и распространено 25 тыс. текстов². Например, в листовке, заброшенной в итальянские войска 13 октября 1941 г., стояли подписи двух итальянских солдат, недавно попавших в плен. В ней излагались мотивы солидарности трудящихся: «Мы ушли, чтобы трудиться, и мы будем трудиться среди таких же рабочих и крестьян, как и мы»; «во имя чего мы сражаемся против русских, против русских рабочих и крестьян?»³. Другой важной темой была лживость фашистской пропаганды: «нам говорили, что русские пытаются и расстреливают: это ложь. И с помощью такой же лжи нас обманывали и вели как скот»; или: «в боях у Ростова, а потом под Москвой мы вполне убедились в том, что пропаганда наших правителей, — жалкая ложь, и что судьба, которую нам уготовили, — гибель, а не обещанные победа и мир»⁴. В листовках, заброшенных в боевые части, и в призывах по радио к итальянскому народу звучали тезисы, выдвигаемые ИКП, начиная с 1941 г.: в них говорилось, что итальянский народ отвергнет агрессивную войну против СССР⁵. Масса трудящихся была освобождена от ответственности за войну, которая возлагалась исключительно на режим; звучали призывы к солидарности и братству

¹ Советская сторона уделяла повышенное внимание этому; в музее в Красногорске выставлены муляжи пропагандистской аппаратуры. О пропаганде см.: *Rossi M. Primi documenti di propaganda sovietica verso i militari italiani // Le diverse prigionie dei militari italiani nella seconda guerra mondiale, a cura di L. Tomassini. Firenze: Ed. Regione Toscana, 1995, c. 83–113.*

² *Rossi M. Quel giorno più lungo dell'anno. La propaganda in Urss 1941–45 // Propaganda politica e mezzi di comunicazione di massa tra fascismo e democrazia, a cura di A. Mignemi. Torino: Gruppo Abele, 1995, c. 261–272, 263.*

³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 55, л. 28.

⁴ *Agli ufficiali e soldati dell'Armata Italiana in Russia!* (листовка, подписанная лейтенантами Витторио Тонолини и Леандро Коделуппи) // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21а, л. 6 об.

⁵ Еще до итальянских коммунистов и сам Сталин осознал, что главный довод пропаганды — размежевание итальянского (и немецкого) народа от их главарей; см.: *Taylor. Указ. соч., с. 235.*

именно с теми, на кого фашизм указывал как на врагов, с «русскими рабочими и крестьянами».

В листовках, распространявшихся в феврале 1943 г. и подписанных солдатом Антонио Астестьяно — горным стрелком 10-ой роты батальона «Мондови» 10-го полка дивизии «Кунеэнсе» — говорилось:

На нашей земле началась война. Пока вы мучаетесь от холода и проливаете свою кровь за немцев, проклятые немцы-предатели в Сталинграде сдаются в плен русским. Пленные румыны нам рассказали, что, когда немцы поняли, что им грозит гибель, они на фронте бросили румын под танки и под пули, а сами предпочли сдаться в плен¹.

Листовки постоянно напоминали об абсурдности союза с Германией и разъединенности итальянского и немецкого народов.

Почему мы пишем это письмо? Потому что не можем допустить, чтобы вы, наши соотечественники, продолжали сражаться против непобедимых (это уже понятно всем) русских и за интересы и выгоды гитлеровских бандитов, которые нам совершенно чужды. Разве итальянский народ недостаточно пострадал, чтобы вести еще и эту захватническую войну? Разве он уже не потерял своих лучших сыновей в этой безумной битве на полях Франции, Югославии и Африки? Хватит, товарищи! Пора положить конец жертвам, которые не имеют никакого достойного смысла².

Радио представляло собой чрезвычайно эффективное во время войны средство коммуникации и пропаганды, и советское руководство основательно использовало его как для связи с собственными войсками и с движением Сопротивления, так и для воздействия на войска противника и на население воюющих стран. Поэтому по инициативе эмигрантов-коммунистов и при сотрудничестве советского правительства и секретариата Коминтерна были созданы радиостанции для вещания на Германию, Венгрию, Румынию, Югославию, Францию, Италию, Австрию, Болгарию, к которым прибавились польские станции, с начала войны вещавшие с российской и украинской территории, и четыре чехословацкие радиостанции³.

26 мая 1943 г. председатель Комитета по радиовещанию при СНК СССР Поликарпов доложил Щербакову, что для «повышения действенности

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21 а, л. 16.

² Agli ufficiali e soldati dell'Armata Italiana... указ. соч. Еще две листовки, от 21 ноября 1942 г. (РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21а, л. 8–8 об.) и № 2 от ноября 1942 г. (РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21а, л. 9 об.), вновь призывали разорвать союз с Германией.

³ Руденко Н. Н. Слово правды о борьбе с фашизмом. Киев: Наук. Думка, 1980, с. 110.

нашей пропаганды на иностранных языках» было бы «крайне важно использовать выступления военнопленных»:

Достоверная информация из Берлина, полученная советской миссией в Стокгольме, подтверждает, что опубликование материалов о военнопленных оказывает серьезное воздействие на радиослушателей. Радиокomiteeт в настоящее время не имеет материалов о военнопленных. Товарищи, работающие с военнопленными итальянцами, заявляют, что имеется возможность организовать выступления по радио даже итальянских генералов. Прошу разрешить Радиокomiteeту регулярно посылать в лагеря военнопленных бригады для записи выступлений и дать указания об этом товарищам, ведающим лагерями¹.

В июне по предложению Поликарпова активисты тамбовского лагеря подготовили воззвание к итальянцам с призывом бороться за «свободную, счастливую и независимую Италию», которое в том же месяце было передано по московскому радио:

Мужчины и женщины всей Италии, прислушайтесь к полному веры и энтузиазма волнующему призыву к восстанию, который издаека направляем вам мы, пленные в России. Мы, сражавшиеся против сильного, дисциплинированного, хорошо организованного народа, просим вас ответить на вопрос, который 10 июня <...> задали вы сами: «Чего мы добились за три года войны?». <...> Война — самое страшное испытание, которому подверг Италию фашизм. Мужчины с оружием, рабочие и крестьяне, разве вы не чувствуете, как тяжел груз поражения, насколько бесполезны будут ваши жертвы, каким недолгим будет сопротивление <...>, какие страдания ждут в будущем наших сыновей и наших жен, если война продолжится? <...> Поднимайтесь вместе против фашистских главарей, прекращайте военное производство на заводах, рабски подчиненных немцам <...>. Боритесь против фашизма вплоть до его падения и ареста главарей во время неизбежного англо-американского вторжения².

В призыве, где подчеркнута неизбежность «англо-американского вторжения», содержится лозунг против фашизма и Муссолини и выражается восхищение успехами Красной Армии. 25 июля в связи с падением фашизма 38 офицеров из суздальского лагеря — среди них было три полковника и два подполковника — направили послание итальянскому

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 30, л. 30. Секретно.

² Appello agli italiani per un' «Italia libera, felice ed indipendente», 10 июня 1943, латерь 188 // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21а, л. 4.

народу, которое начиналось призывом прекратить «абсурдную и безнадежную» войну: какую пользу может принести итальянскому народу эта война, идущая «только в интересах узкого круга плутократов, обогащающихся на военном производстве, в то время как народ бедствует, подавленный рационированием питания и разного рода ограничениями, а лучшие сыны Италии нашли бессмысленную смерть в далеких странах»?¹

«Самым большим политическим успехом в лагере № 160» суздальские активисты считали обращение 18 января 1944 г., подписанное 460 офицерами. В нем выражалась благодарность тем, кто в армии и в партизанских формированиях сражается за освобождение Италии «от наци-фашистской тирании»; утверждалось о желании пленных стать в их ряды; отдавалось должное «эффективной деятельности» и важной роли в то время «антифашистских политических партий, ставших подлинным выражением чувств и зрелости итальянцев вопреки двадцати годам фашистского мракобесия»; выражалось стремление сформировать демократическое правительство, которое поведет Италию к материальному и моральному обновлению².

Эти радиопослания были способом, позволявшим издали вмешиваться в итальянскую политическую жизнь и обсуждать ключевые события: падение фашизма, перемирие 8 сентября, объявление Югом³ войны Германии, конгресс в Бари партий совета национального освобождения (ему направили приветствие, подписанное только 90 офицерами 160-го лагеря)⁴, падение правительства под председательством Ферруччо Парри, которому 25 января 1946 г. было отослано послание с выражением солидарности.

По мере изменения положения на фронте и приближения конца военных действий постепенно изменялась и пропагандистская работа среди военнопленных: накануне репатриации стал преобладать политический аспект. Действительно, долгое время цель пропаганды, поставленная секретариатом ИККИ, состояла в том, чтобы «формировать сознательных и активных антифашистов, готовить новые национальные военные

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 77. d 21а, л. 10, 10 об., 11.

² См.: Cronistoria del movimento antifascista... указ. соч. с. 41 и далее. «Неподписанты» (Итало Станьо, Федерико Имбриани и Энрико Реджинато) содержались в плену до 1954 г.

³ Южная часть Италии, в июле–декабре 1943 г. освобожденная англо-американскими войсками — *Прим. пер.*

⁴ Копия послания «Alla giunta esecutiva permanente del Comitato di Liberazione Nazionale — Bari» // Fondo D'Onofrio, busta 3637, Fondazione Istituto Gramsci.

отряды, а также новые кадры для коммунистических движений разных стран»¹. С борьбой против фашизма соединялось стремление предложить положительный образ советской системы. 27 апреля 1943 г. Винченцо Бианко писал политическим инструкторам:

Наряду с разоблачением лживого и реакционного характера фашизма, вы должны разъяснять, «что такое Советский Союз», начиная примерно, от Февральской буржуазно-демократической революции до Великой Отечественной войны. <...> Разъяснение вопроса, что такое Советский Союз, вы должны использовать в качестве примера того, что трудящиеся массы могут и должны завоевать и построить такой режим, который не только уничтожит причины войны, но при помощи которого трудящиеся будут сами управлять государством и строить свою зажиточную жизнь, как в Советском Союзе, без капиталистов и чернорубашечников»².

Пропагандистская работа должна была быть направлена не только на людей, в какой-то мере уже восприимчивых к ней, но и на большой контингент. Так, например, Эдоардо Д'Онофрио в направленном Тольятти докладе о лагере в Тёмникове критиковал инструктора Буцци за то, что тот набирал в действующую антифашистскую группу только «элементы, которые в Италии никогда не состояли в фашистской партии»; с точки зрения Д'Онофрио, в нее необходимо было включить «определенное число активных антифашистов, находящихся в лагерях», а также убеждать «массу пленных, причем не только активных, публично высказываться об актуальных политических проблемах (война с немцами и т. д.)»³.

Потребность в массовой работе предполагала также определенную осторожность в проведении «идеологической обработки», что стало очевидным, в частности, в противостоянии Терещенко и Роботти в красногорской школе. В одной из лекций Терещенко возвестил о задаче построения для всего человечества коммунистического общества, отличающегося «самой полной социальной справедливостью». Роботти в присутствии пленных выступил с критикой Терещенко и заявил, что цели школы должны

¹ Постановление секретариата ИККИ от 5-го февраля 1943 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 26, л. 24. Секретно.

² Письмо Бианко итальянским коммунистам инструкторам лагерей // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 27, л. 50. Секретно.

³ D'Onofrio E. La situazione al campo 58. Relazione di Edo a Ercoli // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 27, л. 179. На итальянском языке.

ограничиваться антифашизмом: «Бороться против фашизма, повинного во всех бедах наших народов, — вот главная задача школы»¹.

Согласно документу 1946 г., где излагались результаты деятельности ГУПВИ, пропагандистская работа в лагерях преследовала следующие цели:

- *добиться лояльного отношения к СССР со стороны массы пленных;*
- *добиться того, чтобы военнопленные осознали ответственность их армий за разрушения на территории СССР и чтобы в силу этого они добросовестно относились к работе в лагерях;*
- *воспитывать контингент военнопленных так, чтобы они стали убежденными антифашистами, которые, возвратившись на родину, были бы в состоянии вести борьбу за преобразование своих стран на демократических принципах и за искоренение пережитков фашизма;*
- *разоблачать тех, кто несет ответственность за зверства, а также фашиствующих пленных*².

Для достижения этих целей ГУПВИ провело в 1946 г. в лагерях для военнопленных следующие мероприятия: 4.924 собрания пленных, 985 митингов, 13.952 лекции и доклада, 51.626 ежедневных коллективных чтений, 37.997 индивидуальных бесед, 14.338 сообщений о международном положении, 15.848 концертов и других самодеятельных представлений, 3.298 просмотров фильмов. В течение года в антифашистские группы записался 92.771 человек; из них 25.670 стали активистами³.

Масштабы пропагандистской работы в советском обществе указывают на первостепенное значение, которое оно придавало воспитанию в духе коммунизма. Всё это превращало Советский Союз в гигантскую школу, где обучение должны были пройти все с целью уничтожения капиталистического духа и формирования «нового человека» социализма. Вся система Гулага направлялась — по крайней мере, формально — на перевоспитание. Даже в случае военнопленных значительная пропагандистская работа обосновывалась — помимо стремления сформировать ядро коммунистических активистов — этим обширным проектом.

3. «Массовая» политическая работа

Как уже отмечалось, существовали два уровня политической работы: первый рассчитывался на общую массу пленных разных национальностей; второй, доступный не для всех, заключался в обучении

¹ Tereščenko. Указ. соч. С. 78.

² РГВА, ф. 1/п, оп. 9а, д. 9, л. 17.

³ Там же, с. 18.

в антифашистских школах. Работая на обоих уровнях, инструкторы должны были следовать директивам, указаниям и программам, утвержденным Управлением по политической работе с военнопленными.

Массовая политическая работа, помимо широкого распространения антифашистских идей и принципов, должна была позволить выявить тех лиц, которые проявили интерес к направлению и содержанию занятий и могли бы пройти более углубленный курс обучения.

В директиве секретариата ИККИ от 5 февраля 1943 г. предусматривалось проведение следующих мероприятий:

1. Расширение школы военнопленных до 300 человек с трехмесячным курсом для подготовки инструкторов и руководящих работников среди военнопленных.

2. Организация краткосрочных курсов (4–5 недель), охватывающих до 1000–1500 военнопленных для подготовки активистов.

3. Организацию специальных семинаров для офицерского состава военнопленных.

4. Вести подготовку к созданию рабочих батальонов из военнопленных с перспективой превращения их впоследствии в национальные военные части.

5. Обеспечить в лагерях военнопленных и рабочих батальонах использование передач антифашистских радиостанций на соответствующих языках.

6. Издать срочно брошюры по вопросам соответствующих стран и по вопросам политического устройства, хозяйственного и культурного строительства Советского Союза, о жизни советских народов и, в особенности, об отечественной войне Советского Союза против фашистских захватчиков¹.

В директиве предлагалось также превратить газеты для пленных в «газеты пленных», призвав последних к сотрудничеству посредством взносов и написания статей.

В *Проекте плана работы среди итальянских пленных*, сохранившемся в архивах Коминтерна, можно увидеть методы и содержание политической работы среди военнопленных. Рекомендовались беседы, как представляется, не обязательные, с 4–5 пленными по «проблемам, представляющим главный интерес». Рекомендовалось более глубоко изучать тех

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 26, л. 24–25. Для публикации брошюр существовала особая комиссия в составе Мануильского, Эрколи, Ульбрихта, Ракоши и др. (см.: РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 10, л. 15).

людей, которые объявили себя антифашистами или коммунистами, поскольку среди них могут скрываться «фашистские агенты». Если удастся удостовериться, что они действительно антифашисты, им нужно будет поручить «проведение информационной работы» внутри лагеря. Вероятно, будет полезно, пишут авторы *Проекта*, изучить корреспонденцию пленных, живых и умерших, чтобы узнать и использовать мотивы недовольства начавшейся войной, особенно касающегося союза с Германией¹. Большое значение индивидуальной политической работы, которое придавал ей Коминтерн, требовало использования приемов, применяемых НКВД к заключенным гражданским лицам. Собранные сведения регулярно направлялись в ГУПВИ, где составлялись отчеты с подробным изложением политических взглядов пленных.

Вернувшийся из лагерей пишет:

Время от времени в лагере появляются таинственные личности. Они приезжают из Москвы и вызывают в комендантское помещение какого-нибудь пленного для беседы. Все идет туда с тревогой. Выходят взволнованные и ошеломленные. «Мне задали тысячу вопросов, и все они казались несущественными — какой из них был важным и коварным?»²

Во время опроса после получения сведений о самом пленном, о его семье и работе от него хотели получить информацию и оценку политического и военного характера: о подразделении, где он служил, о структуре корпуса, о проведенных боях³. Потом комиссар расспрашивал о мотивах недовольства пленного (они накапливались, начиная с войны в Албании и до неверия в победу, от отсутствия каких-либо причин войны против СССР и до неодобрения союза с Германией вообще). На вопрос о том, что пленные думают о фашизме, многие отвечали, что теперь не согласны с позицией Муссолини относительно войны, но «согласны с ним в остальном»⁴.

Вторым этапом массовой политической работы являлись лекции. Они организовывались соответственно национальности пленных и обычно проводились советскими политкомиссарами или политическими

¹ Документ, не имеющий ни даты, ни подписи, составлен, вероятно, одним из политинструкторов или Д'Онофрио (РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21а, л. 130–133 об. Секретно).

² *Beraudi*. Указ. соч., с. 126.

³ См. протокол допроса с солдатом Антонио Астедьяно, отправленный 6 дек. 1942 г. Димитрову // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 18, л. 18–26. Секретно.

⁴ См. протокол допроса с солдатом Умберто Пичини от 4 дек. 1942 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 18, л. 27. Секретно.

инструкторами. У лекций стояла двоякая цель: информировать о ходе военных действий и развивать темы, которые бы способствовали укреплению антифашистских настроений и идеологической обработке в духе коммунизма¹.

Эмигранты устраивали собрания каждый день, их пропаганда имела только один смысл — коммунизм, и самыми главными лозунгами у них были «смерть капитализму» и «земля и заводы — трудящимся». Для сравнения они ставили нам очень убедительные вопросы: «Какая разница между капиталистическим и коммунистическим заводом?» Мы не знали, что им ответить, и они говорили, что когда капиталист производит слишком много продукции и имеет доход и вклады в банках, он увольняет рабочих и доводит их до нищеты, а когда производится больше продукции на коммунистическом заводе, то сокращается рабочий день, но зарплата остается прежней².

В ходе обсуждения старались выявить пленных, наиболее восприимчивых к антифашистским идеям, но при этом обращали внимание также на упрямых и непокорных, потому что их «обращение» имело бы особенное значение как для руководителей Коминтерна, так и для большой массы сомневающихся пленных.

Во время занятий вывешивались стенгазеты или распространялись печатные газеты лагеря, проводилось коллективное чтение книг. Во многих лагерях имелись библиотеки: книги туда направляло политическое управление³.

Одной из самых впечатляющих инициатив в процессе массовой политической работы была организация 1-й конференции военнопленных итальянцев, для которой Димитров поручил Бианко отобрать делегатов, т. е. пленных, уже «названных их товарищами по плену и представляющих все части и подразделения Итальянского экспедиционного корпуса в России»⁴. Конференция проходила 27 апреля 1942 г. в карагандинском лагере № 99, и в июне сообщение о ней появилось в «Правде». На конференции было предоставлено слово нескольким пленным, высказавшимся

¹ Бианко, к примеру, прочитал доклад «La situazione politica in Italia»; см.: Доклад Бианко... указ. соч., л. 7.

² *Stefanile F. Davai bistré. Diario di un fante in Russia. 1942–1945. Milano: Mursia, 1999, с. 176.*

³ Самые востребованные работы — «Вопросы ленинизма» Сталина и «История ВКП(б)»; см.: Отчет о работе среди военнопленных итальянской армии в лагере № 188 НКВД СССР за май месяц // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21а, л. 151 и далее.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21а, л. 29–34.

против фашистского режима, который «обещал создать великую и свободную Италию, обеспечить свободный труд для рабочих и изъять сверхприбыли военного производства», а вместо этого привел Италию к гибели¹. В заключение был единодушно одобрен документ, где отвергалась демагогия режима и осуждалось подчинение Италии Германии; документ предполагалось распространить во всех лагерях военнопленных в СССР. Из протокола конференции следует, что на ней присутствовали финны, румыны, венгры и даже один немец. Первая конференция итальянских военнопленных завершилась пением «Bandiera rossa»².

Наконец, значительная роль в лагерях отводилась клубам, местам отдыха и развлечений, где пленные могли выбирать разнообразные занятия: чтение, игру в шахматы, просмотр пропагандистских фильмов, создание маленьких оркестров, постановку спектаклей. Один ветеран рассказывает:

Дни я проводил в клубе, где имелись книги на французском и даже на итальянском. Залпом, как роман, прочитал избранные сочинения Маркса и несколько томов Ленина по-французски. Была еще компания «артистов» из музыкантов оркестрика, певцов, комиков. Каждое воскресенье на сценке клуба* ставились спектакли, на них приходили и русские начальники, с ними докторши и сестры*, которые не произносили ни слова. В будничные дни оркестрик (одна скрипка, три гитары и ударные) и певцы по очереди работали у лазаретов, чтобы поднять моральный дух больных. В субботу вечером артисты выходили из лагеря для представлений в русских столовых*³.*

4. Структура «антифашистской группы»

В каждом лагере перед политкомиссарами и коммунистами-эмигрантами стояла задача организовать из пленных отдельной национальности «антифашистскую группу», состоящую из «антифашистов любых политических взглядов, решительно настроенных на установление нового политического режима [в странах своего происхождения], готовых к борьбе за искоренение любых остатков фашизма и к разъяснению проблем демократии»⁴. Члены группы не обязательно должны были быть членами коммунистической партии или симпатизирующими ей, хотя это

¹ Там же.

² Там же; «Bandiera rossa», «Красное знамя» — гимн итальянских коммунистов — *Прим. пер.*

³ *Gambetti*. Указ. соч., с. 220 и далее.

⁴ *Cronistoria del movimento antifascista...* указ. соч., с. 7.

положительно влияло на вступление в группу. В ходе опросов эти люди открыто осуждали режим Муссолини или проявляли враждебное отношение к нему.

В антифашистской группе существовал «узкий» и «широкий актив». Последний включал большинство тех, кто поддерживал антифашистскую пропаганду, участвовал в собраниях и во всех видах деятельности антифашистского характера, проводившейся в лагере. «Узкий актив» состоял из специально подобранных людей, т. н. активистов, регулярно посещавших антифашистские школы. Они выступали на митингах и составляли отчеты о ходе пропагандистской работы¹. Активисты организовывали деятельный досуг пленных; их задачей была «ориентация подавляющего большинства образованных людей на то, что, вернувшись на родину, необходимо осознать новую политическую ситуацию в Италии, пути ее дальнейшего развития и социальную роль каждого образованного человека»². В докладе о положении в лагере № 58 Д'Онофрио писал Эрколи (П. Тольятти):

В своей работе инструкторы опираются на 300 активистов (широкий актив). Узкий актив состоит из 150 человек, отобранных из трехсот. Те и другие распределены по секциям, баракам и отдельным группам. Они обязаны читать всем пленным советские сообщения о военных действиях и газету «Alba»³.

Кроме того, активисты должны были докладывать итальянским политинструкторам и советским комиссарам о поведении и политических взглядах пленных. Но политическая роль самих инструкторов могла быть тайной. Инструктор Ронкато, например, пишет:

Я попросил совета: должны ли антифашистские группы, которые до сих пор, насколько я знаю, работали нелегально и занимались агитацией, пропагандой и информацией, по-прежнему работать скрыто или им необходимо легализоваться? По-моему, нелегальная система лучше, потому что часть офицеров стремится открыто излагать свои мысли. Тем самым я смогу контролировать развитие хороших идей и тех, что им противостоят. То есть это позволит мне контролировать все

¹ В суздальском лагере к июню 1945 г. насчитывалось не менее 140 членов антифашистской группы, из которых 19 входили в «актив» (см.: *Ossola*. Указ. соч.). Спустя год, 8 апреля 1946 г., группа насчитывала 133 члена с 19 активистами (см. *Cronistoria del movimento...* указ. соч.). Те, кто не входил в группу, называли активистов иронично «illuminati» («просвещенные»).

² Там же, с. 16.

³ *D'Onofrio*. Указ. соч.

*дискуссии во всех помещениях и с помощью антифашистских элементов под моим контролем развернется агитационно-пропагандистская работа*¹.

Внутри антифашистских групп иногда создавались т. н. антифашистские комитеты со специфическими задачами, такими, например, как распространение газет для военнопленных. Положение на фронтах и политические события в Италии, безусловно, оказывали большое влияние на отношение пленных к пропаганде и к антифашистским группам, в значительной мере определяли вступление в группы и выход из них. Падение фашизма, заключение перемирия, объявление войны Германии и оккупация Италии немцами, естественно, облегчили массовую пропаганду и политическую работу, а также деятельность антифашистских групп. Падение фашизма было темой собраний и митингов антифашистских групп: «В 74-м и 160-м лагерях после первоначального удивления неожиданным поворотом событий отмечается пробуждение политической активности»².

В Оранках повестка дня, составленная по инициативе антифашистской группы 3 августа 1943 г., была одобрена 217 офицерами из 270-ти. Это стало громадным успехом, если учесть, что незадолго до 25 июля только четверть офицеров высказывались против войны и за борьбу против фашизма³. О лагере № 58 Д'Онофрио писал Эрколи, что лагерный инструктор Буцци должен был затормозить «вступление в широкий актив многочисленных элементов, изменивших взгляды вследствие падения Муссолини; он сказал им, что нужно немного подождать. Он сделал это, чтобы они не думали, что теперь будет легко стать членом антифашистской группы»⁴.

Когда образовалось правительство Бадольо, Д'Онофрио встретился с многочисленными заключенными лагеря в Оранках, которые, согласно его сообщению, внимательно выслушали сообщение. Была одобрена резолюция, где содержалось приветствие только что сформированному правительству⁵.

К объявлению о перемирии 8 сентября 1943 г. итальянские офицеры лагеря № 160 отнеслись следующим образом:

¹ Rapporto del lavoro compiuto al campo 160 dal 15 febbraio a questo giorno dal compagno Roncato, 5 marzo 1943 // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21а, л. 84.

² Cronistoria del movimento antifascista... указ. соч. с. 25.

³ Там же, с. 27.

⁴ D'Onofrio. Указ. соч., с. 179.

⁵ Tereščenko. Указ. соч., с. 123.

Большинство встретило его с энтузиазмом, потому что перемирие означало для Италии прекращение бесполезной бойни в ходе войны, которую она вела на стороне немцев против собственных интересов, и потому что у всех укрепилась надежда, что плен закончится через считанные дни¹.

Рассказывает Фидия Гамбетти:

Мы провели здесь [в лагере № 93] всего несколько дней, когда от советских властей поступило сообщение, что Италия подписала перемирие безо всяких условий с Англией, Соединенными Штатами и СССР. Официальной ратификации перемирия, признавшего поражение, еще не было, но никто из нас, как-никак зная Бадольо, не мог и подумать, что всё это время было потеряно напрасно. Сообщение вызвало зависть у румын и мадьяр и наполнило наши сердца большими надеждами. Советские власти заявили, что больше не считают нас врагами и подтвердили, что неминуем наш отъезд на юг, где мы будем дожидаться репатриации через Средиземное море, которая произойдет в ближайшее время².

Сообщение о перемирии вызвало разную реакцию: в суздальском лагере немало офицеров были разочарованы и в знак протеста отказались от пищи³. Узкий актив Суздаля констатировал, что, хотя в Италии «начался самый славный этап сопротивления, <...> этот факт, к сожалению, не получил должного отклика и правильной оценки у многих офицеров лагеря № 160»⁴.

В связи с объявлением войны Германии (13 октября 1943 г.) 17 октября в лагере № 165 состоялся митинг, где собравшиеся солдаты и офицеры обсуждали общее положение в Италии, мотивы, толкнувшие Муссолини на союз с Германией, экономическое положение страны и проблему независимости убеждений. Наконец, была подготовлена резолюция: в ней редакции газеты «Alba» поручалось создать «Национальный комитет борьбы за свободу итальянского народа». Из выступлений стоит отметить выступление младшего лейтенанта Вальдо Зилли: «Свобода, которой мы сейчас пользуемся в концентрационных лагерях в Советском Союзе, разве не больше той, которую

¹ Cronistoria del movimento antifascista... указ. соч., с. 35.

² Gambetti. Указ. соч., с. 204.

³ Например, младший лейтенант Итало Галеота.

⁴ Cronistoria del movimento antifascista... указ. соч., с. 80. Здесь же перечислены военнопленные, отрицательно оценившие перемирие.

обещал дать нам фашизм и что не больше рабства многих миллионов людей?»¹.

Однако в антифашистских группах, в частности в Суздале, имело место также несогласие. Поддержка этими группами линии, принятой итальянскими партиями на конгрессе в Бари, вызвала расхождения даже внутри узкого актива, что породило у противников антифашистского курса реваншистские настроения, выразившиеся даже в использовании фашистского приветствия².

Оссоло отметил, по меньшей мере, 34 случая выхода из антифашистской группы в Суздале, насчитывавшей 140 членов. У несогласных имелись разные мотивы: одни вышли потому, что группа приобрела чрезмерно антимонархическую направленность; другие потому, что «демократическое движение не ограничилось свержением Муссолини, но всё больше приобретало выраженный экономический и социально-политический характер»; третьи ушли из-за неприятия процедуры выборов представителей антифашистской группы. Двое членов антифашистского актива, напротив, покинули группу по причине недовольства компромиссом в виде «формального единства», из которого явствовало стремление объединить в борьбе против фашизма все без исключения демократические силы³.

Однако основной причиной, которая заставила многих покинуть группу, стал вопрос о Триесте. 1 мая 1945 г. в Триест вошли войска Тито, а в сентябре на Лондонской конференции был вновь предложен план Молотова-Карделя, где предлагалось передать Югославии всю область Фриули-Венеция-Джулия. По вопросу об Истрии Итальянская коммунистическая партия занимала двойственную позицию. В 160-м лагере проблема Триеста вызвала особенно острую реакцию, и актив счел своевременным созвать в антифашистской группе два собрания, чтобы публично обсудить ее. После основного доклада разгорелась острая дискуссия и были высказаны решительные возражения: «точка зрения докладчика рассматривалась как точка зрения антифашистской группы, и это вызвало уход из группы многих офицеров»⁴.

Вместе с тем отмечалось, что инициативы активистов нередко наталкиваются на сильное сопротивление, прежде всего в 160-м лагере, несмотря

¹ Relazione sul comizio tenuto il 17 ottobre 1943 al campo di concentramento n. 165 // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21а, л. 114.

² Cronistoria del movimento antifascista... указ. соч., с. 67 и далее.

³ Письмо о выходе к Оссоле от 15 февр. 1946 г., на котором адресат поставил резолюцию о непринятии выхода (*Ossola*. Указ. соч.).

⁴ Cronistoria del movimento antifascista... указ. соч., с. 89.

на интенсивную и кропотливую организацию массовой политической работы. Среди противников, которых неоднократно называли «антидемократами», «антинациональными элементами», «фашистами», находились как убежденные фашисты, хоть не обязательно принадлежавшие к формированиям чернорубашечников, так и люди, желавшие остаться верными присяге, данной королю.

В феврале 1944 г. группа старших офицеров подписала воззвание, направленное против антифашистской пропаганды. В нем утверждалось, что задача солдата — воевать, а не заниматься политикой, и осуждались действия тех, кто выступил «против короля и правительства, которые многие годы их кормили». Офицеры актива заявили, что подобные утверждения «сбивают с пути» массу пленных и «затуманивают» их мышление: «бесспорно, итальянское общество и сегодня еще сильно ощущает последствия совращения, приведшего к непониманию нынешних событий в Италии, совращения, опасного тем, что оно вырывает молодые силы из рядов людей, которым предстоит создать будущее благосостояние родины»¹.

По мнению активистов, даже католики и «социал-демократы» мешают развитию политической работы в лагерях. Например, комиссия по работе с военнопленными лагеря № 95 (Кыштым, Челябинская область²) признавала:

*Политическая работа в лагерях должна охватывать самые широкие слои пленных. До сих пор остается запущенной работа среди социал-демократов и католиков так же, как среди крестьян и представителей средних классов, и ее необходимо улучшить. Тот факт, что в лагере № 95 существует группа социал-демократов в количестве 15 человек, заявивших о своем нежелании следовать указаниям из Москвы, показывает, что в политической работе допущены тактические ошибки*³.

5. Политический уровень пленных и привлечение их в антифашистские школы

Советские политкомиссары с удивлением констатировали, что основная масса итальянцев не интересуется политическими вопросами. Инструктор Гольдмахер заметил, что «политически пленные совершенно непросвещенны. Никакого представления о том, что было в Италии

¹ Там же, с. 64.

² Лагерь, где скончалось 11 итальянцев, находился в 100 км к северу от Челябинска.

³ Протокол заседания комиссии от 6.3.1943 по политработе среди военнопленных // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 49, л. 17.

до фашизма»¹. Инструктор, работавший в лагерной больнице, рассказывал, — имея в виду главным образом крестьян — что стремился привлечь их внимание доводами, которые могли бы их заинтересовать; поэтому он говорил о земельной проблеме в Италии, но пленные проявляли интерес «исключительно к манной каше»².

По утверждению Д. З. Мануильского и Н. И. Терещенко, политическая работа должна быть сосредоточена преимущественно на офицерах, т. е. на представителях средних слоев, но нельзя пренебрегать и людьми, принадлежащими к пролетариату. В докладе о положении в лагере № 165, подготовленном в октябре 1944 г., подвергался критике в частности тот факт, что в итальянском секторе из 118 учащихся «всего только 3 крестьянина и 34 рабочих; остальные, т. е. большинство, — мелкобуржуазные элементы»³.

При отборе учащихся основная роль принадлежала инструкторам и коммунистическим функционерам, регулярно посещавшим лагерь. Критерии отбора были сформулированы в очень подробной директиве; в ней рекомендовалось обратить особое внимание на:

- 1) *Перебежчиков и военнопленных, добровольно сдавшихся в плен <...>.*
- 2) *Бывших членов компартии или комсомола, или бывших функционеров революционных массовых организаций, внушающих доверие.*
- 3) *Определенную часть и бывших приверженцев социал-демократии, а также католических организаций <...>.*
- 4) *Военнопленных, которые проявляют себя на приемных пунктах и в лагерях-распределителях как активные противники войны Гитлера.*
- 5) *Способных военнопленных, работавших ранее на крупных предприятиях, сообщающих ценные сведения политического характера <...>, а также факты, могущие быть использованными нами в нашей работе по пропаганде в воюющих против нас странах.*
- 6) *Способные трудовые крестьяне; представители интеллигенции.*
- 7) *В этом же направлении необходимо вести определенную работу среди офицеров, известная часть которых может быть приближена к нам <...>*⁴.

¹ Resoconto su conversazione con istruttore avendo lavorato con prigionieri italiani (письмо от Лонго к Эрколи; б.д.) // РГАСПИ, ф. 495, о. 77 д. 21а, л. 44.

² Там же.

³ Доклад о поездке делегации в лагерь № 165 от 6.10.1944 // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 40, л. 23. Секретно.

⁴ Проект. Начальникам приемных пунктов и лагерей распределителей военнопленных (б.д.) // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 26, л. 37. Секретно.

В общем и целом необходимыми качествами считались антифашизм, доказанная надежность и активное участие в движении. Как следует из отчета о пропагандистской деятельности в лагере № 188, составленного в мае 1943 г., отбор был строг:

Из числа [143] антифашистов военнопленных итальянской армии были отобраны 74 человека, с которыми была проведена индивидуальная беседа; затем посланы в антифашистскую школу. Те, в отношении которых осталось малейшее сомнение с нашей стороны, были задержаны в лагере и в школы не были отправлены¹.

Но, естественно, оставалось широкое поле для произвола.

Встречались случаи, когда начальники отдельных лагерей из-за чрезмерного усердия отправляли в красногорскую школу пленных, которые только лишь выдавали себя за антифашистов, но на самом деле не имели намерения учиться в специальном учреждении, а их антифашизм был поверхностным, несерьезным или вообще фиктивным².

В Суздале за период с 31 января 1945 г. и до закрытия школы политкомиссары по различным мотивам отклонили просьбы о посещении школы 19 пленных: один из них, например, был исключен потому, что его отец являлся функционером фашистской ячейки; другой из-за того, что служил офицером фашистской милиции; некоторые обнаружили политическую неграмотность или, несмотря на свои заявления, были настроены враждебно или подозрительно по отношению к марксизму; только двух исключили по состоянию здоровья³. В целом из 159 человек, записавшихся в антифашистскую группу в Суздале, 29 посещали школу; из них за период с 5 апреля 1945 г. до 5 апреля 1946 г. пятеро посещали занятия редко и трое нерегулярно. Восемь пленных в лагере отказались посещать красногорскую школу после того, как были отобраны инструктором и политкомиссаром. С просьбой записаться на курсы обратился даже капеллан, но, как утверждает Роботти, он не был допущен, «так как, учитывая его интеллектуальное направление, мы, по всей вероятности, потратим много времени на пустые дискуссии, тогда как

¹ Отчет о работе среди военнопленных итальянской армии в лагере № 188 НКВД СССР за май месяц, указ. соч., с. 147.

² *Tereščenko*. Указ. соч., с. 138 и далее.

³ *Ossola*. Bloc notes... указ. соч. [б.д.]. Известно, что 22 мая 1944 г. из школы были исключены — по политическим и иным причинам — 39 учащихся, в т. ч. 20 офицеров (там же, с. 1). Один из них, как следует из письма Роботти к Гамбетти, в Италии являлся агентом тайной полиции (*Appunti per il compagno Gambetti // Fondo Robotti, busta 3596, p. 2, Fondazione Istituto Gramsci*).

курсы работают по установленной программе, рассчитанной на три-четыре месяца»¹. Эти сведения нашли подтверждение в воспоминаниях дона Коррадо Бертольди: он рассказывает, что попросил Роботти допустить его в школу, поскольку «был в этом очень заинтересован как священник».

Но он сразу дал мне понять, что как раз по причине моего статуса я не могу быть принят: предчувствовал, что даст мне обоюдоострый нож? Если они не сумели перетащить меня на свою сторону — и, думаю, у них уже есть все основания это понимать, — то они не предлагают неприятелю лучшие позиции для атаки»².

6. Инструкторы и контроль над политической работой

Инструкторов набирали из коммунистов-эмигрантов, посещавших партийную школу в Москве³; выдаваемые им рекомендации просматривал и утверждал НКВД. Для обсуждения на секретариате ИККИ считалось важным, чтобы они были «просмотрены лейтенантом или старшим лейтенантом госбезопасности»⁴. Помимо того, что инструкторы являлись преподавателями и пропагандистами антифашистской идеологии, они служили посредствующим звеном между заключенными и лагерными начальниками.

В массовой политической работе и в школах рядом с инструкторами находились советские политкомиссары и другой персонал, состоящий из эмигрантов-коммунистов, который занимался переводом и делопроизводством. Как назначение инструкторов, так и подбор переводчиков и машинисток осуществлялся жесткими иерархическими методами и основывался на указаниях партийных функционеров⁵.

¹ Там же, с. 4.

² Bertoldi. Указ. соч., с. 70.

³ Международная школа для коммунистов-эмигрантов, основанная в 1926 г., имела курсы, параллельные с Коммунистическим университетом Москвы им. Цапаты (КУМЦ). Среди итальянских преподавателей были Аморетти, Берти, Дженнари, Пасторе, а также Тольятти, Лонго и Греко; слушателей-итальянцев насчитывалось около 70.

⁴ Постановление секретариата ИККК от 5 февраля 1943 г. ... указ. соч., л. 3.

⁵ См.: Запрос Бианко Димитрову, 30 июля 1943 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 27, л. 177. Конфиденциально; Запрос Эрколи Мануильскому. 16 октября 1943 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 29, л. 7; Запрос Мануильского Мельникову, 16 окт. 1943 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 29, л. 6. Секретно; Сообщение Белова Мануильскому, 19 окт. 1943 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 29, л. 8. Секретно.

Работа инструкторов и всего персонала находилась под контролем Политического управления по работе с военнопленными и Коминтерна. Массовую политработу в лагерях часто проверяли партийные чиновники, отчеты о проверке они направляли руководителям Коминтерна и упомянутого политуправления. Но Терещенко, напротив, пишет, что не существовало никакого ответственного лица, которое бы «практически» руководило «процессом обучения» или «контролировало работу преподавателей», с того момента, когда «высшие органы власти, партии и армии оказались заняты более серьезными проблемами»¹. Однако существовали также формы непрямого контроля: например, число присоединившихся к антифашистскому движению или подписавших различные призывы могло свидетельствовать в пользу инструкторов, вызывать уважение к ним и повышать их значимость в глазах политуправления.

Работа инструкторов требовала высокой самоотдачи и преданности и была связана с немалым риском. Согласно сообщению Бианко, многие инструкторы заболели в лагерях тифом и некоторые из них умерли². Инструктор Ронкато в отчете о работе в лагере № 160 пишет, что он стал жертвой эпидемии тифа и попал в больницу. «Даже там в минуты, когда мог разговаривать», благодаря русским товарищам он «пытался наладить работу в лагере», но «у умерших и переведенных в другие больницы болезнь разрушила всю работу и из [его] учащихся осталось только два офицера»³.

Жизнь инструкторов была нелегка: в лагерях они страдали от голода, в Москве должны были просить помощи у руководителей Коминтерна, чтобы соединиться с семьями или получать хорошую еду в гостинице «Люкс», а после всего этого им часто не удавалось вернуться на родину. Знаменательна судьба Армандо Кокки, который много раз тщетно просил разрешения уехать в Италию и в августе 1946 г. умер в Москве⁴. Но трудности с возвращением возникали даже у Роботти⁵.

¹ Tereščenko. Указ. соч., с. 142.

² Письмо Бианко итальянским инструкторам..., л. 52.

³ *Rapporto del lavoro compiuto al campo...* указ. соч., с. 84 об.

⁴ Giusti M. T. La propaganda antifascista tra i prigionieri di guerra italiani nell'Urss // *Ricerche di storia politica*, 2000, № 3, с. 358.

⁵ Об этом он пишет в письме к Тольятти от 20 сент. 1946 г. // *Archivio Pci — Singoli* — *Corrispondenza di Palmiro Togliatti*, M/F 115, с. 2185, Fondazione Istituto Gramsci (хотя не сообщает о подобных трудностях в своей автобиографии, см.: *Robotti P. Scelto dalla vita*. Roma: Napoleone, 1980)

Вместе с тем в официальных сообщениях сквозит сильная заинтересованность в этом деле. Так, например, инструктор Матильда «Торре» [«Башня»] писала Бианко 28 января 1943 г.:

Я нахожусь в 188-м лагере, где содержат 9 тыс. итальянцев!!! Из них более 3 тыс. офицеров разных званий. Работа огромная, а я одна посреди бушующего моря. Ручаюсь, что для нашей партии нужно, крайне необходимо, безотлагательно присутствие нашей партии, поэтому, дорогой Бианко, примите срочные меры, и если вы не приедете сами, что было бы желательно, пришлите в помощь как минимум 2–3 политически подготовленных людей. Нужна наша литература на итальянском и французском, итальянская печать и итальянско-русские словари. Дорогой Бианко, по-моему, твое присутствие более чем необходимо и как можно скорее¹.

7. Антифашистские школы

В апреле 1942 г. в лагере в Оранках была создана первая антифашистская политическая школа. Ее задумали как структуру, включавшую инструкторов и четко определенную программу занятий. В январе 1943 г. решили перевести школу в более приспособленный лагерь недалеко от Москвы: выбор пал на лагерь № 27/6 в Красногорске — в то время маленький поселок всего в 10 км от столицы².

24 января в этот лагерь направились инструкторы Санто (Szántó) и Янцен; комендант лагеря, полковник Воронов, был готов поместить антифашистскую школу по соседству с лагерем в домах заброшенного рабочего поселка. Такое решение позволяло изолировать учащихся от лагеря и от внешнего мира. Санто представил доклад Димитрову и попросил дать необходимые указания горкому ВКП(б) Красногорска относительно помощи в организации школы. Кроме того, Санто дал понять, что комендант лагеря Воронов очень заинтересован в этом мероприятии, так как «понимает большое значение такой школы»³. Димитров, в свою очередь, попросил дать соответствующие распоряжения и как можно скорее привлечь к этой работе ответственных лиц красногорского лагеря с тем,

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 27, л. 123 (позднее инструктор заболела тифом).

² Полевая школа № 27-бис в 1945 г. стала школой № 40, более известной как объект 40 (Ministero della Guerra, Ufficio «I», 2a sez., Torino, AUSSME, H8 83. Segreto — допрос Веньеро Аймоне Марсана).

³ Докладная записка Санто к Димитрову от 24 окт. 1943 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 25, л. 33. Секретно.

«чтобы школа начала функционировать с 15 февраля»¹. На самом деле регулярные занятия в Красногорске начались только осенью.

В апреле–мае 1943 г. были созданы антифашистские курсы в лагере № 165 (Талица) в Ивановской области близ городка Южа. Программа этой второй школы — мы называем ее южской — будучи начальной, предвляла программу красногорской. Приказ НКВД гласил:

1. Организовать в лагере № 165 в Юже антифашистские политические курсы для военнопленных. Обеспечить обучение 1000 пленных.

2. Отбор кандидатов для обучения на курсах осуществляется в лагерях и утверждается генерал-майором Петровым, ответственным работником Управления по делам военнопленных.

3. Занятия начнутся 30 мая 1943 г.

4. Штат комендантуры лагеря № 165 увеличить до 19 человек.

5. Рацион питания слушателей антифашистских курсов устанавливается согласно нормам для офицеров².

Южская школа начала работать в августе; занятия проводились на элементарном уровне и длились один месяц. Содержание обучения ограничивалось «самыми существенными сведениями по истории страны Советов, по истории Италии и фашизма»³.

Напротив, в Красногорске углубленно изучались такие дисциплины, как марксистская политэкономика, диалектический материализм, исторический материализм⁴. Курсы, продолжавшиеся не менее 4 месяцев, включали те же темы, которые предлагались студентам высшей школы во всей стране. В сущности, красногорская школа была своего рода лицеем, принимавшим более достойных студентов из «начальной» школы в Юже. Впрочем, решение учредить курсы усовершенствования вытекало из потребности подготовить «квалифицированных пропагандистов», которых тогда, по мнению НКВД, не хватало, и подготовить так, чтобы они могли стать воспитателями и «наилучшим образом распространять правду о фашизме среди широких масс» пленных⁵. В то же время Тере-

¹ Там же.

² Приказ НКВД СССР № 00805 об организации антифашистских политических курсов военнопленных, 28 апреля — 7 мая 1943. Москва. Строго секретно. ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 2, л. 33. Подлинник.

³ *Tereščenko*. Указ. соч., с. 133.

⁴ Согласно свидетельству Джулио Бранкадоро (интервью от 27 ноября 1999 г. в Аквиле), в красногорской школе изучали также историю политических партий и основы атеизма.

⁵ *Tereščenko* Указ. соч., с. 134.

щенко утверждает, что школа должна была «прививать пленным дружественные чувства к СССР»¹.

Школа в Красногорске делилась на четыре сектора — немецкий, венгерский, австрийский и итальянский. В Юже существовал еще румынский сектор². В обоих учреждениях соблюдалась строгая иерархия: директор — и, кроме того, ответственный работник лагеря — был полковником госбезопасности; его основная задача состояла в обеспечении функционирования школы и в контроле над работой руководителей секторов. Последние — распределенные по национальностям — курировали общие проблемы педагогического процесса. Итальянским сектором в Красногорске руководил Терещенко, в Юже — Дмитрий Щевлягин. В Красногорске работали Паоло Роботти, исполнявший также обязанности заведующего учебной частью и Маттео Джованни (он же Иван Регент). Время от времени они беседовали в школе (в основном о положении на фронте) с Луиджи Амадези, Джованни Джерманетто, Джулио Черрети и другими эмигрантами-коммунистами.

Помимо преподавателей в обеих школах работали секретарши и переводчицы, а также временный персонал, который занимался выпуском брошюр и других печатных материалов. В Красногорске был занят 21 сотрудник (преподаватели и другие работники), из них 8 — в немецком секторе, 7 — в итальянском, 4 — в венгерском и 2 — в румынском. В Юже работали 28 человек; из них 15 — в немецком секторе и 3 — в итальянском. Зарплата преподавателей не превышала 1400 руб. в месяц. В табл. 1 перечислены работники итальянских секторов обеих школ и указаны их оклады.

Табл. 1. Антифашистская школа (Красногорск) <...>
Итальянский сектор

№ 106	Маттео Джованни	преподаватель	1300 руб.
№ 107	Терещенко Николай Иванович	преподаватель	1200 руб.
№ 108	Роботти Павел Петрович	преподаватель	1200 руб.
№ 109	Курато Андрей Андреевич	преподаватель	1100 руб.
№ 110	Греч Ева	библиотекарь	900 руб.
№ 111	Рудаш Ева	переводчица	700 руб.
№ 112	Парфенова Мария Филипповна	секретарь	500 руб.

¹ Интервью с Николаем Терещенко от 4 ноября 2000 г. в Москве.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 39, л. 2.

Антифашистские курсы (Южа)

Итальянский сектор¹

№ 131	Щевлягин Дмитрий Петрович	преподаватель	1400 руб.
№ 132	Вера Польш	преподаватель	1400 руб.
№ 133	Фоски Юлий Антонович	преподаватель	1200 руб.

Согласно заявке на материалы и денежные средства для выплаты за-
платы, поданной руководителями школ, общие затраты за шесть меся-
цев составили:

средства на оплату труда преподавателей курсов и школы:
40 преподавателей в среднем по 1500 руб. в месяц за 6 месяцев
14 переводчиц-машинисток по 800 руб. в месяц за 6 месяцев
2 зав. учебной частью по 1500 руб. в месяц за 6 месяцев.
Итого: 519.400 руб.²

Расходы относились на баланс ГУПВИ, а впоследствии на баланс Ин-
ститута 99 (после его образования)³.

В Красногорске в классах было примерно по 25 учащихся — во всяком
случае, не меньше 20-ти и не больше 30-ти. Из лучших учащихся инст-
рукторы подбирали ассистентов.

Питание в Красногорске, пишет Данило Ферретти,

*было таким же, как у пленных солдат. Не имело ни комнаты от-
дыха, ни места для свиданий, хотя кое-кто в Суздале с ехидством
об этом говорил. Жизнь в школе была трудной — не только потому,
что организация учебы требовала от учащихся огромного прилежа-
ния, но и потому, что они не получали никакого дополнительного пай-
ка, как иногда бывало в других лагерях; к тому же приходилось усилен-
но работать⁴.*

Действительно, учащимся школы приходилось работать на железно-
дорожной грузовой станции в 48 км от лагеря, они вынуждены были на
плечах переносить дрова от железной дороги в школу для кухни и отоп-
ления, и, наконец, каждой национальной общине предписывалось уби-

¹ См.: РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 39, л. 4–5.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 26, л. 59.

³ См.: расходы, в частности «Список сотрудников института 99» // РГАСПИ,
ф. 495, оп. 77, д. 39, л. 1–5. Секретно.

⁴ *Ferretti D. La lunga strada di un prigioniero di guerra nell'Urss. С. 97. С неизданными воспоминаниями Данило Ферретти, прошедшего идейный путь от фашиста до коммуниста, автору удалось познакомиться благодаря любезности его вдовы, госпожи Марии Ферретти.*

рать снег и мыть свое помещение. Эти работы служили также для испытания желающих поступить в школу: прежде чем начать собственно обучение, будущие учащиеся должны были пройти через «карантин, т. е. испытания; в течение примерно сорока дней; пленные, организованные в отряды, работали каждый день с 7 до 17 часов и с 19 до 21 часа при самом скудном питании. Тяжелейшая работа в лесу. <...> Тех, кто в течение этого периода жаловался или протестовал, немедленно возвращали в лагерь, откуда они прибыли»¹.

Отобранные таким образом учащиеся приступали к учебе. Учебный курс разделили на три периода, каждый продолжительностью в один месяц:

1-й период: политические события последнего времени, причины войны, ход войны, ее последствия;

2-й период: история Коммунистической партии (большевиков);

3-й период: коммунистический строй и коммунистическое учение; Карл Маркс².

Учащиеся распределялись по трем группам — солдатская группа, смешанная и офицерская. Собственно уроки проходили утром для всех трех групп вместе и обычно продолжались два часа с небольшим перерывом между первым и вторым часом. В конце урока преподаватель отвечал на вопросы учащихся, если они возникали.

Во второй половине дня шли обязательные занятия и семинар, т. е. дискуссии между учащимися на темы предыдущих уроков под руководством преподавателя³. В конце дня преподаватели выставляли оценки письменным заданиям, выполненным учащимися во второй половине дня, и их выступлениям во время дискуссии. Оценки были такие: «похвально», «хорошо», «удовлетворительно» и «посредственно». По окончании каждого периода обучения преподаватель давал общую оценку каждому учащемуся.

Правила предусматривали продление обучения для всех, кто получил общую оценку «посредственно». В действительности никто не получал такую оценку и все приступали к следующему периоду учебы. По окончании курса учащиеся, сдавшие письменные и устные экзамены, направлялись в лагерь, где, находясь в составе рабочих отрядов

¹ Допрос № 1287 капитана Диего Каедду (посещавшего красногорскую школу), 7 ноября 1945, с. 2, DS, 2271/C, AUSSME. Секретно.

² Там же.

³ Ferretti. Указ. соч., с. 97 и далее.

или бригад, они должны были распространять коммунистическое учение, которым овладели в школе. Для этого их дневной рацион увеличился на 25 %.

На самом деле эти люди вели пропагандистскую работу, только когда находились под наблюдением политкомиссара; в отсутствие комиссаров никакой пропагандой они не занимались, и выгода от пребывания в школе сводилась к тому, что после ее окончания они могли не работать и жить в лучших условиях. Как предполагалось, после возвращения на родину учащиеся продолжат пропагандистскую деятельность в той среде, где они окажутся, опираясь на помощь местных секций коммунистической партии¹.

В обеих школах работу преподавателей контролировали политкомиссары и представители коммунистических партий во время их частных инспекционных поездок в лагерь; для итальянцев это были Бианко и Д'Онофрио. Прямой контроль школы в Красногорске осуществляли и работники НКВД, там они часто опрашивали учащихся, то ли чтобы оценить достигнутый ими уровень знаний, то ли чтобы узнать их мнения о других учащихся и о подготовленности инструкторов. Кроме того, обе школы периодически проверяли специальные комиссии, которые после своих инспекций составляли отчеты.

Что касается числа учащихся в этих учреждениях, то 17 марта 1944 г. Берия сообщил Молотову, что из 10.624 военнопленных итальянской армии (в т. ч. 3 генерала, 693 офицера и 9.928 солдат) «150 окончили антифашистскую школу (из них 29 офицеров) и 259 — антифашистские курсы. В целом среди итальянских военнопленных насчитывается 2.700 антифашистов»². В это число входили также те, кто не посещал школу, но был привлечен к политической работе. Эти цифры близки к данным о посещении курсов пленными всех национальностей с конца декабря 1943 г. по начало ноября 1944 г. В этот период состоялось три выпуска на курсах и четыре в школе — всего 2.660 слушателей. Численность выпускников приведена в табл. 2³.

В целом с 1942 г. по сентябрь 1945 г. 395 итальянских военнопленных учились в антифашистских школах⁴. Антифашистские курсы, организо-

¹ Допрос № 1287 капитана Диего Кадедду... указ. соч., с. 3.

² Особая папка Сталина // ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 69, л. 142. Совершенно секретно.

³ Справка о работе антифашистской школы и курсов // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 39, л. 13. Секретно.

⁴ РГВА, ф. 88, оп. 4, д. 2, л. 85 и далее.

ванные в Юже, окончили 548 итальянцев; они были разделены на шесть сессий; 195 человек из них посещали курсы в 1945 г.¹

Табл. 2. Выпускники в Юже и Красногорске, октябрь 1944 г.

национальность	курсы	школа	всего
немцы	827	429	1.256
итальянцы	245	150	395
румыны	226	233	459
венгры	143	96	239
австрийцы	120	70	190
чехи и словаки	–	68	68
поляки	27	26	53
всего	1.588	1.072	2.660

Людам, по окончании курсов привлеченным к антифашистской деятельности, вменялось в обязанность подтвердить выбор, принеся присягу на верность целям антифашистской борьбы. Текст присяги был аналогичен сохранившемуся в архивах Коминтерна тексту для пленных немцев:

Я, сын немецкого народа, клянусь:

Из любви к своему народу, своей родине и к своей семье бороться до тех пор, пока мой народ не будет опять свободен и счастлив, пока не будет смыт позор фашистского варварства и не будет уничтожен гитлеровский фашизм.

Я клянусь в борьбе за это не пожалеть своей жизни и быть верным моему народу до последней капли крови.

Эта клятва связывает меня со всеми антифашистами узами братской верности и преданности в борьбе до полной победы нашего священного дела.

Я клянусь быть беспощадным к тем, кто нарушает эту клятву.

Если же я нарушу эту клятву и тем самым стану изменником народа, родины и семьи моей, то право на жизнь мною потеряно. Мои

¹ Там же, л. 82 и далее. Терещенко говорит о 500–550 итальянцах, посещавших школу в Красногорске в 1943–1945 гг. (*Terešenko*. Указ. соч., с. 142). В документе, составленном 6 сентября 1946 г. «Ufficio autonomo reduci di prigionia di guerra e rimpatriati» для Центральной комиссии по делам ветеранов, приводился список в 77 офицеров (Prot. n. 15800/223, minuta, p. 42, DS 2271/C, AUSSME).

*товарищи по совместной борьбе обязаны тогда уничтожить меня, как изменника и врага народа*¹.

Принести эту присягу согласились не все. Так, один пленный из лагеря № 27 после окончания школы написал Роботти 17 мая 1945 г., что он положительно оценивает изучение материалистических теорий как «полезных, способных еще яснее указать новые пути познания и деятельности на благо человечества», но что он «не мог принести присягу», так как всё еще чувствует себя «связанным узами присяги итальянского офицера». «Я действительно считаю, что, принеся новую клятву, я принес бы ложную клятву и тогда люди не поверили бы мне и не поверили бы новой клятве». И, чтобы успокоить Роботти, добавил: «Это исключительно моя личная точка зрения, и я не сделаю ничего для ее распространения — также и потому, что вполне сохраняю верность тем, кто решил поступить иначе»².

Табл. 3. Учащиеся курсов и школ на 31 декабря 1944 г.³

национальность	курсы	школа	всего
немцы (из них 90 офицеров)	525	190	715
венгры (12 офицеров)	100	78	178
австрийцы (17 офицеров)	110	56	166
итальянцы (28 офицеров)	110	70	180
румыны (офицеров нет)	344	–	344
<i>всего</i>	<i>1.189</i>	<i>394</i>	<i>1.583</i>

8. «L'Alba»

Другим важным инструментом пропаганды служила газета итальянских военнопленных в Советском Союзе, «L'Alba» [«Заря»], которая выходила под лозунгом «За свободную и независимую Италию!»⁴ Ее первый номер был отпечатан 10 февраля 1943 г. в Москве под руководством Риты Монтаньяна, жены Тольятти. С августа 1944 г., после выхода первых четырех номеров, газетой непосредственно руководили Эдоардо Д'Онофрио, а затем Луиджи Амадези (Ловера) и Паоло Роботти. В со-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 20, л. 126. Совершенно секретно.

² Fondo D'Onofrio, busta 3637, Fondazione Istituto Gramsci.

³ См.: РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 39, л. 14

⁴ Для военнопленных также выходили, под редакцией Института 99, журналы «Свободная Германия» (соответственно, для немцев), «Слово правды» (для венгров) и «Свободный голос» (для румын) // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 39, л. 1).

став редколлегии входили Винченцо Бианко, Руджеро Греко (соредактор с итальянской стороны под псевдонимом Гарланди), Ансельмо и Андреа Марабини и Николай Терещенко¹.

Первые номера выходили на четырех страницах малого формата — из-за недостатка бумаги. Начиная с № 5 от 4 апреля 1943 г. формат увеличился, но сохранилась та же раскладка на пять столбцов². Первая страница обычно отводилась сообщениям с фронта; на следующей странице помещались статьи о достижениях советской промышленности и о мобилизации народа. На двух следующих подвергался критике фашистский режим и описывалось тягостное положение итальянского народа. Иногда к статьям социально-политического характера на последней странице добавлялись материалы о литературе, посвященные самым известным писателям социалистического реализма; например, в № 5 почти вся четвертая страница была отведена Максиму Горькому.

Несмотря на хроническую нехватку бумаги, тираж «L'Alba» достигал 5 тыс. и даже 7 тыс. экземпляров — слишком высокая цифра, если учесть число читателей. Так, в Тамбове политкомиссары сетовали по поводу чрезмерного количества полученных экземпляров, которое в 4–5 раз превышало необходимое количество (самое большее 300), в то время как не хватало бумаги на стенгазету.

Первоначально издательской работой занимались исключительно коммунисты-эмигранты, но незначительный интерес, который проявили к этому листку пленные, заставил руководство привлечь их к сотрудничеству, чтобы сделать «Alba» «газетой пленных», а не «для пленных». Это новое направление началось с № 7 от 8 мая 1943 г., когда на третьей странице была помещена статейка *Охотно сотрудничаем*. Под ней стоял список пленных, работавших для газеты и приславших различные материалы — статьи, комментарии, выступления на собраниях и даже анекдоты о фашизме и Муссолини; этой теме посвящалась и редакционная статья.

«L'Alba» приходит достаточно быстро и распространяется регулярно. Помимо сообщений о ходе войны на различных фронтах, в ней

¹ Терещенко сообщает, что члены редколлегии не получали никаких поблажек (*Tereščenko*. Указ. соч., с. 102); однако из бюджета Института 99 следует, что четыре постоянных сотрудника журнала получали гонорар: Джованни Джермането — 1.500 руб., Луиджи Лонго — 900 руб., Елена Лебедева — 800 руб., Мария Росси — 500 руб.; «Список сотрудников...», указ. соч., л. 2.

² Такой формат, согласно редакционному введению «Ai lettori», давал большую возможность пленным сотрудничать с журналом («L'Alba», 4.04.1943, № 5, с. 3).

*теперь публикуются также статьи пленных и письма из лагерей. Из них мы с радостью узнали, что живы товарищи, следы которых мы потеряли в дни отступления или во время пленения*¹.

Сотрудничество пленных стало необходимо, чтобы выйти из тупика, в котором оказалась «Alba» сразу после выхода первых номеров. Терещенко вспоминает, что тупик стал следствием отсутствия материалов из лагерей для военнопленных. У газеты не имелось авторов среди пленных, так же как и среди советских авторов, регулярно предоставлявших бы материалы на советские темы и в особенности на основную тему — «правда о жизни страны Советов»².

Кроме того, военное руководство предупредило Терещенко, что газета должна выходить «в любых условиях, независимо от чего бы то ни было»³. Сотрудничество пленных — которое было результатом штурмовой кампании в лагерях — и участие Тольятти стали решающими факторами для успеха газеты.

Участие пленных начало возрастать с весны 1943 г. и оставалось на том же уровне во второй половине года, когда тем или иным образом в него включились 595 человек; в 1944 г. оно достигло высшей точки (уже 2.049 участников), но в 1945 г., когда началась репатриация, осталось только 592 помощника и подписчика. В первые пять месяцев существования газеты в 1946 г. участие пленных оказалось предельно низким⁴. Вмешательства Тольятти потребовал Мануильский, сообщивший лидеру ИКП, что даже командование советской армии «готово просить итальянскую коммунистическую партию помочь ему вести воспитательную работу среди итальянских военнопленных; в частности, помочь в организации деятельности газеты „L'Alba“»⁵. Тольятти согласился лично возглавить редакцию и назначил Д'Онофрио ответственным секретарем. Внешнеполитический раздел не изменился, но наиболее важные статьи стали печатать курсивом, что вскоре придало газете «верный тон» и превратило ее в «настоящий мост, который связывал жизнь пленных с жизнью итальянского народа»⁶.

¹ *Gambetti*. Указ. соч., с. 218.

² *Tereščenko*. Указ. соч., с. 101.

³ Там же. Соответствующая требовательность Терещенко на посту редактора приводила его часто к столкновениям с Джерманетто, Гриеко и Бианко.

⁴ *Calandri M.* Quali scelte dei prigionieri italiani in Russia // *Le diverse prigionie dei militari italiani...* указ. соч., с. 124.

⁵ *Tereščenko*. Указ. соч., с. 109

⁶ Там же, с. 109 и далее.

12 октября 1943 г., накануне объявления правительством Бадольо войны Германии, 39 офицеров лагеря в Суздале подписали документ, где заявлялось, что «вследствие выхода Италии из войны фашистская коалиция вступила в глубокий кризис и оказалась перед лицом катастрофы, но еще сильнее пытается утопить итальянский народ в море крови». Поэтому «объединенные искренней любовью к Родине, мы, итальянские офицеры, находящиеся в плену в 160-м лагере, решили создать „Группу друзей „Alba““, которая готова подхватить клич, брошенный нашей газетой „Alba“, ибо мы хотим, чтобы Италия действительно стала свободной и независимой»¹.

Цели «Друзей „Alba“» — аналогичные группы возникли также в других лагерях — были сформулированы в четкой программе и предусматривали помимо прочего активное сотрудничество с газетой, «имея в виду [ее] воспитательные и боевые задачи, направленные на разоблачение демагогических выступлений фашистов и их сторонников, на искоренение фашистского менталитета из сознания итальянцев, на то, чтобы избежать ошибок прошлого и восстановить свободу и независимость Италии <...> «Друзья „Alba“» прежде всего взяли на себя задачу привлечь к газете как можно большее число читателей и расширить состав записавшихся в кружок через «убеждение и пропаганду»². За политическими событиями пленные следили с интересом и беспокойством; они становились косвенными интерпретаторами политических решений Москвы относительно выбора Италии в международной политике в связи с военным конфликтом.

Темы, рассматривавшиеся в газете, в общем плане совпадали с темами пропагандистской работы. Положение в Италии и ее действия на войне описывались в мрачных тонах — им были противопоставлены восхищение СССР как социальным раем и победы Красной Армии. Цель заключалась в «дефашизации» пленных посредством «разоблачения» ошибок фашистского режима и дуче, однако, учитывая незначительное впечатление, производимое статьями на эту тему, нужно сказать, что критика фашизма велась в целом осторожно. Вероятно, издателям казалось «непродуктивным заходить в полемику слишком далеко, рискуя вызвать подозрение у множества мелких собственников, служащих, вообще „средних слоев“, которые в антикапиталистической риторике могут смутно различить

¹ Gruppo «Amici dell'Alba», fondo D'Onofrio, busta 3638, allegato 3, Fondazione Istituto Gramsci.

² Там же.

стремительно приближающийся призрак коммунизма»¹. Вполне очевидно, что и в массовой политической работе инструкторам рекомендовали «вести себя осторожно», когда они касались антифашистских тем, чтобы «не оскорблять чувства» пленных². Однако не подлежит сомнению, что, несмотря на благие намерения, газета, в конце концов, скатилась к грубой пропаганде.

Одной из главных тем газеты стало единство действий демократических сил для разгрома фашизма. Единство стало политической линией, которую провозгласил Тольятти в связи с «поворотом в Салерно». В номере от 3 августа 1943 г. было опубликовано послание офицеров 160-го лагеря о событиях 25 июля, где они призывали отложить в сторону политические расхождения и объединиться, чтобы разорвать «Стальной пакт» и выйти из войны. «В Италии уже есть множество людей, настроенных против фашизма за всё то зло, которое он принес, желающих конца войны. Мы их поддерживаем. Объединимся в национальный фронт и положим конец угнетателям!»³

Другой часто поднимаемой темой было очищение от фашизма. Уже в номере 17 от 3 августа появилось сообщение об аресте фашистских иерархов⁴, а в номере 20 от 24 августа опубликована резолюция, принятая 3 августа в 74-м лагере по инициативе антифашистской группы; в ней подчеркивалась необходимость очистить страну от «упорно сопротивляющихся фашистских группировок, главарей и рядовых, которые, находясь еще на свободе и вооруженные, вопреки всем действующим законам», нападают на население, выступающее за новое правительство⁵.

На читателей оказывало сильное воздействие указание на историческую абсурдность союза с немцами и австрийцами, противниками в предыдущей войне, отнявшей у Италии тысячи жизней. А разоблачение зверств, совершенных немцами в оккупированных районах СССР, служило для того, чтобы подчеркнуть различие между немцами и итальянцами, различие, подтвержденное подписанием перемирия, объявлением войны Германии, присоединением к Италии к военным действиям

¹ Mola A. I prigionieri italiani nell'Urss attraverso «L'Alba»: evoluzione dalla «guerra del duce» alla nuova Italia // I prigionieri militari italiani durante la seconda guerra mondiale... указ. соч., с. 59.

² См. Lettera di Bianco al compagno Fiamminghi... указ. соч., с. 122.

³ «L'Alba», n. 17. P. 3. Воззвание подписано 12-ью офицерами 160-го лагеря.

⁴ Там же, с. 3.

⁵ 24 августа 1943 г., № 20, с. 3.

союзников, борьбой партизан. Италия оправдана, и роль предводителя империализма осталась за одной Германией, которому противостоял, согласно «Alba», советский пацифизм.

Вообще, «Alba» затрагивала все важные темы внутренней и внешней политики Италии, но в искаженном виде, особенно речь заходила о политических партиях. Если, например, в конце августа 1943 г. она сообщила, что социалистическая партия выступила против короля и потребовала республиканской конституции, то упоминание о христианских демократах не появлялось в ее столбцах до апреля 1944 г., а Партия действия была представлена как сборище интеллектуалов, оторванных от проблем, волнующих массы. Тольятти, естественно, выступал как новатор — в отличие старых сил, далеких от народных масс. После развернутой вначале критики правительства Бадольо (как авторитарного и как наследника фашизма), уже в номере от 19 октября 1943 г., в соответствии с поворотом Тольятти, отразилось признание этого правительства. Вопрос о государственном устройстве, вслед за «поворотом к участию», обнародованным Тольятти, также обсуждался в более четких выражениях: вместо того чтобы останавливаться на альтернативе между монархией и республикой — вопросе, осложненном различной позицией союзников: англичане были настроены в пользу монархии, американцы в пользу республики, — «Alba» отстаивала идею полного сотрудничества с королем ради освобождения итальянской земли и национальной реконструкции.

Эти два аспекта часто рассматривались вместе с вопросом о присутствии англичан и американцев и об успехах союзной армии на западном фронте. «Alba» стремилась приуменьшить вклад союзников, особенно Соединенных Штатов, в борьбу с немцами и «республиканчиками»¹, превознося успехи партизан. Достаточно сказать, что в номере от 10 июня 1944 г. сообщение о высадке в Нормандии занимало три строчки на двух столбцах, где много места было отведено более скромным операциям, проведенным в то время Красной Армией.

«Alba» продолжала вести свои политические кампании и после войны: на рубеже 1945–1946 гг. газета усеивала требованиями к итальянскому правительству о возмещении ущерба, нанесенного войной Советскому Союзу; неоднократно повторялись обвинения в возврате к фашизму, который якобы осуществляют «provocatori кризиса», с явным намеком на правительство Де Гаспери. Несомненно, что позиция «Alba», в конце

¹ Странники фашистской «республики» Сало в северной Италии. — *Прим. пер.*

концов, обострила противостояние между пленными, присоединившись к антифашистскому движению, и теми, кто остался далек от него.

«Альба» никогда не затрагивала страшные испытания, которые ее читатели-пленные пережили с момента взятия в плен и во время пребывания в лагерях. Даже лагеря лицемерно изображались идилическими местами, а жизнь заключенных искажалась до предела. Дезинформация, обращенная к читателям, способным лично оценить размах умолчаний и лжи, вызвала у многих пленным отвращение или безразличие к «Альба»: газету они стали считать полезной только для самокритки.

9. Вопрос участия пленных итальянцев в войне против Германии

Союзники не раз рассматривали возможность вовлечения пленных в совместные действия в войне — несмотря на то, что Женевская конвенция это запрещала. Уже в 1941 г., когда силы стран «оси» превосходили силы союзников, англичане разработали план использования пленных в частях, сражающихся против немцев. Позднее участие в войне США изменило соотношение сил в пользу союзников, и от плана отказались. Пленные, находившиеся у союзников и перемещенные в разные части мира, использовались на сельскохозяйственных и других физических работах.

Вопрос использования пленных итальянцев против немцев рассматривали и советские руководители. К тому же желание воевать выражали и сами пленные, многие из которых подписали обращение к советскому правительству с просьбой разрешить взяться за оружие против немцев. Этот вопрос поднимался на собраниях еще до 8 сентября и до объявления правительством Бадольо войны Германии, т. е. когда речь шла даже о сражениях с самой итальянской армией.

В мае 1943 г. в связи с совещанием в Тамбове несколько пленных заявили, что убеждены в необходимости вмешаться, чтобы «помочь итальянскому народу <...>, находящемуся под гнетом фашизма <...> и итало-германских империалистов». Солдат горно-стрелкового корпуса поддержал заявление: «Наше самое искреннее желание — вступить с оружием в руках против итало-германской фашистской армии, для быстрейшего разгрома лютого врага»¹. Другой военнопленный сказал:

Фашизму наступают конец. Но без сильного толчка изнутри и извне бесполезно ожидать конца. Долг всех итальянских военнопленных — помочь своими скромными силами усилить удар и ускорять его. Мы

¹ Отчет о работе среди военнопленных... указ. соч., с. 148.

должны помочь Красной Армии и ее союзникам, а также нашему народу быстрее уничтожить фашизм¹.

Помощь Красной Армии могла стать реальной только посредством формирования итальянского контингента, который будет сражаться рядом с советскими войсками.

Мы должны организовать итальянский легион из военнопленных итальянцев и на советско-германском фронте или прямо в Италии воевать против лютого врага, который угнетает большую часть Европы и свой собственный народ².

В подобных выступлениях ясно чувствуется отпечаток советской пропаганды, и поэтому трудно оценить, насколько они были стихийны и насколько такое настроение существовало на самом деле.

После 8 сентября петиции направлялись уже командованию Красной Армии. В сентябре 1943 г. офицеры из лагеря № 74 подписали просьбу о создании «Гарибальдийского легиона»³; с таким же призывом обратились офицеры 160-го лагеря, воодушевленные сообщением о формировании румынской дивизии, чехословацкого и югославского легионов, а также польских частей⁴.

В докладе о положении в лагере № 58, направленном к Тольятти 20 сентября Д'Онофрио утверждал, что среди пленных

сообщение об оккупации немцами итальянских городов и областей поразило и воспринято болезненно. Каждый подумал о варварстве и жестокости немцев. Реакция на политической почве хорошая. По сообщению Буцци, 80 % можно было бы мобилизовать и вернуть в Италию для борьбы против немцев. 50 % можно мобилизовать для сражений с немцами вместе с Красной Армией на русско-германском фронте⁵.

Следующим стимулом для обращений стремящихся сражаться было объявление правительством Бадольо войны Германии. На собрании, состоявшемся 17 октября 1943 г. в лагере № 165, Робботи заявил:

¹ Там же, с. 149.

² Там же, с. 150.

³ См.: Cronistoria del movimento antifascista degli ufficiali italiani prigionieri... указ. соч., с. 36. О просьбе итальянских военнопленных офицеров сражаться против немцев писал Д'Онофрио; см.: «L'Unità», 12 дек. 1954г.

⁴ См.: Cronistoria del movimento antifascista degli ufficiali italiani prigionieri... указ. соч., с. 36 и далее.

⁵ D'Onofrio. Указ. соч., с. 180.

Вы все просили о призыве на военную службу. Эту просьбу к советскому правительству мы повторим сегодня. Так будет образована Гарибальдийская воинская часть для боев с немцами, где бы то ни было. Когда итальянский народ узнает, что все его сыны, находящиеся вдали от родины, сражаются за те же цели, это еще больше вдохновит его на борьбу¹.

7 марта 1944 г. Берия, докладывая Молотову о количестве пленных итальянцев, находящихся в СССР на этот день, сообщил, что «поступило 132 обращения, коллективных и индивидуальных, с просьбой разрешить сражаться против немецкой армии»².

Идея создать воинские части, которые будут вести бои рядом с советскими войсками, оформилась 20 марта 1944 г. в Суздале на собрании, названном Паоло Роботти.

По свидетельству возвратившихся пленных Басси и Мартелли, на собрании было предложено сформировать легион в составе Красной Армии подобно хорватскому, румынскому и венгерскому. Офицеры заявили, что примут предложение служить только при условии, что будут сражаться в итальянской дивизии как солдаты короля Италии за границей. Как рассказывают очевидцы, в этот момент собрание взорвалось, раздались крики «Viva l'Italia!», «Viva il re!» [Да здравствует Италия! Да здравствует король!] и все запели гимн Риму. Роботти не препятствовал, но покинул зал, предупредив пленных, что если они будут так себя вести, то никогда не вернуться в Италию³.

После собрания были составлены две телеграммы — Сталину и Бадоло. В первой, подписанной генералом Баттисти и старшими офицерами, говорилось:

Маршалу Сталину.

Итальянские офицеры военнопленные в СССР выражают Вам свою признательность за согласие, данное Вами на предложение итальянского правительства установить непосредственные отношения с Советским правительством. Мы выражаем надежду, что этот акт будет началом нового периода взаимного понимания плодотворного сотрудничества между обеими нациями, а также предпосылкой к активному участию военнопленных в войне за освобождение своей

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21а, л. 106.

² Особая папка Сталина // ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 69, л. 142. Совершенно секретно.

³ Интервью с Джузеппе Басси и Гвидо Мартелли, 12.04.2001, Сан-Ладзаро-ди-Савена.

*родины и за полную победу всех народов, которые борются против гитлеризма за свободу и независимость*¹.

Телеграмма, направленная Бадольо и составленная в аналогичных выражениях, была подписана всеми офицерами из 490 пленных, находившихся в лагере².

В обеих телеграммах говорилось об «активном участии» в военных действиях, но не уточнялось, под чьим командованием и на каких условиях. Как бы то ни было, офицеры из 160-го лагеря оставались непреклонными, заявив, что под советским командованием они воевать не будут.

Иной была позиция младших офицеров:

*Мы искренне страдали, потому что наше положение не позволяло нам немедленно и на деле объединиться с нашим народом против немецких захватчиков. Именно такое было у нас состояние души, когда возник проект создать из итальянских военнопленных в СССР «Гарибальдийский легион». Его поддержали почти все младшие офицеры. Почему он не был осуществлен на практике? Для меня невозможно точно это установить. И все-таки могу сказать определенно, что это произошло не из-за слабоволия младших итальянских офицеров: большинство их всегда стремилось присоединиться к партизанам и к восставшей итальянской армии*³.

В солдатских лагерях не существовало никаких проблем, связанных с формой участия: пленные заявили, что готовы сражаться и под непосредственным командованием Красной Армии в частях, которые Д'Онофрио представлял им как гарибальдийские.

Одно из объяснений проблемы в целом дал Роботти.

Среди инициатив, которые итальянские солдаты и офицеры изобретали в лагерях для военнопленных, было и предложение сформировать бригаду Гарибальди, состоящую из находящихся в СССР пленных военнослужащих, чтобы отправиться сражаться с немцами. Инициатива, нужно признать, сразу же была одобрена большей частью пленных, в том числе офицерами, но вдруг оказалась малопригодной для высших офицеров, так как им пришлось бы соперничать за командные должности. Вследствие этого по причинам, связанным с общей политической ситуацией и, прежде всего, с отношениями между тремя

¹ Особая папка Сталина... 20.3.1944, л. 237. Совершенно секретно (текст телеграммы — на русском).

² Там же, л. 238.

³ Ferretti. Указ. соч., с. 93.

*великими союзниками, воевавшими с Германией, инициатива не могла быть поддержана советскими властями, которые, однако, никогда против нее не выступали*¹.

На самом деле решение привлечь или не привлекать итальянских плен-ных к участию в военных действиях зависело исключительно от Сталина.

Вначале советские власти считали своевременным воспользоваться итальянскими пленными в борьбе с Германией; Управление по политической работе с военнопленными дало распоряжения, где инструкторам и политкомиссарам предписывалось побуждать пленных всех национальностей присоединиться к этой инициативе. Уже весной или летом 1943 г. во время нескольких встреч в Кремле Тольятти обсуждал со Сталиным возможность сформировать «итальянский контингент, частью которого стали бы коммунисты и антифашисты, набранные из военнопленных»².

«Этот контингент, — пишет Нина Боченина, — мог бы сражаться против немцев рядом с Красной Армией, а в будущем мог бы стать началом революционной антифашистской армии в Италии. Не знаю, по каким мотивам, но Эрколи не принял этого предложения»³.

Проект, обсуждавшийся в Кремле, предусматривал набор «надежных» пленных, т. е. явных коммунистов и антифашистов, а, значит, квота должна быть ниже 50 %, которые, согласно докладу, поступившему от Д'Онофрио к Тольятти, предлагал Буцци. Получив доклад Д'Онофрио, Тольятти 23 сентября 1943 г. написал Щербакову:

Из разных лагерей военнопленных итальянцев поступают сведения, что среди военнопленных развивается движение за создание в СССР воинских итальянских частей, чтобы сражаться против немцев. Например, в офицерском лагере № 74 все офицеры единодушно голосовали за петицию к Советскому правительству с просьбой разрешить им сражаться против немцев. Аналогичное заявление поступило из солдатских лагерей № 58 и 188.

Нам известно (соответствующие документы находятся у тов. Мельникова), что три генерала (Баттисти, Риканьо и Пасколини) также просили разрешения участвовать в войне против Германии.

Прошу Вас дать нам указание по этому вопросу, а также просить т. Берия о разрешении мне выехать к итальянским генералам для

¹ *Robotti. Appunti per il compagno Fidia Gambetti...* Указ. соч., с. 5.

² *Вошенина.* Указ. соч., с. 37.

³ Там же.

переговоров с ними по вышеуказанному вопросу в соответствии с той линией, которая будет установлена.

По указанию т. Мануильского и т. Димитрова письмо задержано, о чем поставлен в известность т. Эрколи.

26.IX.43 [подпись неразборчива]¹.

Однако Сталин уже, должно быть, принял решение не использовать итальянских пленных, о чем говорит и тот факт, что письмо Тольятти не дошло до Щербакова.

Тем не менее, пленные других национальностей всё же приняли участие в войне с Германией. 13 мая 1944 г. Мануильский в письме генералу А. В. Хрулеву, начальнику тыла Красной Армии, просил обеспечить обмундированием 300 военнопленных, которые вскоре должны были отправиться на фронт на Украину².

В марте–апреле 1945 г. румынские пленные из разных лагерей просили Сталина разрешить им участвовать в войне против немцев³. Их просьбу услышали: 4 мая Сталину доложили о намечающемся вскоре формировании из румынских военнопленных двух пехотных дивизий в составе 10.321 человек⁴.

В то же время сражаться против нацистского режима просили Сталина и пленные австрийцы, обещая создать «из военнопленных австрийцев воинскую часть антифашистской направленности»⁵. В тот момент войны это предложение имело лишь символический смысл: оно означало примирение с Советским Союзом. Однако Сталин не ответил ни на австрийскую просьбу, ни на аналогичную просьбу немцев, переданную через Национальный комитет «Свободная Германия».

Сейчас мы не располагаем документами, позволяющими объяснить мотивы, по которым советское руководство отказалось привлечь в качестве союзников итальянских, немецких и австрийских военнопленных. Но несомненно, что недоверие к бывшему противнику, пусть и раскаявшемуся, играло определяющую роль: не существовало никакой гарантии того, что, оказавшись на фронте, бывшие пленные не дезертируют или не

¹ Письмо Эрколи к Щербакову // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 30, л. 29. Оригинал. Секретно.

² Письмо Мануильского генералу армии Хрулеву А. В. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 39, л. 39. Секретно.

³ См.: Особая папка Сталина и Молотова // ф. 9401, оп. 2, д. 94, л. 127–131, 225–233, 260–262; д. 95, л. 76–79.

⁴ Там же, д. 95, л. 346, 389–391.

⁵ Сообщения Сталину от 28 марта и 12 апреля 1945 г., там же., л. 10–14.

повернут оружие против Красной Армии. Кроме того, трудно было убедить советских военных сражаться бок о бок с людьми, которые совсем недавно считались смертельными врагами СССР.

Нужно уточнить, что запрет на привлечение в действующую армию итальянцев распространялся только на пленных, находившихся в советских лагерях, т. е. на пленных из CSIR и ARMIR или на интернированных немцами и позже перевезенных в СССР. Бывшие пленные у немцев, напротив, зачислялись в Красную Армию. «17 января 1945г. в Ченстохове русское командование укомплектовало 2-ю роту 65-го саперного батальона — части, входившей в Красную Армию, — целым рядом итальянцев, находившихся в плену у немцев»¹. Рота приняла участие в операциях в центральном секторе Первого украинского фронта, в занятии нескольких маленьких городков и Дрездена, а 27 июня 1945 г. была демобилизована по приказу русского командования².

10. Результаты политической работы

Исключительно трудно оценить результаты пропаганды, и еще труднее это сделать, когда речь идет о длительном воздействии не на общественное мнение, а на довольно узкую группу немощных людей, о воздействии, которое к тому же долгое время осуществляется втайне.

При оценке пропагандистской работы среди пленных нужно различать краткосрочные и долгосрочные результаты, т. е., с одной стороны, итоги массовой политической работы и посещаемость курсов, а с другой, эффект политического опыта, приобретенного в заключении, оказываемый на поведение после возвращения на родину. Чтобы оценить ближайшие результаты, мы можем опереться на отчеты о пропагандистской работе в лагерях и в школах, даже если учесть, что это неполные источники. Например, в отчетах инструкторов обычно подчеркивается положительное влияние их работы на политический рост пленных, ведь у инструкторов появляется надежда получить особую благодарность НКВД; в отчетах членов узкого актива обычно также указываются недостатки политической работы; но наиболее суровы отчеты советских политкомиссаров.

¹ Rapporto sul servizio prestato dal Maresciallo ord. Marcone Giuseppe, Genova, 6 febbraio 1946, DS 2271/C, AUSSME. См. также *Orlando S. Italiani in Russia*. Roma: Stato maggiore dell'Esercito, Ufficio Storico, 1996 (оттиск из «Studi storico-militari»).

² Там же. О формировании в Верхней Шлезии двух батальонов из бывших немецких и итальянских военнопленных см. также: Rapporto richiesto dal Comando militare di Belluno. 12 maggio 1952. DS 2271/C, AUSSME.

В одном отчете, подготовленном инструкторами в мае 1943 г., благоприятно оценивается массовая политическая работа среди итальянцев в лагере № 188. Из документа следует, что моральное состояние пленных улучшилось и что

благодаря широкой массово-политической и разъяснительной работы и улучшении жизненных условий в лагере увеличился интерес военнопленных к политическим вопросам, к ходу войны, увеличиваются вопросы о Советском Союзе. Качество и количество выступавших в прениях и спорах на собраниях и в бараках поднялось¹.

В отчетах об антифашистских курсах в андижанском лагере № 26 с января по сентябрь 1944 г. также указывается на положительные результаты, с удовлетворением отмечается прогресс в привлечении к антифашизму, что ощущается в разговорах с инструкторами и в выступлениях на собраниях².

Очень важный результат работы в лагерях связан с грамотностью пленных, особенно солдат. В итальянской армии, в частности среди солдат южного происхождения и из крестьян, еще широко была распространена неграмотность. «Вначале, — указывается в отчете о политической работе в лагере № 26, — некоторые были совсем неграмотными, теперь им удается кое-как читать „Alba“, они свободно пишут свой адрес и решают простые арифметические задачи»³. В итоге многим в плену представился случай получить начальное образование: попытки читать и писать и участие в собраниях, где было можно говорить публично, несомненно способствовали культурному росту военнопленных, а также их способности критиковать⁴.

В противоположность такой позитивной картине в отчете активистов о пропагандистской работе в лагере № 160 говорилось о том, что в общем и целом офицеры проявляют своего рода политический «абсентеизм», причем «крайне опасный, так как, отвернувшись от происходящих событий, они рискуют автоматически примкнуть к оппозиции»⁵. По мнению активистов, результаты пропагандистской работы в суссальском лагере,

¹ Отчет о работе среди военнопленных... Указ. соч., с. 151.

² РГВА, ф. 4/4, оп. 4, д. 4.

³ Там же.

⁴ Данило Ферретти рассказывает о юноше, уроженце Валь-д'Аоста, который, прибыв в Россию полуграмотным, стал впоследствии писать статьи для стенгазеты (*Ferretti*. Указ. соч., с. 99). Школы по ликвидации неграмотности существовали во всех лагерях; см. также: *Ossola*. Указ. соч.

⁵ См.: *Cronistoria del movimento antifascista*... указ. соч., с. 60.

а также в Оранках не вполне соответствовали ожиданиям. Нужно было признать, что, «несмотря на все усилия, направленные на политическую работу», среди офицеров еще существуют три группы, различающиеся отношением к антифашистскому движению: в первую группу входят антифашисты разных политических направлений, «готовые к борьбе за искоренение всех остатков фашизма и к работе по разъяснению проблем демократии». Наряду с ней есть «узкая, но активная группа, состоящая из открыто антидемократических и, следовательно, антинациональных элементов; в отношении этой группы, противостоящей ведущейся в лагере пропаганде, движение не дало желаемых результатов. Помимо этих двух групп, необходимо выделить третью, объединявшую значительное число офицеров с выжидательной позицией; они были сторонними наблюдателями борьбы, которую каждодневно вели две вышеупомянутые группы»¹.

Внутри этой последней группы — самой большой по численности — антифашистской актив выделил несколько подгрупп: люди, в личных беседах признававшие правоту антифашистского движения, но не способные сделать это публично; «полностью дезориентированные элементы», не вполне освободившиеся от «фашистской риторики»; отсталые элементы, не способные к «правильной» интерпретации событий, и, наконец, элементы, «которые по своему положению в армии могли бы что-то сделать для демократии, но предпочитают не делать ничего или почти ничего, косвенно способствуя тем самым дезориентации других людей, особенно самых молодых, которые ждали от них конкретных советов и указаний»². Таким образом, антифашистская пропаганда среди пленных офицеров имела лишь частичный успех.

Оценка узкого актива в 160-м лагере на самом деле была очень суровой; в ней не упоминались многочисленные подлинные «обращения», имевших место среди военнослужащих-фашистов и бойцов милиции, которые превратились в искренних и активных антифашистов. Показательный случай произошел с Данило Ферретти, воевавшим как легионер в Испании и как командир манипулы 6-го батальона чернорубашечников «Монтелелло». В плену, на лекциях инструкторов и в беседах с ними, но также и по естественной склонности к «социальной справедливости» Ферретти отыскал «принципиальные причины своего отхода от фашизма». В этом случае поворот к антифашизму был постепен-

¹ Там же, с. 3 и далее.

² Там же.

ным, взвешенным и сознательным: «Большое значение имел тот факт, что победа коммунистических идей достигалась не как *coup de foudre*¹, но как кульминационный момент последовательного критического расщепления всех элементов, составлявших фашизм»². Многим пленным довелось узнать мир, до тех пор им неизвестный — прежде всего благодаря работе эмигрантов-коммунистов, которые представляли собой «живую оппозицию фашизму». По поводу них Ферретти писал, что как раз в тот момент, когда он начал сомневаться в благе фашизма, он познакомился с политэмигрантами.

*Фьямменги, Д'Онофрио, Готтарди, Роботти, Ди Джованни, Курато, Джерманетто: незнакомая Италия вышла мне навстречу, заговорил со мной на языке, который я, возможно, плохо понимал, но чувствовал, что основа его — правда, что этот язык совсем не тот, что я слышал до сих пор, но в нем мне открылась конкретность, человечность, подлинно итальянский дух. Это были первые бойцы-антифашисты, которых я узнал*³.

Переход к антифашизму был труден, так как ставил под вопрос всё политическое прошлое, которому человек всецело принадлежал до какого-то определенного момента. К концу октября 1944 г. Ферретти пришел в антифашистскую школу вместе с пятнадцатью офицерами из 160-го лагеря⁴.

Результаты политической работы в двух антифашистских школах отражают в сжатом виде все усилия, предпринятые Главным политуправлением по работе с пленными.

Во время инспекционной поездки в школу в Юже в октябре 1944 г. проверяющие сочли результаты работы курсов положительными, особенно работу, развернутую среди крестьян и рабочих. Среди ряда недостатков отмечены определенный разрыв между теорией и реальностью (по мнению инспекторов, учащимся не была достаточно разъяснена роль партии и профсоюзов в процессе демократизации) и недостаточное количество часов, посвященных изучению политико-экономических проблем

¹ «удар молнии» (*фр.*).

² *Ferretti*. Указ. соч., с. 85.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 96. В Красногорске Ферретти был ассистентом, а вернувшись в Италию, преподавал в болонской школе компартии им. Ансельмо Марабини. Среди учителей школы был и другой ветеран восточной кампании, Винченцо Вителло (свидетельство Эцио Антониони, вице-президента областного института Сопровствления, Болонья, 13.06.2001 г.).

родных стран военнопленных. Обнаружилась также недостаточная подготовленность преподавателей в области политической теории и их общая некомпетентность в темах военно-политического характера. Для улучшения подготовки преподавателей было рекомендовано прислать им информационные материалы и организовать курсы повышения квалификации¹.

По сравнению с позитивной картиной школы в Юже анализ результатов красногорской школы, относящийся к маю 1944 г., выглядел гораздо хуже. Комиссия пришла к выводу, что основная часть пленных «осталась фашистской: они осуждают только некоторые решения режима, но считают фашистскую систему в целом положительной»². Многие учащиеся, особенно офицеры, «открыто утверждали, что никогда не собирались и не собираются теперь становиться материалистами, что в лагерях речь шла об антифашистском, а не материалистическом образовании» и что они не расположены воспитываться в духе марксизма-ленинизма³.

Существовала также значительная группа более реакционных элементов, решивших «приспособиться к обстановке», «внешне принять ее, просидеть в школе, в улучшенных, в сравнение с лагерями, условиях несколько месяцев, а к тому времени закончится война, поедем домой, и нам будем лишь весело вспоминать школу»⁴.

В целом складывалась трудная ситуация: среди офицеров находились люди, настроенные решительно критически, стоящие на выжидательной позиции и мало или совершенно не мотивированные. Всё это вызывало «явный скептицизм» по отношению к занятиям, содержание которых не «затрагивало» многих офицеров и даже солдат, «не вызывало желания размышлять» над ними или «по крайней мере анализировать их проблематику»⁵. Вследствие этого «на лекциях и занятиях нередко ставились вопросы, выражавшие явные фашистские настроения. <...> Еще бо-

¹ Доклад о поездке... Указ. соч., л. 23.

² См.: Докладная записка. Об основных политических итогах обучения 4-го набора слушателей антифашистской политшколы при лагере № 27/Б НКВД СССР. РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 40, л. 39. л. 2 и далее. Сов. секретно. Таковым было и мнение младшего лейтенанта Веньеро Аймоне Марсан, который из любопытства ходил в течение месяца на занятия, но потом, будучи католиком, от них отказался из-за материалистической направленности (личное свидетельство 10 марта 2000 г. в Риме, подтвержденное Николаем Терещенко, указ. соч.).

³ Там же.

⁴ Там же, л. 4.

⁵ Там же.

лее развязано вели себя реакционные элементы в общежитии, где они открыто иронизировали над школой и преподавателями, над марксизмом и марксистской терминологией и даже издевались над отдельными слушателями, занявшись глубоким изучением материализма»¹.

Дабы улучшить климат обучения, в конце декабря 1943 г. были исключены некоторые элементы, «особенно разлагающе влиявшие на слушателей», и среди них четверо итальянских офицеров. Восстановление и укрепление дисциплины привело к тому, что к концу января 1944 г. произошла настоящая «морально-политическая перемена в душах и мышлении учащихся». Среди решающих факторов инспекционная комиссия отметила, прежде всего, само содержание марксистского учения; благоприятное развитие операций на советско-германском фронте и, что не менее важно, воспитательную работу инструкторов, «терпеливую и методичную». В сущности, обнаружилось, что

к концу учебы абсолютное большинство слушателей пришли с огромными внутренними сдвигами, с чрезвычайно большим идейным и политическим моральным прогрессом. Можно без преувеличения утверждать, что как антифашисты, все слушатели прогрессировали. <...> Можно не сомневаться, что значительная группа слушателей по прибытии на родину примкнул к коммунистическому движению. Значительное количество слушателей восприняли марксизм по-боевому, полны решимости бороться против фашизма с оружием в руках².

Оценка учащихся основывалась на письменной проверке полученных знаний и на заседаниях по самооценке: учащиеся в присутствии других пленных рассказывали о своем военном и политическом прошлом, описывали морально-политическое преобразование, пережитое во время обучения в антифашистских школах. Однако, по мнению инспекторов, существовали еще элементы, которые, будучи по сути враждебны фашизму, «казались не определившимися и ненадежными попутчиками в антифашистском движении»; отмечалось их участие в «мощных проявлениях фашистской идеологии», поэтому они едва ли смогут поддержать «решительные демократические преобразования в своих странах». У инспекторов сложилось убеждение, что причиной этого был поверхностный отбор кандидатов и тот факт, что в системе НКВД антифашистским школам, вероятно, не уделяли того внимания, которого они заслуживали. Однако в целом «общие результаты

¹ Там же, л. 5.

² Там же, л. 8.

подготовки антифашистов» должны рассматриваться «как более чем удовлетворительные»¹.

Одним из крупнейших успехов, отмеченных в красногорской школе, стала поступившая от пленных просьба о вступлении в ИКП: об этом попросили, по крайней мере, пять офицеров из 29-ти указанных Оссолой в качестве наиболее прилежных учащихся.

Оценив достигнутый учащимися уровень знаний и качество их подготовки, инструкторы и политкомиссары решали вопрос об их использовании.

В одном докладе, посвященном пленным, окончившим курс первой антифашистской школы, предлагалось использовать выпускников для массовой политической работы среди пленных-соотечественников и направлять их активность². Особое внимание уделялось тем, кто «не в состоянии работать самостоятельно и поэтому нуждается в соответствующей помощи. Речь идет о крестьянах и сельскохозяйственных рабочих, деятельность которых после возвращения на родину в их социальной среде может приобрести особенное значение. Не оставалась без внимания и роль рабочих: на них по возвращении на родину «возлагались задачи исполнительного характера, направленные на получение информации и установление контактов или на что-то другое»³, т. е. возлагалось проведение шпионской работы. Сотрудничать с СССР после репатриации требовали от многих пленных, но сейчас — поскольку документы об армейских кадрах всё еще засекречены — трудно установить, кто принял предложение советских работников и после этого активно работал агентом или развил другие формы работы на Советский Союз.

Вспоминая о красногорской школе, Терещенко с удовлетворением пишет о том, что многие его бывшие ученики заняли в Италии «видные должности в различных общественных организациях, демократических институтах, учебных заведениях»⁴.

В докладах, которые Роботти продолжал посылать советским политическим комиссарам после возвращения на родину, изображается до-

¹ Там же, л. 9

² См.: Доклад Воробьёва, Ульбрихта, Санто о работе выпускной и приемочной комиссии и использовании окончивших 1-ую школу антифашистских военнопленных // РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 49, л. 24. Секретно.

³ Там же, л. 25.

⁴ Терещенко. Указ. соч., с. 178.

вольно позитивная картина результатов пропаганды среди пленных. В письме, посланном 7 мая 1947 г. Щевлягину, он писал:

Во всех местностях, которые изъездил по Италии, я нашел наших бывших учеников. Все занимают первостепенные должности. Многие — члены исполнительных комитетов крупных ячеек, секций и даже федераций (как, например, G.). S. руководил общенациональной забастовкой страховщиков, он — один из руководителей национальной организации людей этой профессии. Ваш ученик D. — секретарь секции, где 1200 членов. До того, как приехать в Россию, в своей стране он был ризничим! Отступились только M. и P. — они ничего не делают.

В общем, проделанная работа действительно полезна и будет еще более полезна в будущем¹.

Многие пленные, которые в СССР занялись пропагандистской деятельностью, записались в федерации коммунистической партии и стали выполнять важные функции; Луиджи Сандирокко из Палаты труда в Авеццано (провинция Аквила), к примеру, стал депутатом парламента от коммунистической партии.

Чтобы подготовить процесс по обвинению в клевете, который задумал организовать Д'Онофрио против нескольких офицеров UNIRR, которые, вернувшись из русского плена, обвинили его в дурном обращении с военнопленными путем проведения «изнурительных допросов» — он встретился со многими доверявшими ему ветеранами, способными дать показания в его пользу. Вот что говорилось в пропагандистской листовке, выпущенной накануне выборов в апреле 1948 г. и в связи с процессом, от имени 27 вернувшихся из СССР офицеров и солдат:

Мы, нижеподписавшиеся бывшие военнопленные в СССР, заявляем, что эмигрант-антифашист Эдоардо Д'Онофрио во время нашего пребывания в плену не щадил себя, чтобы тем или иным способом помогать нам материально и морально. Его работа всегда была проникнута глубокой человеческой и патриотической солидарностью. В своих лекциях, записках, личных беседах он рассказывал нам о событиях и о вкладе Италии в борьбу за освобождение народов от фашистской и нацистской тирании. Мы также удостоверяем, что благодаря работе Д'Онофрио мы смогли понять задачи восстановления и демократического развития нашей страны, которые стоят перед гражданами новой Италии².

¹ Письмо на итальянском от Роботти к Щевлягину от 7 мая 1947 // РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 373, л. 43. См. также: *Robotti*. Указ. соч., с. 314.

² *Contro le calunnie e le falsità*, Fondo D'Onofrio, busta 3639, fascicolo 22.

Как легко убедиться, политическая работа в лагерях принесла свои плоды. Об этом свидетельствуют и многочисленные послания с выражением солидарности с Д'Онофрио во время процесса: ветераны утверждали, что «работа, развернутая итальянскими политическими эмигрантами и, в частности, уважаемым Д'Онофрио, среди итальянских военнопленных в советских лагерях, была в высшей степени гуманной, проникнутой национальным итальянским духом и патриотизмом»¹. Солдат 90-го пехотного полка дивизии «Коссерия» заявил, что никто никогда не привлекался к принудительному труду, потому что никогда не было таких предписаний: «Верно, мы находились в заключении <...>; верно, нам объясняли происходившие в то время события и вели антифашистскую пропаганду. Как итальянец, как солдат, а теперь как гражданин нашей Италии, я должен сказать, что их слова нас просвещали»².

Во всех проявлениях солидарности в адрес Д'Онофрио выражалась «глубокая признательность» как за «человеколюбивый труд на благо пленных итальянских солдат, так и за «перевоспитание», полученное посредством слов и советов этого человека и других эмигрантов — членов ИКП. Имена людей, вернувшихся из русского плена, которые в публичной или частной форме выразили солидарность с Д'Онофрио, совпали с именами лиц, вызванных на процесс. Среди бумаг Д'Онофрио есть список, включающий 41 бывшего военнопленного: их пригласили на процесс в качестве свидетелей защиты. Рядом с каждым именем указывался адрес, который в большинстве случаев совпадал с адресом федерации ИКП, куда были приписаны эти люди.

Оценивая результаты пропагандистской работы с пленными, нельзя забывать, что она являлась, естественно, лишь одним из элементов, определивших политическую эволюцию отдельных лиц. Среди них были такие, что являлись антифашистами еще до поступления на курсы или в школу и после возвращения в Италию примкнули к коммунистическому движению; были и такие, что, как писал Роботти Шевлягину, вернувшись домой, «отступились». Кто-то поддерживал ИКП тайно и работал для партии, официально оставаясь в антикоммунистическом лагере.

Впрочем, добровольная и усердная работа многих в пользу антифашизма не означала на самом деле рабского следования советской пропаганде (являясь иногда своего рода промывкой мозгов) и в конечном счете

¹ Свидетельство старшего майора Г. Б. // Fondo D'Onofrio, busta 3639, fascicolo 22, Fondazione Istituto Gramsci.

² Там же.

наталкивалась на стену сопротивления и отвержения, возводимой прежде всего офицерами.

Против пропаганды работал и контраст между теорией марксизма-ленинизма и реальными условиями жизни в СССР, чему пленные стали прямыми свидетелями, равно как и неизгладимые воспоминания о первых месяцах плена, которые навсегда запечатлелись в сознании тех, кому удалось спастись. Кроме того, имелось значительное число убежденных фашистов: на них пропаганда не оказала никакого влияния, хотя советские власти употребили все доступные средства с целью их обратить. Фашисты всякий раз оставались при убеждении, что этот режим был благом для Италии.

Глава пятая

Репатриация

1. Дипломатические переговоры о репатриации пленных

После разрыва дипломатических отношений между Италией и Советским Союзом итальянское правительство на протяжении всего периода военных действий хранило молчание о числе пропавших без вести в Русской кампании. Перемирие, а впоследствии принятие Италией статуса союзника в войне заставили правительство Бадольо, а затем Бономи сделать первые официальные запросы советскому правительству относительно репатриации военнопленных.

Дипломатическое признание правительства Бадольо, о чем СССР объявил 14 марта 1944 г., с последующим обменом послами между обеими странами позволили итальянским властям и Верховному комиссариату по делам военнопленных непосредственно заняться положением пленных итальянцев в Советском Союзе¹. На самом деле, как для советских властей, так и для англо-американцев их статус после заключения перемирия не изменился. С точки зрения союзников, Италия оставалась страной, вовлеченной в конфликт, которая, если исходить из ее безоговорочной капитуляции, не имеет никаких прав. В статьях соглашения о перемирии предусматривалась передача находящихся у союзников военнопленных итальянской стороне, но ответственность за возможное перемещение их в Германию итальянцев была возложена на итальянское

¹ См.: заявление от 9 ноября 1944 г., AUSSME, DS 2271/C; см. также: рапорт Комиссариата по военнопленным от 17 ноября 1944 г., AUSSME, DS 2271/C.

правительство; об освобождении пленных итальянцев в ближайшее время вообще не упоминалось¹.

В этих условиях итальянские власти решили подойти к тонкому вопросу о репатриации с определенной осмотрительностью, но при этом настойчиво, что вызывалось давлением общественного мнения и заинтересованных семей. В первые месяцы 1944 г. генерал Джованни Мессе, тогда начальник Главного штаба вооруженных сил, тщетно пытался получить какую-либо информацию от посетившей Италию советской делегации². Наряду с инициативой Мессе, ряд официальных запросов советскому правительству направили правительства, которые в 1944–1945 гг. возглавлял Бономи. Они называли себя посредниками в передаче многочисленных поступивших к ним «писем, ходатайств, просьб», требовали предоставления поименных списков пленных, возможности переписки с ними, их посещения, освобождения инвалидов и престарелых; итальянские власти также представили советской стороне список военнопленных, пропавших без вести³.

9 октября 1944 г. генерал Пьетро Гадзера, верховный комиссар по делам военнопленных, сообщил правительству и главному штабу о результатах встречи, состоявшейся у него накануне с полковником Н. Д. Яковлевым, главой советской военной миссии, которому Совет народных комиссаров СССР поручил заниматься вопросами репатриации советских граждан. Полковник Яковлев запросил информацию о «примерно сотне русских пленных (в т. ч. о нескольких женщинах, которые при репатриации последовали за нашими частями), находившихся в Италии по данным на 8 сентября 1943 г.»⁴. Передав в распоряжение Яковлева все эти данные, Гадзера попросил дать сведения об итальянских пленных в Советском Союзе, и собеседник заверил его, что к ним относились хорошо: даже «в периоды трудностей со снабжением они получали питание лучше, чем

¹ *Aga-Rossi E.* Il problema dei prigionieri italiani nei rapporti tra l'Italia e gli anglo-americani // I prigionieri militari italiani durante la seconda guerra mondiale, a cura di R. H. Rainero. Milano: Marzorati, 1985, с. 19–33.

² См.: *Messe.* Inchiesta... указ. соч., с. 34.

³ За несколько дней до объявления о репатриации военнопленных (25 августа 1945), итальянское посольство возобновило просьбу о репатриации пленных инвалидов и превышавших 60-летний возраст. См.: *Telegramma del ministero degli Esteri alla Presidenza del Consiglio, al ministero della Guerra e all'Alto Commissariato per i prigionieri di guerra, 9 agosto 1945, AUSSME, DS 2271/C.*

⁴ *Documento confidenziale, 9 ottobre 1944, AUSSME, DS 2271/C.*

русское население»¹. Согласно сообщению Яковлева, некоторые пленные были приняты в русские семьи, проживавшие на территории развертывания итальянских войск; кроме того, после прибытия в Москву итальянского посла Пьетро Куарони в советской столице начали готовить списки с целью их передачи правительству Италии.

Самым ободряющим сообщением стало то, что военнопленные из СССР будут «репатрированы через Персию, Египет»². Радость от этого сообщения длилась недолго: месяц спустя правительство получило информацию из надежных итальянских источников, что надежды на массовое возвращение пленных весьма невелики «из-за размеров катастрофы»³.

В документе от 9 ноября, подписанном вице-спикером Палаты Джузеппе Микели, содержалась информация для Гадзеры об итогах встречи итальянской рабочей делегации с представителями советских профсоюзов. Один из ключевых пунктов беседы заключался в том, что итальянское правительство считает необходимым ускорить репатриацию пленных из СССР.

Можно понять опасения правительства в связи с репатриацией огромного числа пленных, находящихся в Индии, Африке и других местах, так как оно стремится провести ее быстро и в полном масштабе. Россия, как мне кажется, могла бы быстро и эффективно подготовить репатриацию. Однако, к сожалению, репатриантов оказалось слишком мало; затруднения с транспортом и удаленность мест, где находились пленные, потребовали очень много времени. Кроме того, пленные провели в России два года, а некоторые даже больше, будучи оторваны от родины, лишены полноценного общения и даже утешения на родном языке. Этим людям раньше, чем других, пребывавших в более благоприятных условиях, надлежало освободить из неволи»⁴.

Итак, в ноябре 1944 г. правительство уже знало, что число репатриантов из СССР будет меньшим, чем ожидалось; как знало, впрочем, и о тяжелых условиях содержания в плену в России, о чем оно, вероятно, было проинформировано итальянским посольством в Москве. Однако, по мнению

¹ Там же.

² Там же.

³ См.: *Morozzo della Rocca R. I prigionieri in Urss. Consistenza, problemi ed utilizzazioni politiche // I prigionieri militari italiani durante la seconda guerra mondiale...* указ. соч., с. 40.

⁴ Comunicazione della Presidenza della Camera dei deputati all'Alto Commissariato per i prigionieri di guerra, 9 novembre 1944, AUSSME, F. I 3/163.

советских властей, вопрос о списках пленных в Советском Союзе и об их возвращении на родину тесно увязывался с двумя обстоятельствами: с отсутствием у итальянской стороны списков русских пленных, находившихся в Италии и с предполагаемыми зверствами итальянских войск на советской территории¹.

В начале 1945 г. итальянское правительство в ответ на требования СССР прилагало все силы, чтобы выяснить число советских военнопленных и гражданских лиц, перемещенных в Италию или интернированных там. 22 января министр иностранных дел телеграммой проинформировал итальянское посольство в Москве, что на тот момент в стране находилось 29 советских граждан — военнопленных и интернированных. Относительно жестокостей, якобы совершенных итальянскими военными, министр заявил, что никаких данных о них не установлено и что даже есть основания утверждать, что итальянские войска «в России воздерживались от каких-либо эксцессов и вели себя по отношению к русскому народу предельно гуманно»².

25 января верховный комиссар сообщил правительству и главному штабу, что он поручил полковнику Паллотта «провести расследование и собрать все данные <...> о военнопленных русских, интернированных в концентрационных лагерях в Италии»³. Однако запросы советского правительства, переданные через посла в Риме Михаила Костылева, распространялись на всех советских граждан, находившихся в то время в Италии, т. е. даже на тех, кто добровольно последовал за войсками стран «оси», а по отношению к ним возвращение в СССР было бы принудительной репатриацией. Надежды итальянского правительства не оправдались. Как ясно показал посол Куарони в своем отчете от 11 мая, советская позиция основывается «на совершенно ином понимании человеческих взаимоотношений», совершенно лишенном «сентиментальности», что уточнялось на других страницах документа:

Относительно тайны, окружающей наших пленных, то она является лишь проявлением всеобщей тайны, окутывающей эту страну. Англичанам и американцам было решительно отказано направить офицеров, которые бы занялись делами их пленных, освобожденных русскими: несколько английских офицеров, добравшихся до Люблина,

¹ См.: Messe. Inchiesta... указ. соч., с. 24.

² Министр также заверял, что добивается от советских властей полного списка военнопленных (AUSSME, F. I 3/163).

³ Там же.

были в грубой форме отосланы обратно. Русские отправили их в Одессу, но там предоставили исключительно самим себе. Эти люди привыкли к совершенно другим человеческим отношениям. Здесь никогда не интересовались собственными пленными, никогда не запрашивали списков, никогда не заботились об их переписке, посылках и т.д. Даже сейчас у англичан и американцев не просят списков, а их запросы отправляют обратно. В советской армии семье не сообщают, что ее член погиб (за исключением генеральских семей), люди рассчитывают только на самих себя. Боец перестает писать — вероятно, он погиб, а если не погиб, то напишет. Или же увидите его, когда кончится война.

В такой атмосфере живет население этой страны вот уже 25 лет, и волей-неволей к ней привыкли. Как можно желать, чтобы люди с таким мышлением поняли наше сентиментальное стремление получить и предоставить сообщения, узнать, при каких обстоятельствах умер такой-то и такой-то, получить свидетельства о смерти или какой-либо другой документ? Даже если захочешь приложить к этому силы, то здесь такой беспорядок, что это потребует огромной работы: в этой стране все, что не служит непосредственно военным усилиям, исключается напрочь. При таком тяжелом, безжалостном отношении, чуждом всякой сентиментальности, которая считается вредной, наше беспокойство о сведениях просто не понимают. Они не хотят отдать себе отчет в том, что означает неизвестность для семей¹.

Однако, помимо различий в ментальности, отказ СССР предоставить списки пленных представляется, как пишет далее Куарони, «своего рода наказанием за то, что итальянское правительство во время войны первым решило»² не передавать списки советских пленных. Советская сторона в целом считала, что вопрос о репатриации — козырная карта в ее руках за столом переговоров.

28 июня, телеграфируя в посольства в Вашингтоне и Лондоне, министр иностранных дел Италии высказал просьбу о рассмотрении вопроса о пленных на ближайшей конференции «трех великих держав». Итальянское правительство сочло, что в таком случае предметом обсуждения может стать возможность передачи всех военнопленных в распоряжение

¹ Rapporto dell'ambasciatore Pietro Quaroni al ministero degli Esteri, Prigionieri italiani nell'Urss, 11 maggio 1945, AUSSME, DS 2271/C.

² Там же.

союзников. По мнению итальянских властей, здесь не должно быть трудностей после того, как англо-американцы «конфиденциально уже сообщили <...> о решении репатриировать итальянских военных». Совместное заявление союзников могло бы «помочь обязать Россию последовать их примеру» и тем самым «снять серьезную тревогу правительства и народа Италии»¹.

Возникла также мысль направить в Советский Союз представителя Итальянского Красного Креста, но Куарони возразил: американцы и англичане уже просили разрешения направить туда представителя Международного Красного Креста, который мог бы проехать по стране с целью оказания помощи пленным, и ответ «был отрицательным. Разве можно вообразить, что они нам уступят!»²

Пока война не закончилась, прямые попытки итальянского правительства получить информацию о пленных в России не действовали: советское правительство сухо отвечало, что не нужно настаивать, а следует спокойно ждать, раз еще продолжаются военные действия, учитывая, что после войны в СССР будет необходимо провести реорганизацию. Однако чтобы отвести подозрения и опровергнуть выводы, которые с лета 1944 г. стали появляться в итальянской печати, в июле 1945 г. заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский оправдывался перед итальянским послом, указывая, что материальные условия в Советском Союзе очень отличаются от условий в Британии и Соединенных Штатах. «Впрочем, надеюсь, — продолжал замнаркома, — что вскоре вопрос о пленных будет решен: они вернутся в Италию, расскажут, как мы к ним относились, и вся эта шумиха утихнет»³.

Для итальянского правительства и общественного мнения вопрос о репатриации по-прежнему был покрыт тайной, но советские власти начали готовить освобождение военнопленных, присутствие которых — особенно больных и ослабевших — стало тяжелым бременем для администрации лагерей и препятствием в восстановлении страны.

¹ Всего в руках англо-американцев находилось чуть более полумиллиона пленных итальянцев, распределенных в разных странах, вплоть до Австралии; при их репатриации преимущество отдавалось антифашистам; см.: *Aga-Rossi*. Указ соч., с. 21 и далее.

² Telegramma di Quaroni del 9 luglio 1945, AUSSME, DS 2271/C.

³ Dispaccio di Quaroni al ministero degli Esteri, 7 luglio 1945, AUSSME, DS 2271/C.

2. СССР организует репатриацию

Возвращение пленных из Советского Союза началось сразу после окончания военных действий в Европе и продолжалось до весны 1950 г., а для нескольких итальянцев, осужденных за военные преступления, до 1954 г.¹

Первые пленные-антифашисты, в том числе австрийцы и немцы, репатрировались, начиная с 1945 г., задолго до остальных соотечественников, тогда как возвращение немцев официально началось только в 1950 г. То же самое произошло с многочисленными пленными итальянцами-антифашистами, которые, как будет показано далее, возвратились на родину с группой инвалидов.

Начальный контингент пленных, состоявший из рядовых и сержантов, численностью в 225 тыс. человек репатриировали из тыловых лагерей на основании постановления НКВД от 15 июня 1945 г. В этот контингент должны были входить только инвалиды, больные туберкулезом, хронические больные, пленные с признаками тяжелого истощения или недоедания и нетрудоспособные². Отбор пленных для репатриации проводили специальные комиссии: их работу координировали медико-санитарные инспекторы соответствующих областей, ответственные за положение в лагерях. НКВД был прямо заинтересован в том, чтобы репатриировались в первую очередь больные — тем не менее, отправка этого первого контингента не решила лагерных проблем, связанных с наличием нетрудоспособных, число которых постоянно возрастало.

10 августа Берия представил Сталину проект освобождения, разработанный Государственным комитетом обороны. Проект предусматривал эвакуацию прифронтовых и тыловых лагерей, где содержались соответственно 418 тыс. и 290 тыс. чел., т. е. в целом 708 тыс.³ К проекту прилагалось постановление, где определенные к освобождению пленные делились на три категории: к первой относились славяне — болгары, чехи, словаки, поляки, сербы, хорваты, словенцы и босняки — общей численностью свыше 62 тыс. человек. Во вторую категорию входили итальянцы,

¹ Последние немецкие военнопленные, осужденные за военные преступления, были освобождены в 1956 г.

² См.: ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 726, л. 21 и далее. Совершенно секретно.

³ Сопроводительная записка Л. П. Берии И. В. Сталину к проекту постановления ГКО об освобождении из лагерей НКВД 708 тыс. военнопленных, 10 авг. 1945 г. // ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 98, л. с. Заверенная копия. Совершенно секретно.

бельгийцы, голландцы, люксембуржцы, датчане, швейцарцы, норвежцы, американцы, шведы, греки, англичане — всего более 24 тыс. человек; организация их возвращения на родину была поручена ответственному лицу за репатриацию при Совнаркоме генералу Ф.И.Голикову. В постановлении указывалось, что пленные этой категории будут «одеты в подходящее воинское обмундирование, захваченное у противника»¹. Самая многочисленная, третья категория состояла из 622 тыс. чел.: 412 тыс. немцев, непригодных к работе (в первой и второй категориях не делалось различия по трудоспособности), 150 тыс. венгров, 30 тыс. австрийцев и столько же румын. Независимо от состояния здоровья из контингента исключались пленные, которые совершили злодеяния на оккупированной советской территории, а также те, кто состоял в СС, СД, СА и в гестапо. С этой целью НКВД предписал строжайшим образом проверить, в каких частях служили пленные, и неоднократно повторил это предписание в выпущенных им постановлениях².

На протяжении всего 1945 г. репатриация проводилась довольно неорганизованно. Вспоминает Анджело Лопьяно:

С 12-го [октября 1945 г.] русские составляли список отъезжающих. 19-го говорили, что на ближайшую станцию Сольдерия обязательно придут вагоны, но мы всё равно отправились на работу. <...> Во время обеда я увидел, что к нам подходят Раймонди и Квинтавалле и передают русскому охраннику бумажку с приказом немедленно вернуться в лагерь. Нет слов, чтобы описать этот момент. <...> В лагере остались только двадцать товарищей (говорили, что здесь их держат в наказании), среди которых был мой земляк Джузеппе Ассеннато, репатриированный вместе с другими в январе 46-го. <...> Спустя 34 месяца, наконец-то, — свобода. Однако, оказавшись на товарной станции, мы не нашли вагонов, хотя там собрались наши товарищи из четырех соседних лагерей. Вскоре прибыли русские. Они раздали нам листочки, где значились «фамилия», «имя», «отчество», «социальное происхождение» и другие слова по-русски. Потом нам сообщили, что этой ночью вагоны не придут, и посоветовали как-нибудь выкручиваться»³.

¹ Там же.

² Приказ НКВД СССР № 00955 об освобождении части военнопленных из лагерей НКВД и спецгоспиталей, 10/14 авг. 1945 г.// ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 728, л. 121–125. Оригинал. Совершенно секретно.

³ *Loriano*. Указ. соч., с. 145 и далее.

Главная проблема состояла в эвакуации лагерей из прифронтовой полосы, в которых «по причине неисполнения своих обязанностей ответственными работниками ГУПВИ» или по другим причинам очень часто «не оказывалось документов, касающихся предстоящего освобождения военнопленных армий противника»¹.

Репатриация больных вообще происходила беспорядочно. Не все эти пленные находились в зонах, предназначенных для репатриации, а те, кому удалось туда попасть, оказались в очень тяжелых условиях. В связи с этим Матяш Ракоши 29 декабря в телеграмме совнаркому СССР и ЦК ВКП(б) жаловался на плохие условия, в которых при репатриации оказались венгерские военнопленные².

В 1945 г. в Советском Союзе освободили 1.045.749 военнопленных, сражавшихся в рядах нескольких армий³. Несмотря на принятые меры, было невозможно репатриировать всех пленных европейских национальностей (кроме немцев, австрийцев, венгров и румын): в самом деле, многие из них на момент выхода постановления о репатриации или не были еще внесены в списки, или были в пути из одного лагеря в другой, или выздоравливали в госпиталях. 8 января 1946 г. НКВД подтвердил приказ об освобождении и перевозке пленных не немецкой национальности в лагерь № 186 недалеко от Одессы, за исключением лиц, служивших в СС, СА, СД и гестапо, а также всех офицеров⁴.

У НКВД имелся горький опыт репатриации 1945 г. и поэтому он рекомендовал «накануне отъезда подвергнуть всех освобождаемых пленных полной санитарной обработке, чтобы не допустить погрузку в вагоны лиц, зараженных вшами или болезнями с повышенной температурой, заразных и нетранспортабельных»⁵. Чтобы обеспечить медицинское обслуживание во время поездки, было предусмотрено использование санитарного персонала и специальных вагонов с необходимым количеством медикаментов и оборудования⁶.

¹ В ряде лагерей существовали лишь списки освобожденных военнопленных, в других — общие списки с пометами об освобождении, иногда же — только цифры по отдельным национальностям. См.: РГВА, ф. 1/р, оп. 23а, д. 14, л. 1.

² ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 140, л. 3.

³ В том же году репатриировали 65.245 больных и раненных японских военнопленных. См.: «Военно-исторический журнал», 1991, № 4. С. 71.

⁴ Приказ № 0015 // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 195, л. 25–26.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 26.

Между тем в лагерях число трудоспособных пленных значительно сократилось¹. Поскольку единственной причиной удержания военнопленных в СССР было их использование на работах, 26 мая 1946 г. Круглов обратился к Сталину, Молотову и Берии с просьбой репатриировать контингент нетрудоспособных пленных общей численностью 150 тыс. человек². В ответ на просьбу последовало первое распоряжение СНК от 18 июня, а затем постановление от 27 июня, в которых предписывалось досрочное освобождение пленных, находившихся в госпиталях и лазаретах.

В 1946 г. были репатриированы также первые большие группы антифашистов: на основе постановления МВД от 5 ноября среди 10 тыс. возвращающихся румынских солдат и сержантов насчитывалось свыше 1.700 антифашистов (из них 700 чел. посещали политические школы)³. В дальнейшем репатриация пленных, принадлежавших к антифашистскому активу, осуществлялась обычно по решению ЦК ВКП(б), готовившего поименные списки.

Пленные, которых планировалось репатриировать в индивидуальном порядке, были собраны в лагерях № 27, № 275 (Львов) и № 284 (Брест)⁴.

3. Репатриация идет

В ответ на визит в Италию советских профсоюзных деятелей профсоюзная делегация во главе с Джузеппе Ди Витторио (секретарь Всеобщей итальянской конфедерации труда, а также член руководства ИКП) летом 1945 г. совершила месячную поездку в СССР, во время которой

¹ К маю 1946 г. из 1.579.729 пленных, 193.257 находились в больницах; 154.911 было отнесено к категории «слабых», а 11.902 — инвалидов (там же).

² См.: Докладная записка С. Н. Круглова И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берии о физическом состоянии военнопленных в СССР и необходимости отправки больных и нетрудоспособных из них на родину, 25 мая 1946 г. // ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 136, л. 310 и далее. Заверенная копия. Совершенно секретно.

³ См.: Приказ МВД СССР № 0374 об отправке на родину военнопленных румынской национальности // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 740, л. 175–179. Оригинал. Секретно (в декабре того же года было репатриировано ок. 3 тыс. австрийских военнопленных антифашистов, годных к труду).

⁴ См.: Директива МВД СССР № 119 о порядке отправки на родину из числа антифашистского актива, освобождаемых индивидуально по решению руководящих инстанций, 13 июня 1947 г. // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 835, л. 85. Оригинал. Совершенно секретно.

посетила места сопротивления советского народа фашистским захватчикам и имела ряд встреч с руководителями советских профсоюзов. Во время этих встреч были продемонстрированы результаты восстановления народного хозяйства; представители итальянских профсоюзов посетили несколько лагерей, где содержались пленные¹.

3 августа Ди Витторио встретился с Димитровым и среди затронутых вопросов был поставлен — по поручению Тольятти — вопрос о пленных². 5 августа Ди Витторио написал на эту тему письмо Молотову³, и пленные оказались единственно важной темой его встречи с замнаркома иностранных дел Соломоном Лозовским. В связи с этой «болезненной проблемой» миссия Ди Витторио, «как представляется, принесла только частичный успех»; он проявил «заметную твердость, показав, насколько различно положение с военнопленными итальянцами в СССР, где не удалось получить никаких сведений, и в Британии и Соединенных Штатах» заявив, что не понимает, «почему эти сведения секретны»⁴. Указав, что вопрос приобретает «большое политическое значение», Ди Витторио добился от Лозовского обещания побеседовать о нем со Сталиным и Молотовым после их возвращения из Берлина. Ди Витторио написал также письмо Сталину. Лозовский сдержал свое обещание и 25 августа официально сообщил Ди Витторио, что намечена репатриация всех итальянских военнопленных, за исключением обвиняемых в военных преступлениях⁵. Разумеется, действия Ди Витторио не оказали никакого влияния на решение репатриировать пленных: оно вытекало из директив НКВД, вышедших до августа 1945, и уже было принято Кремлем.

После сообщения Лозовского итальянская делегация направила послание Сталину, где выразила самую искреннюю благодарность «генералиссимусу Сталину — провозвестнику союза свободных народов в решительной борьбе против фашистских агрессоров <...>, Советскому правительству и всем народам великого победоносного Советско-

¹ Делегация, вне сомнения, посетила лагерь №№ 40 (т. н. объект 40, в Подмосковье), 58/4 и 58/6 (Тёмников). См.: *Iuso P. La dimensione internazionale // Pepe A., Iuso P., Misiani S. La Cgil e la costruzione della democrazia / Storia del sindacato in Italia nel '900, diretta da A. Pepe, vol. III. Roma: Eds, 2001, c. 153 прим.*

² См.: *Dimitrov*. Указ. соч., с. 862.

³ См.: *Dagli archivi di Mosca. L'Urss, il Cominform e il Pci. 1934–1951 // A cura di F. Gori, S. Pons. Roma: Carocci, 1998, doc. 13, c. 245–247.*

⁴ Там же, с. 60.

⁵ См.: там же. При этом Лозовский говорил о 19.500 итал. военнопленных.

го Союза»¹. Итальянский народ, говорилось далее в послании, «очень чувствителен к судьбам своих сынов, оказавшихся в плену; почти все они — невинные жертвы ненавистного режима, который более двадцати лет угнетал наш народ, обесчестил Италию и вверг в самую страшную катастрофу за всю ее историю». Далее делегация выразила «глубокую благодарность» итальянского народа «за великодушное решение, принятое Советским правительством в отношении итальянских военнопленных. Эта благодарность тем более глубока, — говорилось в заключении, — что Советское правительство стало первым из союзных правительств, которое освобождает всех военнопленных итальянцев»².

Советское решение освободить итальянских пленных вызвало удивление. Еще 7 июля Вышинский сказал послу Куарони, что «в вопросе об освобождении пленных три союзника действуют в согласии друг другом и даже пленные, находящиеся в руках англичан и американцев, не освобождены»³. С одной стороны, неожиданная инициатива советского правительства отвечала необходимости опровергнуть тревожные слухи о судьбе пленных, циркулировавшие в Италии, а с другой, была просто непредсказуемым действием, типичным для поведения Кремля: сначала он противился организационной подготовке репатриации, включая составление поименных списков, и не давал никаких предварительных извещений, а теперь заявил о своей готовности к репатриации.

Действуя в том же духе, Кремль не дал никаких объяснений названной численности возвращающихся на родину, которая была ниже пропавших без вести военнослужащих ARMIR. Впрочем, напишет позднее Куарони, поведение советских властей

было таким же и по отношению к пленным из других государств — бывших противников, а также к интернированным или пленным союзных государств, освобожденных Красной Армией. Французам, голландцам, бельгийцам и даже британцам никогда не предоставлялась возможность посетить лагеря, где они могли найти своих «освобожденных» соотечественников, получить их списки и т. д. Иногда — как, например, голландцам — выдачу разрешения откладывали со дня на

¹ Messaggio al generalissimo Stalin presidente del Consiglio dei Commissari del Popolo dell'Urss, Mosca, agosto 1945 // Fondazione Istituto Gramsci, Fondo D'Onofrio, busta 3637.

² Там же.

³ Dispaccio di Quaroni citato nel telegramma del ministero degli Esteri del 14 agosto 1945, AUSSME, DS 2271/C.

день, не делая предуведомлений; так продолжалось несколько месяцев, в течение которых их дипломатические представители добивались получения хотя бы какой-нибудь информации. Недавно я узнал, что бывшие английские и французские пленные из концентрационных лагерей, разбросанных по всей стране, небольшими группами, но под строгой охраной были перевезены в Москву, а потом отправлены в Одессу или в другой порт для погрузки на корабли. Их дипломатических представителей не предупредили об отправке, а, когда они случайно узнали о ней, им не разрешили вступить в контакт с бывшими пленными во время их короткого пребывания на одном из столичных вокзалов¹.

11 сентября советское посольство в Риме сообщило, что по решению наркомата иностранных дел СССР предполагается освободить и репатриировать 19.648 итальянских военнопленных — солдат и сержантов². Поскольку не упоминалось вовсе об офицерах, послу Куарони было поручено потребовать объяснений: замнаркома В.Г. Деканозов сообщил ему, что Кремль «делает оговорку», относящуюся к небольшому числу пленных, обвиняемых в военных преступлениях. В то же время он самым категорическим образом отрицал, будто исключение сделано для других пленных, «особенно для офицеров»³.

Между тем, как вспоминает один из вернувшихся, пленные в лагерях пребывали в состоянии неопределенности:

Теперь это стало расхожей темой. «Alba» напечатала сообщение, согласно которому вскоре возвратятся домой все итальянские пленные, это вопрос месяцев, но всё может произойти и завтра; в России не удается ничего узнать до самого последнего момента. <...> Стоял солнечный, с облачностью, день, итальянцы начали волноваться, когда же придет наша очередь, очередь офицеров? В лагере распространялись самые разные слухи — от посла, от нашего правительства, из Москвы, от союзников. Выдвигалось много предположений, сообщения были мучительно противоречивы, воздух пропитался оргазмом того, кто, находясь за решеткой, ждет, когда ее уберут. Русские вечно молчат. Однажды октябрьской ночью случилась неожиданная тревога: выйти с вещами, перекличка, список

¹ Comunicato dell'ambasciata italiana a Mosca del 4 dicembre 1946. P. 2–3, AUSSME, DS 2271/C.

² Dispaccio del ministero degli Esteri, 11 settembre 1945, AUSSME, DS 22717/C.

³ Dispaccio di Quaroni al ministero degli Esteri, 28 settembre 1945, AUSSME, DS 2271/C.

*за списком, автомашины, потом была только проверка и нас вернули обратно*¹.

Еще до дипломатических переговоров, согласно постановлению от 15 июня, советские власти вернули в Италию сотню пленных, главным образом изувеченных и больных, но также нескольких солдат и офицеров в хорошем физическом состоянии. Согласно докладу UNIRR,

*не были разъяснены критерии отбора этих военнослужащих, но они стали понятны спустя почти год, когда вернулись все офицеры; выяснилось, что досрочно были репатрированы все посещавшие [антифашистскую] школу в Москве и своими статьями в «Альба» доказавшие полную преданность делу коммунизма*².

Однако, как признают авторы упомянутого доклада, все остальные «советизированные» офицеры были репатрированы с основной массой пленных, и они протестовали против того, что советские начальники уравнивали их с людьми, не участвовавшими в антифашистском движении. По другому свидетельству,

*пятеро вернувшихся раньше нас не были антифашистами. Среди них находился, например, Антонио Ферранте маркиз ди Руффано, который во время допросов говорил, что его мать — американка, а отец — дипломат, родственник посла У.Гарримана. Он никогда не был антифашистом. В любом случае, нас поразило, что их репатриировали досрочно, вместе с солдатами. Возможно, это был зондаж с целью увидеть реакцию*³.

На самом же деле тот, кто хоть немного знаком с ведением документации в России, не может избавиться от мысли, что в данном случае, как и во многих других, сыграл свою роль произвол вместе с ошибочным толкованием и хаотическим применением постановлений и распоряжений. Артиллерист Анджело Лезицца стал одним из пленных, которым удалось воспользоваться постановлением, принятым в июне 1945 г. Он был вынужден работать, и с декабря 1944 по май 1945 г. его работоспособность снизилась до крайнего предела; поэтому его поместили в военный госпиталь в Коканде (Узбекистан). Вот его свидетельство от 4 октября, через месяц после репатриации:

К счастью, прибывшая 26 июля в госпиталь военно-медицинская комиссия отбирала для репатриации не слишком тяжелых больных.

¹ Gherardini. La vita... указ. соч., с. 307.

² См.: UNIRR. Rapporto sui prigionieri di guerra italiani in Russia... указ. соч., с. 161.

³ Интервью с Джузеппе Басси 10 февр. 2001 г.

Нас было 160 итальянцев и немцев. Примерно 80 остались, так как находились в тяжелом состоянии (из них 60 итальянцев); остальных 80 (из них 60 итальянцев, половина больных туберкулезом) погрузили в вагоны для скота, и началось их возвращение на родину. <...> Тысяча пленных (500 итальянцев, собранных из других лагерей во время месячного пути) вышли на станции Франкфурт-на-Одере. Местное русское командование направило больных в сборный лагерь (в 3 км). Русский персонал выдал каждому пленному пропуск и продукты на три дня: полтора килограмма хлеба, немного вареного картофеля и немного ячменя. Нас разделили на группы по пятьдесят человек и указали каждой группе (пальцем) направление, по которому мы должны двигаться, чтобы добраться до Берлина. Почти каждый положился на удачу. К сожалению, не все были в состоянии рисковать, и я не знаю, какова стала их судьба. <...> Из Берлина я добирался случайными средствами и в эшелонах, организованных для репатриации интернированных из Германии, в Больцано. Нас было всего шесть человек, вернувшихся из России. С помощью союзников нас перевезли в Мерано (30 августа). <...> Еще немного — и я бы никогда не вернулся, как не вернулись многие... Я еще слышу плач моих товарищей, которые видели, как я уезжаю, слышу их отчаянные просьбы ко мне — требовать, чтобы Италия заинтересовалась их освобождением, и поскорее¹.

По поводу количества пленных, ожидавших освобождения, артиллерист говорит:

Ходят слухи, что из России должны были вернуться 20 тыс. пленных. Но не таково мнение тех, кто пережил русский плен. Их осталось намного меньше. Такой цифры не получится, даже если прибавить тысячи пленных, депортированных в последние месяцы в Россию с Балкан².

Другие свидетельства подтверждают трудности возвращения, особенно голода.

В Бресте еще было кое-какое снабжение; несмотря на это, некоторые в моем вагоне раздобыли филе конины — дохлой лошади, и поэтому каждый из нас попробовал кусочек вареного мяса, отчего всех до одного прохватил понос³.

¹ Свидетельство артиллериста Анджело Лезиццы, Удине, 4 окт. 1945 г., с. 9 и далее // AUSSME, DS 2271/C. Секретно.

² Там же, с. 11.

³ *Loriano*. Указ. соч., с. 150.

Путешествие оказалось очень тяжелым. Поезд очень медленный, и нет кухни. Каждый день нам давали кусок черствого хлеба, сырую картошку и горох. <...> Много дней я не ел ничего горячего и чувствовал, как уходят силы. Дорога стала похожей на ту, страшную, в первое время плена. Кстати, были и умершие. Каждое утро мы кого-нибудь выгружали¹.

Из-за условий возвращения репатриированные, хотя и пробудили надежды у итальянского общественного мнения, все-таки не смогли изменить атмосферу неопределенности и негодования, сложившуюся в связи с судьбой пленных. 9 ноября глава Особого управления Верхней Италии Министерства послевоенной помощи² сообщил министру Эмилио Луссу о том, что утром в управление прибыла «решительно настроенная женская комиссия», которая

во весь голос потребовала репатриации, а до нее — информации о пленных, содержащихся в России (бойцов ARMIR). Наше управление не могло удовлетворить их требований; это усилило недовольство, и возникла опасность насильственных действий у дворца AMG [Военного управления союзников]. Такой манифестации удалось избежать, убедив демонстрантов одну делегацию направить в AMG, а другую — в советскую миссию в Милане³.

Персонал, занимавшийся вопросами репатриации, был не в состоянии ответить на требования семей военнопленных — просто потому, что не получал ясной и точной информации из Москвы. Напомнив министру Луссу, что женщины угрожали «еще раз провести подобную манифестацию, но еще более решительную и бурную», если в течение двух недель не будут получены требуемые сведения, начальник управления попросил добиться, чтобы правительство потребовало у русского посольства списков выживших пленных и, «если возможно, заявления, аналогичного тем, которые сделали другие державы, относительно предполагаемого времени репатриации наших соотечественников»⁴. Если не удастся сделать ничего конкретного, то пусть правительство, по крайней мере, покажет, что принимает всё это близко к сердцу.

Для предотвращения любым способом непредсказуемой реакции стольких несчастных людей, реакции, которая может повредить

¹ Beraudi. Указ. соч., с. 178 и далее.

² Итал.: «ministero dell'Assistenza post-bellica», заменившее с 21 июня 1945 г. предыдущий Верховный комиссариат (Alto Commissariato per i prigionieri di guerra).

³ AUSSME, DS 2271/C.

⁴ Там же.

*пленным, а не помочь им, желательно, чтобы итальянское правительство сделало какое-то заявление, пусть всего лишь успокаивающее, но способное убедить заинтересованных лиц, что этой трудной проблемой не пренебрегают*¹.

Массовая репатриация солдат проходила поэтапно; она началась в сентябре 1945 г. и продолжалась до конца марта 1946 г. Например, в сентябре были репатриированы 33 солдата и несколько офицеров, в октябре — 27 военнопленных². В телеграмме Министерства послевоенной помощи от 15 ноября 1945 г. сообщается, что «к 400 большим пленным (приблизительно)», репатриированным ранее, между 9 и 11 числом этого месяца прибавилось два других эшелона, прибывших в Пескантину, где находились соответственно 1.874 и 2.235 человек»³. В следующей телеграмме, от 17 ноября, поднимался вопрос о действительном числе среди вернувшихся пленных ветеранов ARMIR и 1-ой CSIR: «из конфиденциальных источников, а в большей степени из опросов военнопленных, вернувшихся из России», выяснилось, что среди 20 тыс. репатриантов число оставшихся в живых военнослужащих ARMIR составляет менее 11 тыс. человек, и что цифра, указанная советской администрацией, включает «итальянских военных, взятых в плен немцами и впоследствии освобожденных советскими войсками»⁴.

В целом в 1945–1946 гг. СССР возвратил в Италию 21.065 человек; из них только 10.032 были солдатами 1-ой CSIR и ARMIR; другие 11.033 репатрианта принадлежат к не уточненному — до сегодняшнего дня — числу людей, интернированных немцами и впоследствии перевезенных в советские лагеря.

В апреле 1946 г. большое число офицеров еще предстояло репатриировать. В ноте МИД Италии от 20 апреля указывалось, что из «достоверных конфиденциальных источников» стало известно, что в то время «в плену в России находились около 700 итальянских офицеров». Они «содержались в удовлетворительных, хорошо отапливаемых помещениях, тогда как их моральное состояние было «не столь

¹ Там же.

² Nota per il signor maresciallo d'Italia Messe, 8 gennaio 1947, con allegato l'elenco «Rimpatri dalla Russia (ARMIR)» // AUSSME, DS 2271/C.

³ Там же.

⁴ Comunicazione del ministero dell'Assistenza post-bellica, 17 novembre 1945 // AUSSME, DS 2271/C.

хорошим, так как все они жаждали возвращения на родину». Только четверо или пятеро из этих офицеров, «считавшихся политически подозрительными», смогли репатрироваться «сразу после того, как подписали мирный договор»¹.

Так же, как это произошло с рядовыми и сержантами, репатриация 600 офицеров началась неожиданно. В только что процитированном документе говорится, что в то время, когда МИД до 20 апреля не получил какого-либо официального заявления по проблеме, на советской территории уже началось перемещение пленных ввиду репатриации. Офицеры прибывали из суздалского лагеря № 160, за исключением офицеров медицинской службы, откомандированных для оказания медико-санитарной помощи, и тех, кто посещал антифашистские курсы и был направлен в солдатские лагеря для пропагандистской работы.

И вот, в один апрельский день все выходы из нашего корпуса были заблокированы. Устроили небывалый обыск и заперли нас в помещениях на несколько дней. Несколько раз устраивали переклички, нас перемещали с места на место, кое-кого изолировали. Мы знали их систему, знали, что уедут не все. Когда нас заставили выйти из помещения и построили у главных ворот, мы заметили, что некоторых с нами нет. <...> Нам удалось узнать, куда нас отправляют, теперь мы были уверены, что уедем; направлялись мы в Одессу².

Из 160-го лагеря уехали не все: остались генерал, старшие офицеры и ряд старших лейтенантов и капитанов; всего пятьдесят человек. Относительно первых это и предполагалось — русские исходят из перевернутой иерархической шкалы, подаваемой под разными соусами, — относительно других стало неожиданностью. Когда утром 6 апреля нас вдруг стали вызывать по алфавиту, собрав на обычном плацу, то служившие в милиции, в карабинах и те, кого советские власти обвиняли, по их словам, в наказуемых действиях, были направлены в отдельный корпус. <...> Видеть, как эти немногие ходят вдоль и поперек по саду, было невыносимо больно. Мы знали, что для старших офицеров самым надежным выходом стало бы терпение, если бы было известно, что речь идет о задержке на месяц или более, но о других мы не знали, что думать³.

¹ AUSSME, DS 2271/C.

² Francesconi. Указ. соч., с. 169 и далее.

³ Gherardini. La vita... Указ. соч., с. 313.

54 старших офицера были оставлены в лагере и репатрированы 22 августа того же года¹. Следует отметить, что среди них встречались и такие пленные, которые в лагере активно участвовали в антифашистских мероприятиях.

Прежде чем покинуть Суздаль, группа офицеров подписала приветственное послание, направленное советскому правительству.

В комендантуру лагеря № 160 — Для советского правительства

Мы, итальянские офицеры-антифашисты, накануне репатриации при вашем посредничестве приветствуем героический советский народ, который в борьбе против фашизма стал решающим фактором победы и который сейчас является надежным бастионом демократии и мира во всем мире.

Как итальянцы и демократы мы благодарим советское правительство:

за помощь во время нахождения в плену в понимании подлинной сущности фашизма и в том, чтобы борьба против всех сил, противостоящих сотрудничеству народов, стала нашей борьбой;

за помощь, оказанную нашей стране в свержении фашизма, в завоевании независимости и в достижении подлинной демократии и прогресса.

Находясь в плену, мы смогли своими глазами увидеть жертвы, принесенные советским народом ради победы; в свете этих жертв большое значение приобрели усилия советского правительства в обеспечении хороших условий жизни. В этом с нами согласятся все демократические силы Италии. Мы желаем советскому народу, чтобы под руководством генералиссимуса Сталина и славной Большевицкой партии он добился того благосостояния и счастья, на что ему дали право принесенные жертвы.

¹ Записка генерала Маннерини, начальника «Ufficio autonomo reduci di prigionia di guerra e rimpatriati» министру иностранных дел от 24 июля 1946 г. (prot. n. 113929/223). В приложении 1: «Elenco degli ufficiali trattenuti nel campo 160 a Suzdal' il 25 aprile 1946 (50 in tutto)» [Список 50 офицеров на 25 апреля 1946 г. в лагере 160 в Суздале]; в приложении 2: «Elenco degli ufficiali che hanno lasciato in epoche diverse il campo 160 di Suzdal', a gruppi, destinati ad altri campi di cui non si conosce la denominazione (29 in tutto)» [Список 29 офицеров, покинувших в неизвестном направлении в разное время лагерь 160 в Суздале] // AUSSME, DS 2271/C. Здесь же уточнялось, что списки составлялись на основании заявлений ветеранов, «поэтому не исключены упущения некоторых имен».

Покидая Советский Союз, мы выражаем уверенность в том, что между Вашей страной и будущей республиканской и демократической Италией установится прочная и нерушимая дружба¹.

Послание подписали 84 офицера (1 полковник, 5 майоров, 11 капитанов, 24 старших лейтенанта, 43 лейтенанта); оно было опубликовано с подписями в 11-м номере «Alba» 15 июня 1946 г. Большинство подписавших входило в актив антифашистской группы 160-го лагеря.

25 мая Круглов направил Молотову таблицу с указанием реального числа военнопленных итальянцев в России. На 1 августа 1945 г. в лагерях их насчитывалось 19.810 чел. (включая интернированных немцами)², к которым добавили еще 1.400 бывших интернированных. Всего в России было, таким образом, 21.210 пленных итальянцев. Из них 20.145 находились в ведении органов, ответственных за репатриацию, в период с конца 1945 до начала 1946 гг., 160 умерли в лагерях и госпиталях. В указанное время в лагерях оставались только офицеры и лица, завербованные в итальянские СС, всего 905 человек. Среди командного состава значились генералы Эмилио Баттисти, Этвольдо Пасколини и Умберто Риканьо, 34 старших офицера, 649 младших офицеров (до капитана), 219 сержантов и солдат. 740 человек, среди которых 600 офицеров, были подготовлены к отправке в Одессу, как предписывалось постановлением НКВД от 8 января 1946 г.³ Оставшиеся 165 человек (среди них три генерала, 34 офицера, 113 военнослужащих итальянских СС, 15 больных), за исключением больных, могли быть переданы в ведение органов по репатриации в июне того же года. Восемь человек — четыре капитана, три старших лейтенанта и один солдат — были репатрированы 3 октября 1946 г.; однако генералы вернулись на родину только в 1950 г.

Возвращение офицеров стало самой настоящей одиссеей: вначале, как и сообщал Молотову Круглов, они были перемещены в лагерь № 186 под Одессой, затем в приморский лагерь и, наконец, в какое-то курортное учреждение на Черном море, где оставались до 6 июня. Там *нас построили перед каким-то строением, объявили, что мы свободны в том смысле, что за нами не будут постоянно наблюдать и мы можем*

¹ Оригинальный текст с подлинными подписями хранится в фонде Джузеппе Осольи // Fondazione Istituto Gramsci, Archivio «M» (Mosca), MF (microfilm) 312, doc. 312.

² Докладная записка С. Н. Круглова В. М. Молотову о количестве итальянских военнопленных в лагерях МВД СССР и репатриированных на родину. 25 мая 1946 г. // ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 142, л. 294–294 об. Заверенная копия. Совершенно секретно.

³ Там же.

*идти куда угодно. Первое, что мы сделали, — отошли на несколько шагов, чтобы расстроить шеренгу, а потом инстинктивно, все разом, как стая животных, побежали к морю. Запыхавшись, мы добежали до песка и одетыми бросились в воду, а оттуда молча созерцали горизонт*¹.

По рассказам вернувшихся, советская администрация рассчитывала, что пребывание в одесской курортной зоне даст им возможность частично окрепнуть после пребывания в плену; но не исключено, что она собиралась репатриировать бывших пленных морем.

Однако существует также мнение, что причиной задержки репатриации офицеров являются политические соображения, связанные с выборами 2 июня 1946 г. в Учредительное собрание и с референдумом. Своими рассказами о плене и о роли, которую играли эмигранты-коммунисты в пропагандистской работе, офицеры могли повредить ИКП².

Уже в ноябре 1945 г. под влиянием негативного эффекта рассказов первых репатриантов Тольятти на встрече с послом Костылевым просил вернуть офицеров раньше солдат, так как большинство офицеров посещало курсы, где велась антифашистская пропаганда и где они прониклись демократическими идеями, демонстрируя «более ответственное отношение к судьбе Италии»³. На самом деле к тому времени коммунистический лидер не предполагал, что как раз среди офицеров оказались самые ярые антикоммунисты, и этот факт привлек внимание даже военного Министерства. В записке, направленной 28 января 1946 г. военным комендантам нескольких городов, оно указало, что до завершения репатриации возвратившимся офицерам «следует воздержаться от заявлений или действий, которые могут повредить тем, кто еще должен репатриироваться»⁴.

Офицеры покинули Одессу 6 июня и, к их большому удивлению и огорчению, снова были отправлены на север, в окрестности Львова, что в 600 км от Черного моря. Затем через Галицию и Карпаты их перевезли в Румынию в городок Марамарош-Сигет⁵, где находились неделю. Там без всяких объяснений задержали пятьдесят офицеров, ранее — на собрании в Одессе — названных «Паоло Роботти и другими членами

¹ *Francesconi*. Указ. соч., с. 172.

² *Gherardini*. *La vita...* Указ. соч., с. 326.

³ *Aga-Rossi, Zaslavsky*. Указ. соч., с. 170.

⁴ *Comunicazione ai distretti militari di Milano, Bolzano, Udine, Bologna, Firenze, Roma, AUSSME, DS 2271/C*.

⁵ Венгерское название; ныне — Сигету-Мармацией в румынском уезде Марамуреш (на границе с Украиной) — *Прим. пер.*

Антифашистской группы лагеря № 160»¹. Не получив разъяснений относительно своей дальнейшей судьбы, офицеры начали голодовку.

Сначала казалось, что голодовка ничего не даст. На наш протест русские возражали довольно глупо, их редкие ответы были нелепыми и смешными. Они принесли кучу извинений: то еще не готовы наши документы, то не хватает железнодорожных вагонов, то, наконец, не было мест в эшелоне, в котором раньше уехали другие².

Причины задержки еще не были ясны. 16 июля ответственное лицо военной комендатуры Удине генерал Дзауди писал:

Причины этих мер неизвестны. По мнению ряда возвратившихся, их нужно искать в доносах самих пленным, которые якобы выдали русским своих сотоварищей-фашистов. Это обстоятельство невозможно проверить. Остается фактом, что, как только эшелон покидал зону, контролировавшуюся Россией, некоторые возвращавшиеся пленные подверглись нападению и избитию товарищей, хотевших тем самым наказать их за враждебное отношение к нашим и рабскую покорность русским во время пребывания в плену³.

Во всяком случае, спустя три дня пятьдесят человек, перевезенных в Вену, возвратились в Италию.

Между тем самая многочисленная группа офицеров прибыла в Австрию, в городок Санкт-Валентин неподалеку от Линца. Полковник Яковлев информировал об этом МИД Италии и сообщил в Управление по делам репатриантов, что «800 бывших итальянских пленным из России, среди которых 600 офицеров», придут в ближайшие дни в Санкт-Валентин для последующей репатриации; поэтому необходимо сотрудничество итальянских официальных лиц для «соблюдения формальностей, связанных с репатриацией»⁴. В течение недели офицеры находились в Санкт-Валентине; затем они были переданы английским

¹ Promemoria per il Gabinetto Difesa-Esercito, avente per oggetto Contegno di ex prigionieri italiani nell'Urss durante la sosta ad Odessa, redatto dal col. Ettore Musco (incaricato alle operazioni di rimpatrio), capo Ufficio stralcio reduci prigionia di guerra e rimpatriati, 2.05.1947, p. 1, AUSSME, DS 2271/C.

² *Gherardini*. La vita... указ. соч., с. 334. См. также *UNIRR*. Rapporto sui prigionieri di guerra italiani... указ. соч. P. 177; *Vicentini*. Указ. соч., с. 316. В Сигете содержался и дон Бертольди; см. его: La mia prigionia nei lager di Stalin. Università della Terza Età delle Valli del Cellina e del Colvera, 2001, с. 86.

³ AUSSME, DS 2271/C.

⁴ Fonogramma del ministro degli Esteri all'Ufficio autonomo reduci dalla prigionia e p.c. al Gabinetto del ministro, 11 giugno 1946, AUSSME, DS 2271/C.

оккупационным властям и 7 июля перевезены в Тарвизио. Путь на родину длился почти три месяца.

В Австрии, в советской оккупационной зоне, несколько офицеров составили документ, который подписали 525 из 552 бывших пленных. Инициаторами обращения стали капитан Мелькборре Пьяцца, старшие лейтенанты Гвидо Мартелли и Альдо Сандулли и лейтенант Манлио Франческони. Как сообщил генерал Мессе, правительство не разрешило распространять его, и призыв был опубликован только спустя два года в единственном номере газеты UNIRR «Russia».

К ИТАЛЬЯНСКОМУ НАРОДУ

Мы, офицеры, сержанты, солдаты, спасшиеся из страшного пленения в России, освобожденные, наконец, от морального и физического принуждения, пересекая священную границу Родины:

Напоминаем нации о многих десятках тысяч наших товарищей, умерших в России от голода, холода, эпидемий.

Призываем Итальянское правительство потребовать и добиться скорейшего возвращения наших соотечественников, которые противозаконно удерживаются в плену при соучастии ряда элементов, которых мы считаем заслуживающими презрения и недостойными называться итальянцами.

Приветствуем республику и Итальянское правительство, с которыми мы объявляем себя солидарными в деле восстановления и морального и материального обновления Италии.

Приветствуем наши семьи, в священном праве переписки с которыми нам длительное время отказывали.

Сознательные свидетели того, что мы увидели и испытали, независимо от политических взглядов любого из нас, повторяем каждому итальянцу:

большевизм, лишенный своей демагогической риторики, представляет собой полицейский и террористический режим, является еще худшей диктатурой, чем та, за свержение которой все вместе боролись итальянцы; это синоним порабощения народа извне и изнутри, тирании одной партии над народом, над семьей, над личностью.

Да здравствует демократическая, свободная и независимая Италия!¹

Достаточно очевидно, что как на отказ от публикации призыва в 1946 г., так и на его публикацию в 1948 г. повлияли соображения политической

¹ Al popolo italiano // Russia, aprile 1948, num. unico, a cura dell'UNIRR, с. 2.

целесообразности. В первом случае правительство попыталось избежать трений с СССР: мы уже знаем, как полгода до этого оно рекомендовало военным комендантам притормозить внешние проявления чувств вернувшихся офицеров; во втором случае, наоборот, публикация призыва была использована в целях антикоммунистической пропаганды в разгар предвыборной кампании.

На следующий день после возвращения офицеров, 8 июля, в 22 ч. 30 мин. московское радио проинформировало итальянский Красный Крест, что репатриированы все военнопленные итальянцы и что последние из них вернутся в Италию в ближайшие дни.

Однако проблема, по крайней мере, для итальянского общественного мнения, была далека от решения; слишком великим представлялся разрыв между численностью вернувшихся и численностью пропавших без вести. 4 декабря Куарони написал в своих заметках:

Итальянское общественное мнение вместо того, чтобы с энтузиазмом откликнуться на этот «акт доброй воли», как того ожидали советские представители, было глубоко встревожено малым числом пленных, которое объявила Москва, по сравнению с 80–100 тыс. человек, пропавших без вести, о чем в свое время сообщило наше командование. В итальянских кругах возникает тревожное подозрение, что наряду с официально объявленным числом пленных в СССР находятся многие тысячи итальянских солдат и офицеров, которых советское правительство не намерено возвращать¹.

Побуждаемое общественным мнением, итальянское правительство продолжало требовать информацию и разъяснения, наталкиваясь при этом на неудовольствие советской стороны в связи с «неблагодарностью» итальянцев: советские люди, разъясняет Куарони, «не в состоянии отдать себе отчет в тех чувствах, которые им чужды в условиях их системы». В декабре представитель МИД СССР Зайкин заявил Куарони, что советские власти репатриацию итальянских военнопленных «отныне считают полностью завершённой»: в данный момент в СССР остается только несколько не репатриированных военных, поскольку они «рассматриваются как военные преступники» (их имен Зайкин не назвал)².

В итоговой записке о репатриантах, переданной 8 января 1947 г. генералу Мессе, тогда начальнику Генерального штаба, утверждалось:

¹ Comunicato dell'ambasciata italiana a Mosca, AUSSME, DS 2271/C, с. 2.

² AUSSME, DS 2271/C.

Многочисленные свидетельства последних прибывших репатриантов совпадают в том, что, за исключением 34-х военнослужащих, о которых упоминалось в п. 2, в России больше нет итальянских пленных. Только в туманных непроверенных сообщениях говорится о значительно большем числе пленных, удерживаемых на удаленных территориях¹.

4. Возвращение в Италию

Для многих вернувшихся во время репатриации наступило время сведения счетов с теми, кто в плену принимал участие в пропагандистской работе. В докладе Комиссии по репатриации пленных из СССР полковник Этторе Муско сообщал, что 7 июля 1947 г. в Арнольдштайне (Австрия), он принял «551 младшего офицера, все из ARMIR» и «176 сержантов и рядовых, из которых ветеранов ARMIR только около сорока; во время пересадки возник ряд конфликтов между массой офицеров и примерно двумя десятками из них, кто посещал курсы коммунистической пропаганды (таковых было еще с двадцать, но их оставили в покое)». Подвергшихся нападению офицеров

обвиняли в том, что они: во время пребывания в плену попустительствовали советской администрации и доносили на своих товарищей; задержали в Сигете 50 своих товарищей, которым нанесли ущерб своими действиями из страха, что они каким-то образом им отомстят; привезли в Италию пропагандистские коммунистические материалы, в то время как их товарищи подверглись обыску и лишились всего².

Благодаря «прямому энергичному вмешательству подполковника Траины и шести агентов общественной безопасности из состава конвоя» при столкновениях удалось избежать тяжелых последствий: «десяток офицеров» были избиты и двух из них, которые получили явные травмы, поместили «по их просьбе в больницу в Удине»³. Одиннадцать офицеров, ставших «объектом особенной неприязни и гнева товарищей», поместили в отдельный вагон, где их сопровождали упомянутые Муско и Траина. В Тарвизио, чтобы избежать новых стычек, полковник Муско приказал войти в вагон пяти карабинерам; по прибытии в Удине офицеры, подвергавшиеся опасности, были размещены в комнатах военной комендатуры

¹ Nota per il signor maresciallo d'Italia Messe, 8.01.1947, указ. соч.

² Musco E. Relazione sul rimpatrio dello scaglione prigionieri italiani reduci dalla Russia presi in consegna il 7 luglio u.s. ad Arnoldstein (Austria), 14.07.1946, AUSSME, DS 2271/C.

³ Там же.

и получили приказание «не вступать в контакт с военными, у которых есть причины ненависти к ним»¹.

В сообщении Комиссии по репатриации, поступившем несколько дней спустя в Комиссию по опросам офицеров, возвратившихся из России (работала в Лечче²), отмечалось:

Складывается впечатление, что они подозреваются в самых тяжелых проступках; но есть и другие (в целом примерно 40 человек), которых, хотя они не стали жертвой гнева своих товарищей, при опросах обвиняют в аналогичных поступках. Территориальные комендатуры Милана, Флоренции, Неаполя и Рима предупреждены, что офицеры, о которых идет речь, должны быть подвергнуты специальному допросу и что их следует избавить от имеющих свои причины, но незаконных нападений. Необходимо, чтобы упомянутая комиссия обратила внимание на вышеизложенные факты и, если необходимо, расширила и углубила опросы относительно поведения подозреваемых в плену и во время возвращения на родину, тем более что среди них есть офицеры, находящиеся на действительной службе³.

Во время репатриации, как офицеры, так и солдаты подверглись допросам относительно их пребывания в плену; в частности, офицеры должны были рассказать в военных комендатурах о поступках и поведении соотечественников в плену: это называлось «процедурой отсева». Эти допросы тоже давали возможность свести счета за события в плену с людьми, которые сотрудничали с советской администрацией, посещали антифашистские курсы или неправильно вели себя по отношению к товарищам.

Так, например, лейтенант V.G. в докладе, представленном комендатуре военного округа Лоди 10 августа 1946 г., сообщает, что в 160-м лагере «с 20 октября 1943 г. и до возвращения на родину были зафиксированы действия отдельных итальянских господ офицеров, которые унижали и порочили честь большинства итальянских офицеров, находившихся в указанном лагере»⁴. «Несмотря на то», что эти офицеры, «как и другие, страдали от голода и переживали трагические дни плена», они

¹ Там же.

² В Лечче был устроен центр по приему ветеранов; об этом и иных центрах см.: Estratti dalla «Relazione sull'attività svolta per il rimpatrio dei prigionieri di guerra ed internati. 1944–1947 // Rainero R. H. I prigionieri italiani nel mondo / I prigionieri militari italiani durante la seconda guerra mondiale... указ. соч., с. 2–12.

³ AUSSME, DS 2271/C. С. 1 и далее.

⁴ AUSSME, DS 2271/C.

сгруппировались «вокруг русских политических комиссаров и итальянских политэмигрантов, стремясь привить солдатам и офицерам прокоммунистические и антиитальянские чувства. <...> В статьях, записках, лекциях этих элементов просматривается не любовь к родине или итальянский дух, а полное подчинение русской коммунистической партии»¹.

Агрессия, которой подверглись эти офицеры при возвращении в Италию, стала для ветеранов излиянием ожесточения, накопившегося в плену.

Изнурительные допросы, угрозы, страх отбыть в неизвестном направлении, штрафные лагеря, заявление при отправке из лагеря на родину, в котором [обвиняемые офицеры] прославляли и благодарили советское правительство за гуманное обращение с итальянскими военнопленными <...>, а во время репатриции задержание 50 офицеров-антикоммунистов — всё это вызвало такое душевное состояние, которое на станции Арнольдштайн на австрийской границе вылилось в наказание преступников и стукачей»².

К докладу был приложен поименный список восемнадцати задержанных офицеров, ответственных за «насилие» и нападения в Арнольдштайне.

Во время допроса 29 июля 1946 г. лейтенант Е. С. (один из пятидесяти задержанных в Сигете) заявил, что избитые офицеры

вели в концентрационных лагерях коммунистическую пропаганду; во всем (опубликование статей в газете для пленных «Alba», в лагерных стенгазетах) они старались представить массу итальянских солдат и офицеров, не одобрявших эту пропаганду, фашистами и противниками демократии»³.

В связи с допросами, враждебностью и подозрительностью, с которыми сталкивались офицеры-антифашисты, вмешалась «Unità». В редакционной статье генуэзского издания от 28 августа говорилось:

Один офицер имел при себе книги о литературе, экономике, философии. Только по той причине, что среди этих книг были марксистские, ему предложили оставить свой чемодан и продолжить поездку без книг. После отказа его взял в Удине под наблюдение агент службы безопасности, и он был задержан военными властями по невыясненным причинам, тогда как все другие могли следовать дальше. И если другие офицеры должны были лишь выполнить определенные формальности, то

¹ Там же.

² Там же.

³ Допрос от 29 июля 1946 г., Aussme, DS 2271/C.

по офицерам, которые объявили себя антифашистами или коммунистами (а у военных властей, как ни странно, уже имелись их списки), «стреляли очередями» из вопросов и разбирательств и не хватало совсем немногого, чтобы обвинить их в измене «фашистской вере». Подобные факты возникали непрерывно, что заставляет задуматься. 8 июля, когда из России прибыл другой эшелон, офицеры-антифашисты снова подверглись дурному обращению и марксистские книги, которые были у них, сожгли. Что происходит в головах военных в Тарвицио и Удине? Может, в следующий раз понадобится доставить к ним репатриантов, в чемоданах которых будут книжечки, изданные в серии «Mistica fascista»?¹

Обвинения газеты «Unità» были решительно отвергнуты ответственным лицом из территориального военного командования Удине генералом Армеллини. В заявлении от 9 сентября он ответил, что «по возвращении каждого военнослужащего подробно опрашивают относительно обстоятельств взятия в плен, его поведения в этих обстоятельствах и во время нахождения в плену, а также о конкретных дисциплинарных и уголовных наказаниях, которые ему известны, с целью установить возможную ответственность за это его самого или других лиц². Что касается досмотра багажа, то военные власти не имели к нему никакого отношения, так как досмотр «находится в компетенции таможни и службы общественной безопасности. Учитывая, что основная масса офицеров вернулась в лохмотьях, то, конечно, работникам таможни и службы безопасности странно было увидеть некоторых людей с багажом и они, естественно, захотели в него заглянуть»³. Вместе с тем Армеллини допускает, что «по сигналу ряда репатриантов», а также по каким-то неясным мотивам «у одного офицера конфисковали две книги с советской пропагандой (одна на русском, другая на румынском языке)». Однако в результате личного вмешательства коменданта казармы оба тома были ему возвращены, и офицер смог без помех продолжить свой путь⁴.

То, что у некоторых возвращавшихся был багаж и что они характеризовались как сотрудничавшие с советской администрацией, подтверждается в докладе МИД Италии, где помимо прочего читаем:

¹ I reduci dall'Urss. Ingiustificati maltrattamenti agli ufficiali antifascisti // L'Unità, 28 agosto 1946.

² Reduci dall'Urss, prot. n. 819/«I», AUSSME, DS 2271/C.

³ Там же.

⁴ Там же.

Итальянские пленные, вернувшиеся из России, легко могли указать на сотрудничавших: во-первых, у них на пилотках была красная полоска, но главное — состояние здоровья и экипировка (у них имелся багаж) отличали их от остальных, которые вернулись в Италию из голодавшими, грязными, оборванными, в башмаках на деревянной подошве. На некоторых сотрудничавших указывали как на лагерных палачей, но, в отличие от того, что происходило с такими палачами, вернувшимися из немецких лагерей, которых вскоре задерживала полиция, с вернувшимися из советских не происходило ничего подобного¹.

5. Пленные итальянцы, удержанные в Советском Союзе

1 января 1947 г. в статье *Пленные, оставшиеся в России*, опубликованной в газете «*Avvenire d'Italia*», министру послевоенной помощи коммунисту Эмилио Серени было заявлено, что в Советском Союзе удерживаются, по меньшей мере, тридцать итальянцев. Днем ранее Серени, исходя из полученных из Москвы сообщений, утверждал, что «в России больше нет итальянских военнопленных, за исключением каких-то затерявшихся в каком-нибудь лагере».

«*Avvenire*» возразила: количество итальянцев, остающихся в России, напротив, отлично известно советской стороне, и они удерживаются там по политическим мотивам. Итальянцы имеют право это знать, и необходимо успокоить семьи, которые узнали от возвратившихся пленных, что их близкие живы. 13 января две статьи на эту тему опубликовала «*Gazzetta veneta*», настаивая, чтобы Серени потребовал сведений о людях, которые удерживаются в Советском Союзе, у «товарищей» Паоло Роботти, Дино Готтарди и Джузеппе Оссола — эмигрантов, находившихся в СССР (двое последних вернулись)².

На самом деле в то время не было никаких точных данных, как не было их и ранее: информация, которую получало итальянское правительство, не заслуживала доверия и не соответствовала действительности.

В мае 1945 г., еще до того как началась репатриация, Круглов сообщил Молотову, что «количество итальянских военнопленных, преданных суду за злодеяния против мирного населения, составило 17 человек, в т. ч. один генерал, 4 офицера, 12 сержантов и рядовых»³. 24 июля 1946 г. Автономное управление по делам вернувшихся из плена и репатриирован-

¹ Notizie relative ai prigionieri italiani in Russia, с. 2, AUSSME, DS 2271/C.

² I prigionieri italiani ancora in Russia // *Gazzetta veneta*, 13.01.1947.

³ Nota del 25.05.1946, указ. соч., с. 294 об.

ных направило в МИД список 29 итальянских пленных, покинувших 160-й лагерь и группами направленных в другие лагеря, номера и местонахождение которых неизвестны. В ноте посольства Италии в Москве от 4 декабря говорилось: «Согласно заявлению руководителя отдела [репатриации] в Италии, в СССР задерживается группа военных преступников; их список советские власти предоставят в конце судебного процесса. Речь идет якобы только о группе из тридцати человек»¹.

30 декабря 1946 г. военное Министерство направило в Министерство иностранных дел документ со *Списком военнослужащих, удерживаемых в СССР*, пояснив, что

*информация, поступившая от большой массы репатриированных, подтверждает сообщения, опубликованные в газетах и сделанные вернувшимися военнослужащими, которые согласны в том, что в России, за исключением 34-х лиц, указанных в едином списке, больше нет других пленных. В то время как это Министерство вновь привлекло внимание Союзной подкомиссии к вопросу, каким образом смогут союзные органы узнать о судьбе пропавших пленных, само упомянутое Министерство хочет установить, какие шаги можно предпринять, чтобы получить, по крайней мере, точную информацию о 34-х военнослужащих, о которых точно известно, что они удерживаются в советских руках*².

Та же цифра фигурировала в сообщении полковника Этторе Муско от 2 мая 1947 г.: «из-за доносов» их товарищей, писал Муско, «очень многие пленные страдали от преследований, и примерно сто человек остались в концентрационных лагерях (после частичной репатриации это число сократилось до известных нам 34-х). Кое-кто, как, например командир роты Джованни Дель Альо, был задержан прямо в Одессе»³.

Военное Министерство представило следующий список (мы добавили даты возвращения, если их удалось установить):

¹ Comunicazione prot. n. 13929/223, с. 5, AUSSME, DS 2271/C. Этой темы касалось недавнее исследование, которое, впрочем, лишь частично опирается на советские документы и игнорирует документы итальянские; см.: *Bigazzi F., Zhirnov E. Gli ultimi 28. La storia incredibile dei prigionieri di guerra italiani dimenticati in Russia*, Milano, Mondadori, 2002.

² Prigionieri italiani non restituiti dall'Urss, prot. n. 2300707/II, all. 1. AUSSME, DS 2271/C.

³ Contegno di ex prigionieri italiani nell'Urss durante la sosta a Odessa, redatto dal col. *Musco*, указ. соч., с. 1. Дж. Дель Альо являлся центурионом чернорубашечников «Montebello».

дивизионный генерал Эмилио Баттисти, бывший командир дивизии «Кунезнсе», репатрирован 6 мая 1950;

бригадный генерал Этвольдо Пасколини, бывший командир дивизии «Виченца», 6 мая 1950;

бригадный генерал Умберто Риканьо, бывший командир дивизии «Юлия», 6 мая 1950;

подполковник Никола Руссо, 12 февраля 1954;

майор Альберто Масса, 12 февраля 1954;

майор Джузеппе Дзиджотти, 12 февраля 1954;

капитан Джованни Дель Альо, лагерь 36/15, Одесса;

капитан Джузеппе Фазано;

капитан Франко Маньяни, 12 февраля 1954;

капитан Гвидо Музителли, 12 февраля 1954;

старший лейтенант Иво Эмет, лагерь 36/15;

старший лейтенант Готто [?]

старший лейтенант Джузеппе Иво Иоли, репатрирован 12 февраля 1954;

старший лейтенант Данте Иовино, карабинер, 12 февраля 1954;

старший лейтенант Сальваторе Пенниси, карабинер, 12 февраля 1954;

старший лейтенант военврач Энрико Реджинато, 12 февраля 1954;

старший лейтенант Итало Станьо, умер в лазарете в Киеве в сентябре 1947;

старший лейтенант Доменико Суппа, чернорубашечник, дивизия «Тальяменто», репатрирован 11 июля 1950;

старший лейтенант капеллан Пьетро Аладжани, 14 января 1954;

старший лейтенант капеллан Джованни Бреви, 14 января 1954;

лейтенант Лео Барбеттани, 81-я пехотная дивизия «Торино»;

лейтенант Джузеппе Канджано, лагерь 36/15;

лейтенант Джулио Леоне, дивизия «Юлия», находился в госпитале в Суздале, нетранспортабелен;

старший сержант Спартако Спольверони, репатрирован 11 июля 1950;

сержант Антонио Моттола, 11 июля 1950;

старший капрал Феличе Болелла (Боэлло), 11 июля 1950;

капрал Джино Каневари, 11 июля 1950;

рядовой Марио (Эдоардо) Делла Рокка (Боска), 6 июня 1950;

рядовой Джованни Озелла, лагерь 36/15, 11 июля 1950;

рядовой Джакомо (Джованни) Пассафьянко (Пассафьюме), 11 июля 1950;

рядовой Антонио Сантаньелло, 11 июля 1950;

рядовой Джузеппе (Джакомо) Сардиско, 11 июля 1950;

*рядовой Людовико Скальотти, 14 января 1954;
рядовой Лелио Цоккаи, 11 июля 1950.*

К этому списку следует добавить сержанта Гуэррино Баки, репатрированного 11 июля 1950 г., сержанта Чезаре Шелленбринда из Трентино-Альто-Адидже, завербованного немцами, который сумел репатрироваться вместе с итальянцами 11 июля 1950 г., и старшего лейтенанта Энцо Болетти, ранее интернированного немцами¹. Итак, 37 пленных еще находились в СССР после последней репатриации 1946 г.; один из них умер в 1947 г.; шестнадцать человек были репатриированы в 1950 г.; двенадцать плюс Болетти вернулись на родину в 1954 г.; о семи пленных информации нет.

В русских документах сейчас указываются разные цифры. Есть два сообщения, от 6 и 8 марта 1947 г., подписанные генералом Петровым, где содержатся последние на тот момент данные о количестве итальянцев в советских лагерях. Согласно первому, на 1 марта в них были заключены 47 военнопленных и интернированных с итальянским гражданством. 8 марта в сообщении Молотову относительно числа пленных из немецкой армии Круглов указывает на положение, сложившееся к 1 февраля 1947 г., и подтверждает ранее приведенные данные: в советских лагерях находятся 47 пленных итальянцев².

Как говорилось выше, в сентябре того же года один человек умер и 16 репатриировалось в 1950 г.; следовательно, в Советском Союзе должны было оставаться 30 пленных итальянцев. Но согласно двум документам советского МВД, на 1 марта 1952 г. там насчитывалось 25 итальянских пленных, среди которых — 10 офицеров и 15 солдат и сержантов, а также один интернированный — вероятно, Энцо Болетти. Так что всего

¹ У Энцо Болетти сложилась уникальная судьба: уйдя на фронт добровольцем, сражался в Югославии, после 8 сентября 1943 г. был интернирован немцами в Польше, бежал и сражался в отрядах польского сопротивления, а с приходом советских войск в апреле 1945 г. был отправлен на Лубянку и оттуда (после полтора лет допросов) в различные лагеря; освобожден и репатриирован в 1954 г.

² Справка ГУПВИ МВД СССР о военнопленных итальянцев в лагерях МВД по состоянию на 1 марта 1947 г., 6.03.1947 // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 2665, л. 263 и далее. Оригинал. Совершенно секретно; сопроводительное письмо С.Н. Круглова на имя В.М. Молотова к справкам о количестве военнопленных бывшей немецкой армии, содержащихся в лагере МВД, спецгоспиталях и батальонах МВС СССР, по состоянию на 1 февраля 1947 г. и о количестве освобожденных из них в течение 1941–1947 гг., 8.03.1947 // ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 172, л. 133–136. Копия. Совершенно секретно.

26 человек, числившихся «осужденными»¹, — если предположить, что четверо пленных итальянцев умерли между 1947 и 1952 гг.

Если в 1952 г. в советских лагерях находились 26 итальянцев и 13 были репатриированы в 1954 г., то, значит, нам неизвестны имена и судьба остальных тринадцати.

Особого разговора заслуживают причины, по которым удерживались эти люди. О нескольких, в том числе о военвраче старшем лейтенанте Реджинато, мы знаем, что в январе 1945 г. они были помещены в штрафной лагерь в Суслонгере (№ 171) в Марийской автономной республике по обвинению в «реакционности» и «антисоветской деятельности»². Дон Бертольди рассказывает об одном эпизоде этой «антисоветской деятельности», развернутой в сюздальском лагере, когда главными действующими лицами «нашумевшего факта» стали дон Бреви, капитан Франко Маньяни и военврач Куарти. Эти трое

вместе с еще одним пленным нашли в книге из библиотеки фотографию Муссолини на всю страницу. Маньяни пользовался большим авторитетом среди офицеров — его уважали за мужественное поведение в сражении у Калитвы. <...> Фотографию из книжки вырвали; Маньяни и его товарищам вдруг пришла в голову странная идея пронести ее по лагерю как некий религиозный образ, создав других сочувствующих. Как если бы это была процессия, они, дефилируя, пели фашистский гимн. Возник своего рода casus belli. Русская комендатура немедленно приняла в отношении организаторов решительные меры, отправив их в лагерь в Средней Азии, где они оставались до репатриации, произошедшей семь лет спустя после нашей»³.

Однако, как указывается в документах, которыми обменивались советские и итальянские дипломаты, большинство удерживавшихся в СССР обвинялось в шпионаже и военных преступлениях. Во многих случаях не было даже судебного процесса, а если и был, то фарс: свидетельские показания давали только советские гражданские лица,

¹ См. об этом две записки полковника И. С. Денисова о военнопленных («осужденных и не осужденных») от 30 марта и 7 апреля 1952 г. в: ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 338, л. 131–132, 134–135. Совершенно секретно.

² Отделы 3 и 7 лагерей в Караганде и Суслонгере были выделены для «особых категорий военнопленных»; см.: Приказ НКВД СССР № 001130 о содержании особых категорий военнопленных в лагерях НКВД №№ 99 и 171, 9.09.1944 // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д.

701, л. 153–165. Оригинал. Совершенно секретно.

³ Bertoldi. Указ. соч., с. 45.

и они, казалось, помнили период «чисток». Процессы против так называемых «военных преступников» проходили в 1948–1950 гг. в военном трибунале в Киеве и закончились приговорами, которые варьировались от десяти до двадцати пяти лет каторжных работ за «антисоветскую деятельность»¹.

Вот несколько примеров. Старший лейтенант карабинеров Сальваторе Пеннизи был предан суду 27 июля 1948 г. по обвинению в массовых арестах советских граждан на оккупированной территории. По версии обвинения, Пеннизи со своими подчиненными создал «суровый фашистский режим репрессий по отношению к советским военнопленным», захваченным итальянской армией. Его приговорили к двадцати пяти годам каторжных работ с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере².

Старший лейтенант Джузеппе Иоли был обвинен в расстреле в июле 1942 г. советских граждан, сопротивлявшихся разграблению их имущества, которое, как гласит приговор, Иоли и его солдаты регулярно отправляли в Италию. Опираясь на свидетельства русских гражданских лиц, обвинение доказало вину подсудимого, и суд приговорил его к смертной казни, затем замененной на 25 лет каторжных работ.

Военная коллегия Верховного суда в Киеве обвинила военврача старшего лейтенанта Энрико Реджинато в применении насилия против советских граждан: он приказал уничтожить детский приют в Енакиеве; участвовал в расстреле нескольких людей, приговоренных к смерти; вывез хирургическое оборудование из енакиевской больницы и изнасилował нескольких советских гражданок. Он был приговорен к двадцати годам «принудительных работ в исправительно-трудовом лагере». Старший лейтенант Реджинато подготовил обжалование, но не смог его подать, так как документ отобрали до начала апелляционного процесса, а его «защитник» использовал обжалование для того, чтобы усовершенствовать и сделать более правдоподобными ложные показания свидетелей обвинения³. Впрочем, как показывают и другие случаи (с подполковником

¹ См.: Приговор имени Союза Советских Социалистических Республик, Военный трибунал Киевской обл., 27.07.1948. Совершенно секретно // AUSSME, «Archivio Resta».

² Там же, 2.02.1950.

³ Акты обвинения против лейтенанта медика Энрико Реджинато, Ассоциация военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы», Archivio P. Resta (источник любезно указан ветераном Русской кампании Паоло Реста, бывш. офицером военно-информационной службы, SIM).

Руссо, доном Бреви), обжалование приводило лишь к подтверждению приговора¹.

Капитан Франко Маньяни, обвиненный в насилии над гражданским населением на оккупированной территории, по приговору от 28 февраля 1950 г. был осужден на пятнадцать лет каторжных работ «в исправительно-трудовом лагере»².

Майора Массы-Галлуччи обвинили в шпионаже: 19 марта 1950 г. в отношении него и других пленных итальянцев было возобновлено следствие.

Мне предъявили и другие обвинения, не обязательно персональные. В дело пошло краткое изложение доклада, составленного следственной комиссией об ущербе и насилиях, причиненных населению донской области во время войны. В докладе говорилось о пожарах и разрушениях на миллиарды рублей, о тысячах убитых детей и женщин — страшный список. Судья сообразовал сообщить мне, что не считает меня единственным ответственным за все эти преступления, но что список необходим, так как он поможет суду представить общую картину. После этого следствие объявили законченным»³.

Как и другие, Массы-Галлуччи попросил найти заслуживающего доверия адвоката и обратиться в итальянское посольство в Москве, чтобы оно помогло отыскать итальянских офицеров, которые могут дать показания в его пользу. Когда дело было направлено для проверки военному прокурору, Массы-Галлуччи написал ему, что вплоть до конца 1949 г. ему не предъявили никакого обвинения и что в утверждениях следователей искажены факты⁴.

Наконец мне сообщили, что процесс начнется 14 февраля. Мне дали прочитать обвинительное заключение, и я удостоверился, что, как я и предвидел, все следователи исказили факты мне во вред. Ночью накануне суда я не мог спать, а утром, как только встал, отказался от еды»⁵.

Массы-Галлуччи был приговорен к смертной казни, замененной на двадцать лет лагерей.

В 1950 г. все так называемые «реакционные» офицеры снова оказались в заключении в Киеве. В лагерь № 7062/11 поместили также трех

¹ Верховный суд СССР. Определение № 2–0755. Военная коллегия Верховного суда СССР, 2.03.1950. Секретно; Верховный суд СССР. Определение № 2–02261. Военная коллегия Верховного суда СССР, 23.03.1950. Секретно.

² См.: Приговор имени..., 28.02.1950. Совершенно секретно.

³ *Massa Gallucci*. Указ. соч., с. 160.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 171.

генералов, которых должны были быть репатриировать. В ноябре приговоренных к каторжным работам перевели в трудовой лагерь в Провиданке, неподалеку от г. Сталино (совр. Донецк).

После смерти Сталина 5 марта 1953 г. Президиум Верховного совета принял административное постановление об освобождении 2.219 иностранных граждан, осужденных военными трибуналами в СССР и за границей (в Германии, Австрии, Венгрии). Советское руководство «прекрасно отдавало себе отчет в том, что приговоры, вынесенные многим военнопленным, основаны на недостаточных и косвенных доказательствах». Таково было, по сути, содержание записки, которую Берия направил Молотову в Президиум ЦК КПСС 14 апреля — месяц спустя после смерти Сталина. На ее основании создали специальная межведомственная комиссия, куда вошли чиновники из МИД, МВД и Генеральной прокуратуры. Комиссии поручили в течение месяца пересмотреть приговоры, вынесенные тем, «для которых дальнейшее заключение не считается более необходимым»¹. Из записки следует, что многих приговоренных осудили во время Второй мировой войны за «незначительные преступления» и что в данный момент они не представляют «серьезной опасности» для советского государства. Комиссия предписала «безотлагательно» освободить 16.547 осужденных иностранцев, среди которых — 6.162 военнопленных и интернированных (13 генералов, 3.037 офицеров, 2.673 сержантов и солдат).

В лагерях для военнопленных оставалось 12.231 человека, в лагерях МВД — 7.804, а в местах заключения в Восточной Германии и Австрии — 5.045.

Репатриация освобожденных пленных началась в октябре 1953 г. Пленные из ARMIR, осужденные при сталинском режиме советскими трибуналами по военным преступлениям, смогли вернуться в Италию только в 1954 г., после двенадцати лет плена и заключения.

Старший лейтенант Реджинато так вспоминал о последних месяцах, проведенных в лагере:

В Рождество 1953 г. наша маленькая группа выживших по-прежнему находилась в трудовом лагере недалеко от Сталино, наша жизнь протекала монотонно, без перспектив, без надежд на завтрашний день. Мы не отваживались обмениваться пожеланиями, как случилось по случаю Рождества в предыдущие годы — настолько давила на

¹ Докладная записка Л.П.Берии и В.М.Молотова в ЦК КПСС о пересмотре судебных приговоров на осужденных к лишению свободы иностранцев, Москва, 14.04.1953 // ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 464. Совершенно секретно.

нас неизвестность. Майор Дзиджотти, дон Бриви и солдат Скальботти уехали в июне, но мы еще не знали, вернулись ли они в Италию. Из доходивших до лагеря слухов мы узнали, что капеллана и его группу, когда они прибыли на границу, вернули в Киев. <...>

5 февраля мы получили приказ готовиться: всех нас поместили в изолятор лагеря № 6114 в г. Сталино. На следующее утро советский майор, который сопровождал полковника, контролировавшего все лагерь этого района, официально сообщил нам, что через два дня мы отправимся в Вену, где будем переданы итальянским дипломатическим представителям. <...> В Вене я встретился с представителями итальянских властей — с послом и дипломатическими работниками. То была первая встреча с Родиной. Взрыв чувств и эмоций. Следующей ночью на станции Виллако бесконечные объятия с моей сестрой Эудженней и с племянницами. Мои слезы перемешиваются с их слезами. На границе до нас доносятся салют Итальянской армии из альпийских фортов и звуки праздничных фанфар военного оркестра. Радость этой встречи заставляет меня забыть о перенесенных страданиях, унижениях, беззакониях, муках. Но когда мы прибыли в Удине, нас осаждают матери, сестры, жены, отцы, братья солдат, пропавших в России, на лицах которых написано беспокойство. Дрожащие губы называют Имя: «Вы его знали? Видели? Где он умер? Как он умер?» Среди неудержимых взрывов рыданий замечаю обхватившие меня руки, они протягивают мне выцветшие фотографии цветущих и крепких парней, которые никогда не вернуться. <...> Потом поездка на машине в Тревизо <...>. Толпа друзей сопровождает меня до Санта-Бона. Вхожу в сад у моего дома, меня несет вперед какая-то сила, и через несколько мгновений я оказываюсь в объятиях матери, страдавшей двенадцать лет, ожидая моего возвращения¹.

6. Отношение ИКП к репатриации пленных

По окончании войны секретариат ИКП получил множество писем от родных и близких пропавших в России солдат и офицеров. Они просили сообщить что-либо о дорогих им людях в надежде, что члены ИКП, эмигрировавшие в СССР, вступали с ними в контакт. Просьбы направлялись в руководство партии в Верхней Италии и в ее областные органы; помимо Тольятти больше всего писем было адресовано Лонго и Д'Онофрио. Часто лидеры, среди них Тольятти, перенаправляли просьбы Роботти, который

¹ *Reginato E.* 12 Anni di prigionia nell'Urss. Treviso: Canova, s.d., с. 230, 232, 235 и далее.

подолгу оставался в России и работал с пленными в лагерях. Среди хранящейся в архиве ИКП корреспонденции за 1945 г. есть свидетельства, что отдельные просьбы достигали цели; они также показывают желание коммунистов отвечать быстро. Так, например, 17 июня отец пленного писал из Бассано-дель-Граппа:

Уважаемый господин Лонго,

я получил Ваше любезное послание от 28 числа прошлого месяца и сердечно благодарю Вас за заботу о том, чтобы я получил так долго ожидаемое сообщение о моем сыне <...>, который находится в плену в России. Сблаговолите передать мою благодарность Вашему другу Эдоардо Д'Онофрио вместе с благодарностью моей семьи за его любезное участие. То, что мы узнали о хорошем обращении с пленными в России и об их жизни там, принесло спокойствие в мою семью¹.

7 июня женщина из Сан-Бенедетто-По написала об «огромной радости», которую доставило ей «любезное» письмо от Лонго, — в нем он рассказывал о ее муже². 2 июня социалист из Павии поблагодарил Лонго за сообщение о его сыне, пропавшем в России и добавил: «Я горжусь тем, что мой сын — антифашист: пусть навсегда сохраняются эти благородные чувства, воодушевляющие всю мою семью»³. И действительно, имя этого военнопленного есть в списке офицеров, которые, покидая суздальский лагерь, подписали приветствие советскому правительству.

В последующие годы тон писем решительно меняется. В ходе репатриации итальянцы должны были понять, как трагически мало осталось выживших. Поэтому после возвращения первых военнопленных возросло число требований предоставить информацию, где нередко содержалось обвинение ИКП в том, что она тоже несет ответственность за эту беду: итальянские коммунисты не сделали ничего, чтобы помочь соотечественникам, но пропагандировали достоинства системы, оставивших пленных умирать от голода и холода.

В мае 1947 г. секция компартии CARS (Комитет помощи репатриантам и пострадавшим), предложила национальному секретариату партии, чтобы одно из этой массы писем прочитал лично Тольятти — имелось в виду письмо врача из Неаполя Коррадо П. Тот писал, что в ответ на просьбу сообщить что-либо о судьбе его отца, майора, отправившегося в Россию

¹ Fondazione Istituto Gramsci, Archivio «M», MF 254, fascicolo «Notizie prigionieri».

² Там же.

³ Там же.

в составе ARMIR, он пять месяцев спустя получил типовое письмо, отпечатанное на ротаторе, где партия отказывалась заниматься этим вопросом и давала общие советы насчет поиска информации (в Министерстве иностранных дел), «отлично зная, что официальные пути ни к чему не приведут». Хотя неаполитанец и заявлял о своей симпатии к ИКП, он не мог не добавить, что

обращение с итальянскими пленными из ARMIR было, помимо всего прочего, большой политической ошибкой советской стороны. Я, который говорил с сотней вернувшихся, офицеров и солдат, который присутствовал на встречах с их семьями и с простыми людьми, могу вам сказать, что никакая враждебная пропаганда не могла нанести такой вред политике коммунистов, как этот факт, теперь известный всем¹.

На это письмо Роботти ответил 16 мая. В утверждениях врача, возражал он, чувствуется влияние известного рода газет, которые спекулируют на проблемах ARMIR. Многие уходили с мечтой о славе и о легких лаврах победы. Поэтому эти же люди, вернувшись из плена после поражения, естественно, повысили «тональность» своих рассказов о «страданиях» и даже придумали пытки, которых никогда не было — то есть заменили воображаемую славу победы славой придуманного мученичества².

Касаюсь вопроса о том, что репатриция может сыграть на руку противникам ИКП, Роботти отвечал: «люди прекрасно знают, что не ИКП обречла ARMIR на бессмысленные жертвы на советской территории, и знают также, что Советский Союз должен был, прежде всего, думать об обороне любыми средствами и поэтому не мог предвидеть, какая огромная масса вражеских войск сложит оружие»³. На требование непосредственно обратиться к советскому правительству Роботти ответил:

Верно, в СССР как-никак правят коммунисты, и, вероятно, мы могли бы вступить с ними в контакт, но то, что оказалось невозможным, стало причиной кампании, непрерывно ведущейся против нас на основе утверждений о нашей «зависимости» от «иностранного правительства». Представьте себе на минуту: если бы мы сделали хоть шаг, который бы позволил ее подтвердить, какой бы поднялся лай! Поэтому что в нашей стране такие вещи, к сожалению, еще происходят⁴.

¹ Fondazione Istituto Gramsci, Archivio Pci, Corrispondenza Togliatti, MF 144, с. 1739–1741; письмо от 7.05.1947, prot. Cars n. 6764, с. 1739.

² Там же, с. 1742.

³ Там же, с. 1743.

⁴ Там же.

14 ноября 1947 г. «поймав по радио», что Тольятти должен отправиться в Россию «для выполнения важной миссии», вице-президент Национальной ассоциации родственников пропавших во время войны обратился к нему с просьбой поискать сведения о пленных, еще остающихся в СССР. Тольятти в своем ответе совершенно проигнорировал эту просьбу:

Любезная госпожа,

сообщение о том, что я должен отправиться в Москву, — ложь. Это пример той привычной лжи, которой обманывают честных людей, как обманывают их сообщениями, что в России всё еще есть пропавшие итальянские солдаты. Всё это является частью кампании, которая ведется с целью дезориентировать народ и снова повернуть его в катастрофу, подобную той, что обрушилась на наших несчастных братьев, посланных умирать в Россию. Если ваша Ассоциация хочет сделать что-то хорошее, помогите нам разоблачить ответственных за эту кампанию. Это единственный способ избавить других матерей от страданий в будущем, от боли, которую перенесли вы. Сердечный привет¹.

В защиту деятельности Национальной ассоциации родственников пропавших во время войны выступил профессор Лучо Казати, который 19 ноября 1947 г. написал Тольятти:

Дорогой товарищ,

прошу тебя, передай мне пару слов, чтобы можно было убедиться, правда ли что, как мне говорили, ты планируешь скоро отправиться в Россию. Не знаю, собираешься ли ты поехать в частном или официальном порядке, — во всяком случае, вице-президент Лиги матерей пропавших в России [итальянцев] товарищ Калькатерра просит тебя — при моем посредничестве — о следующем: если ты туда отправишься, сделай всё возможное — во-первых, как итальянский гражданин, во-вторых, как коммунист, — чтобы узнать, остались ли еще в России бывшие итальянские военнопленные. Этих несчастных затащили туда те, которые хотели войны, но не сумели ее вести, которые, вернувшись из России, пытались ее опорочить по причинам, от меня скрытым (но я их отлично вижу), и рассказывали, как ужасно они страдали в России, и т. д. и т. п. Но всего лишь их присутствие в Италии и хорошее физическое состояние опровергли их лживые рассказы о мучениях и дурном обращении. Поэтому, сделай милость, сообщи мне, если сможешь, письмом, едешь ли ты в Россию и сможешь ли заняться

¹ Там же, с. 1173.

тем, о чем здесь сказано. Если ты не едешь, постарайся установить связи с советскими компетентными властями. Благодарю и братский привет.

Проф. Лучо Казати¹.

Тольятти ответил ему в тех же выражениях, опровергнув сообщение о своей якобы намечающейся поездке в Москву и посоветовав не «доверять этим ничтожным сообщениям», а, скорее, «разоблачать людей, ответственных за все эти кампании» (28 ноября 1947 г.)².

Как легко видеть, именно вследствие напряженной политической борьбы в тот период ИКП стремилась решительно уйти от вопроса о пленных, не только отрицая свое участие в их судьбе, но и называя полемику о пленных «кампанией, которая ведется с целью дезориентации народа». Кроме всего прочего, с июня 1947 г. ИКП не участвовала в правительстве: еще одна причина, чтобы остаться в стороне. 22 ноября, отвечая на письмо, где содержалась просьба дать сведения об одном из пропавших, член секретариата ИКП Массимо Капрара писал, что «вопрос о возвращении пленных находится строго в компетенции Правительства, а сейчас в Москве работает посол Итальянской республики. Если министр иностранных дел не дает ему указаний решить этот вопрос, то делает это по нерадивости или, хуже того, с целью раздувания демагогической антикоммунистической кампании». ИКП, продолжал Капрара, охотно бы вмешалась, но ничего не может сделать, «так как очевидно, что наши отношения с советскими представителями в Италии ничем не отличаются от отношений, которые обычно существуют с представителями других государств»³.

С другой стороны, в делах, связанных с пленными, руководители ИКП были бессильны. Об этом свидетельствует тот факт, что о решении относительно репатриации Кремль не предупредил Тольятти и постановление о ее начале, объявленное 25 августа 1945 г., оказалось для лидеров партии неожиданностью.

Стоит заметить, что Тольятти был озабочен воздействием, которое могут оказать рассказы вернувшихся: свидетельства о голоде, об условиях жизни русских крестьян, о бедности, увиденной пленными своими глазами, мало соответствовали пропаганде о Стране Советов. В тот же день, когда объявили о репатриации, Тольятти в беседе с послом Костылевым

¹ Там же, с. 1213.

² Там же, с. 1214.

³ Там же, с. 1399.

призывал его подготовиться к отпору «антисоветской кампании правых деятелей и профашистских элементов»¹.

Действительно, после прибытия первых эшелонов репатриантов их рассказы, проиллюстрированные лагерными газетами, произвели на Тольятти негативное и устрашающее впечатление. Сам вид оборванных пленных наделал много шума и стал предметом ожесточенной политической полемики. 2 июля 1946 г. в интервью московскому радио Роботти заявил, что «определенные итальянские газеты прибегли к бесчестной демагогии, утверждая, что бывшие итальянские пленные в Советском Союзе одеты в лохмотья и разуты»². На самом деле, говорил Роботти, задержка офицеров в Сигете вызывалась как раз необходимостью «привести в порядок их одежду»: «750 солдат и офицеров получили по две новые рубашки; у 93 % имелись также куртки, новые ботинки итальянского покроя и военные брюки, которые должен был выдать Советский Союз, потому что у пленных их не было»³.

Несколько пленных перед отъездом из СССР, в самом деле, получили по рубашке. Рассказывает один из них:

*Кроме поступления почты, мы еще поддерживались благодаря кое-какой новой одежде — та, что у нас была, пришла в совершенно жалкое состояние*⁴.

В любом случае, одежду, в общем, привели в порядок: пленным, возвращающимся на родину, помогли католические организации. Вот что рассказывает Берауди, репатриированный осенью 1945 г.:

*Мы в Тироле. Выходим из вагонов в Миттенвальде. Очутились в казармах. Проходим дезинфекцию. Здесь работает Папская комиссия. Ботинки без подошв мне меняют на белые парусиновые туфли на три номера больше моего. Но еще дают шоколад и булочки*⁵.

Смены одежды надо ждать до приезда в Италию. По прибытии в Болонью Берауди оказывается в казарме:

Я не хочу несколько часов стоять в очереди за одеждой. Иду туда в своих лохмотьях. Один из товарищей предлагает мне взаймы. Берауди двести лир. <...> Замечаю, что у меня еще остались звездочки

¹ Aga-Rossi, Zaslavsky. Указ. соч., с. 169.

² D'Amico. Intervista a Paolo Robotti, Radio Mosca (Москва, 2.07.1946) // AUSSME, DS 2271/C.

³ Там же.

⁴ Gherardini. La vita... Указ. соч., с. 312.

⁵ Beraudi. Указ. соч., с. 184.

*в петлицах, которые я хранил столько лет. Подойдя к воротам, устало срываю их, они насквозь проржавели. В самом деле, от этого сгораешь от стыда. Оттого, что надеваем финскую пехотную куртку, русские стеганые штаны, широкие белые парусиновые туфли. Единственная итальянская деталь в одежде — дырявые серо-зеленые гольфы*¹.

Тольятти при этом утверждал, что многие репатрианты продавали одежду, полученную от советских органов, чтобы появиться на родине в оборванном виде; он усматривал в этом влияние «реакционных католических кругов», которые работали с пленными с целью дискредитации коммунистической партии².

Командование военного округа Больцано заявило:

*В 13 ч. 10 мин. 13-го [ноября 1945 г.] миланское радио передало сообщение, — диктором был Оресте Форести, пропагандист, — будто вернувшиеся из России пленные по пути в Италию продавали одежду, чтобы появиться в жалком виде и тем самым косвенным образом вести антикоммунистическую пропаганду*³.

«Могу заверить всех, — реагировал на это генерал Джакомо Негрони, — что вернувшимся нечего было продавать, потому что надето на них было нечто отвратительное, их одежду нельзя было не только продать, но даже прикоснуться к ней»⁴.

Смятение и полемика обострялись еще и оттого, что в военные округа часто приходили разного рода оборванцы, которые, желая получить помощь, заявляли, что они вернулись из России⁵.

30 ноября 1945 г. Отдел по гражданским делам итальянских военнопленных (Italian Prisoners of War Division Civil Affairs Section) проинформировал Управление по делам репатриантов (Ufficio reduci), что около 3 тыс. человек, вернувшихся из России, были на несколько дней задержаны на немецкой территории, так как американские власти запретили им въезд на территорию, находившуюся под юрисдикцией США, пока они «не будут обеспечены одеждой». Ранее американцы «отправили товары, достаточные для того, чтобы одеть всех пленных», однако, как оказалось,

¹ Там же, с. 186.

² См.: Костылев-Тольятти, 23.11.1945 // Архив президента РФ; цит. по: *Aga-Rossi, Zaslavsky*. Указ. соч., с. 170.

³ AUSSME, DS 2271/C.

⁴ Там же.

⁵ О подобных случаях докладывал в Москву и посол Костылев; см.: *Aga-Rossi, Zaslavsky*. Указ. соч., с. 170, а также AUSSME, DS 2271/C, F. I 3/163.

они не дошли по назначению. Информация заканчивалась уведомлением о том, что, пока ситуация с одеждой не прояснится, американские власти не позволят транзит возвращающихся на родину итальянцев¹.

4 декабря Управление по делам репатриантов, чтобы разрешить проблему, дало гарантию, что все возвращающиеся пленные «будут одеты соответственно их прибытию в Италию»².

Интересное (и явно полемизированное) свидетельство оставил литератор Б. Н. Ширяев (Москва, 1889 — Сан-Ремо, 1959), сотрудничавший в качестве журналиста с немецкими оккупационными властями на юге России, бежавший в Италию после разгрома Третьего рейха и скрывавшийся тут от принудительной репатриации в СССР:

Мой падроне Бенно — арендатор одной из последних оставшихся ферм. Он, конечно, коммунист. Здесь все фермеры — коммунисты. Распроклятый Муссолини послал его сына воевать против великого Сталина. Сын тотчас же благополучно попал в плен, вполне благополучно, т. к. оказался в числе трех процентов итальянцев³, выживших в этом плену. Теперь ждут его возвращения. <...> Ранним рождественским утром <...> во двор вошел удивительно знакомый мне незнакомец. Несомненно, я никогда раньше его не видел, но всё в нем было мне знакомо: кепка с полуоторванным козырьком, прожженные полы остатков русской шинели, опорки и обмотки на ногах, а, главное, какая-то настороженность, опасливость его походки, взглядов... он словно боялся того, что враг стоит за каждым углом. — Вы, наконец, приехали, — невольно по-русски крикнул я, — вас давно уже ждут! Бегите наверх! <...> В полдень сияющий падроне позвал меня. <...>

Выбритый и одетый в изящный хотя и смятый костюм, незнакомец, улыбаясь, протянул мне руку. — Пожалуйста... здравствуйте... — с запинкой выговаривал он по-русски, потом перешел на итальянский, — вы убежали от коммунистов. Не говорите — почему, я знаю, я видел... — по его лицу пробежала тень ужаса, а за ней следом расцвела улыбка. Снова по-русски: — русский пополо — карашо, очень

¹ Записка генерала Анфоссо в: AUSSME, DS 2271/C. Напротив, Роботти в вышеуказанном интервью на Радио «Москва» утверждал, что союзники никак не заботились об одежде репатриантов.

² Fonogramma dell'Ufficio reduci dalla prigionia di guerra e rimpatriati all'Italian Prisoners of War Division Civil Affairs Section, 4 dicembre 1945, AUSSME, DS 2271/C.

³ В действительности, их было около 15 %.

карашо, коммунист... — несколько крепких русских слов, певуче, как аккорд гитары, прозвучали в устах итальянца. И снова по-итальянски: — Русский, итальянский коммунист — безразлично. Все одинаковы. Мы, военнопленные, били их агитаторов по всему пути от границы: в Удине — двух, в Болонье — трех, в Анконе — одного, но очень крепко... <...>

Беппо, улучив минутку, шепнул мне: Не говорите сыну, что я был коммунистом. То, что вы мне говорили, правда!¹

7. Реакция прессы на репатриацию

Итальянские газеты на протяжении нескольких лет уделяли много внимания пленным. О них писали в разных тонах и с разными акцентами, которые различались не только политической ориентацией изданий, но и в зависимости от момента, поскольку этот вопрос был волнующей темой предвыборной полемики, особенно перед выборами 18 апреля 1948 г.

В последующие месяцы выступающая в первых рядах пропагандистских войск «Unità» напечатала несколько статей бывших эмигрантов-коммунистов, многие из которых работали в «Alba». Там приводились свидетельства офицеров, еще остававшихся в Советском Союзе, и подчеркивалась ответственность фашистского режима за разгром ARMIR. 2 октября 1945 г. «Unità» открыла рубрику «Выжившие рассказывают...», посвященную военной кампании в России; первым материалом в ней была статья *Страшная зима 43-го*. Она начиналась с цитат из нескольких итальянских газет, где выражалось удивление «тем фактом, что в Советском Союзе насчитывалось только 20.600 итальянских военнопленных». По мнению автора, с помощью таких утверждений «на этом факте... пытались построить очередные антисоветские спекуляции». Напротив, эта рубрика ограничивается задачей «восстановить истину, просто предоставляя слово солдатам и офицерам, спасенным после страшного разгрома ARMIR»². В номере от 4 октября в этой рубрике приводились фрагменты интервью с вернувшимися пленными, посвященные ведению военной кампании против СССР. В них говорилось о «кризисе в связи с заменой частей и подразделений», что поставило под вопрос исход операций, затрудненных помимо прочего «нерациональной организаци-

¹ *Ширяев Б. Н.* Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол, под ред. *М. Г. Талалая*. СПб.: Алетейя, 2007, с. 163–165.

² *Amadesi G.* Il terribile inverno del '43 // *L'Unità*, 2 ottobre 1945.

ей службы тыла»¹. 6 октября другая статья воскрешала в памяти гибель 3-го полка берсальеров, основываясь на свидетельствах солдат и офицеров, находившихся в плену в Советском Союзе². В статье *Кто довел до смерти наших солдат в СССР* в рубрике «История ARMIR и ее людей», подписанной Фидией Гамбетти, приводилось «свидетельство человека, вернувшегося после страшных испытаний», которые принесла русская кампания, и рассказывалось о «драме поколения, преданного и потерянного фашизмом»³.

Весной 1946 г. еженедельник «Oggi» в девяти номерах опубликовал большой репортаж о военных действиях итальянцев в России. Среди причин поражения газета указывала на тяжелые климатические условия и на плохую организацию итальянской армии, тогда как роль советской стороны сводилась к мужеству бойцов призванных защищать страну, на которую напали враги⁴. «Il Popolo» и другие газеты католического направления, в частности, «Il Quotidiano», орган Католического действия, во время предвыборной кампании 1946 г. (в марте в органы управления, в июне в Законодательное собрание) много писали об испытаниях наших солдат в России. «Avvenire d'Italia» ярко описывала бедственное положение вернувшихся из СССР бывших военнопленных, не возлагая, однако, ответственность за это на Советский Союз⁵.

Однако когда репатриация закончилась, накал страстей спал. 18 марта 1947 г. генерал Ф. И. Голиков выступил через ТАСС с жестким заявлением в адрес министра обороны Италии Луиджи Гаспаротто; оно было опубликовано в газете «Известия» 25 марта. В письме, появившемся 27 февраля в газете «Risorgimento liberale», Гаспаротто назвал цифру в 12.513 возвратившихся. Эта цифра, заявил Голиков, «не дала итальянскому общественному мнению правильной информации» и «вызвала враждебные по отношению к Советскому Союзу выступления в итальянской печати». С ноября 1945 по июнь 1946 г. «компетентные органы репатриировали 21.065 человек, захваченных в плен войсками Красной Армии»,

¹ *Amadesi G.* L'odissea della «Pasubio» // L'Unità, 4 ottobre 1945. В предшествующей статье автор указывал в качестве причин катастрофы «преступную халатность, коррупцию, угодничество перед немцами»; см.: *Ego же.* Le cause della catastrofe // L'Unità, 3 ottobre 1945.

² *Amadesi G.* La fine del 30 Bersaglieri // L'Unità, 6 ottobre 1945.

³ L'Unità, 6 agosto 1946. См. также: *Gambetti F.* Dieci divisioni sul Don pronte ad andare al massacro // L'Unità, 7 agosto 1946.

⁴ См.: *Italiani in Russia* // Oggi, 16, 23, 30 aprile, 7, 14, 21, 28 maggio, 4, 11 giugno 1946.

⁵ *Mancini R.* I reduci dalla Russia // L'Avvenire d'Italia, 16 novembre 1945.

о чем проинформировали итальянское посольство в Москве; «в декабре 1946 г. были репатриированы еще 32 итальянских пленных, находившихся до этого в военных госпиталях».

Кроме того, продолжал Голиков, считаю необходимым уточнить, что советские власти репатриировали также 145.756 итальянцев, захваченных в плен немцами и освобожденных Красной Армией в Польше, Германии и Австрии, в т. ч. 146 генералов.

Статья сопровождалась таблицей с указанием дат, мест, числа пленных, переданных советскими органами, занимавшимися репатриацией.

Необходимо также отметить, писал Голиков, что «со стороны итальянского правительства не поступило каких-либо сожалений и замечаний относительно заявлений советского правительства», где указывалось число репатриированных. Выступление Гаспаротто «может рассматриваться только как недружественный акт в отношении СССР»¹.

Вялость Италии вытекала из ее слабой позиции как государства-агрессора, вышедшего из войны после поражения, и из необходимости не вызывать своей настойчивостью противодействия СССР при обсуждении мирного договора. Как указывают документы из американских источников, на самом деле итальянское правительство не было бездеятельно в этом вопросе и пользовалось услугами американцев как представителей державы-победительницы и поэтому стоящей на том же уровне, что и СССР, с целью получить из Москвы информацию о пропавших военнослужащих².

26 марта статью из «Известий» перепечатала без комментариев «Il Messaggero»³. На следующий день та же газета сообщила, что депутат Кортезе направил запрос в Министерство обороны, чтобы узнать: правда ли, что «вопреки опровержению, которое было опубликовано ТАСС, Министерство подтверждает заявление советского агентства о судьбе итальянских пленных в России? Какие шаги предприняло итальянское правительство, чтобы по меньшей мере выяснить, как возникло такое

¹ О возвращении военнопленных из Советского Союза в Италию // Известия, 25 марта 1947. После печатного выступления генерала Голикова заместитель секретаря ИКП по иностранным делам Эудженио Реале обратился к Костылеву с конфиденциальным письмом по поводу оставшихся в СССР пленных, на что посол заявил, что репатриация закончена и нет смысла обращаться в МИД СССР; ИКП совету последовала (см.: *Aga-Rossi, Zaslavsky*. Указ. соч., с. 172).

² См. «Memorandum of Conversation» (окт. 1950) итальянских дипломатов и представителей Госдепартамента США: Confidential USA Department Central Files, Italy Internal Affairs (1950–1954), 0551–0555.

³ Per Mosca i prigionieri sono tutti rimpatriati // Il Messaggero, 26 marzo 1947, с. 1.

большое различие между численностью итальянских пленных, которую объявило правительство Советского Союза, и реальной численностью репатриированных пленных?»¹. 28 марта «Il Messaggero» напечатала ответ министра Гаспаротто на запрос депутатов Кортезе (демократ), Гортани (христианский демократ), Ковелли (монархист) и Риччо (христианский демократ) о действительном положении пленных в России. Министр подтвердил то, что он уже ответил Конституционному суду 5 марта 1946 г. — он служил тогда министром послевоенной помощи в первом кабинете Де Гаспери, — а именно, что численность репатриантов из России составила «12.312 человек, из которых 455 офицеров и 11.857 сержантов и рядовых». Расхождение с численностью в 21.065 человек, указанной советской стороной, он объяснил тем, что «в это число [вероятно] вошли итальянские подразделения, взятые в плен немцами и затем оказавшиеся в руках советских войск»².

Обострение полемики вокруг численности репатриированных заставило вмешаться ИКП. В письме от 1 апреля об успехах коммунистической партии на Юге, направленном Щевлягину, Роботти указывает на «множество средств», к которым прибегает «реакция». Среди ее тем стоял и вопрос о вернувшихся из России пленных.

С помощью серии скандалов она попыталась атаковать партию и партизанское движение, но ничего не добилась. Сейчас она снова взялась за вопрос о пленных в СССР и стремится использовать его в полную силу. Но и здесь она не добьется больших успехов. В связи с этим было бы хорошо, если бы какой-то отпор дала и одна из ваших газет. Из газет, которые я вам посылаю, вы узнаете, как ставится этот вопрос»³.

В 1948 г. дискуссия о возвратившихся пленных достигла крайнего напряжения. Накануне обсуждения в сенате запросов о судьбе пленных из ARMIR, поданных сенаторами Гаспаротто, Браски и Буббио, 8 июня в «Il Tempo» появилась статья генерала Мессе, где он вспоминал о страшных эпизодах русской кампании и поддерживал требование разъяснений, в частности, об итальянцах, всё еще удерживаемых в Советском Союзе⁴.

¹ I nostri prigionieri in Russia // Il Messaggero, 27 marzo 1947, с. 1.

² All'Assemblea costituente // Il Messaggero, 28 marzo 1947, с. 1. Министр Гаспаротто заявил, что известие о полной репатриации закрывает собой скорбную страницу истории войны.

³ Письмо Роботти Щевлягину, 1.04.1947 (адресат показал его М. А. Сулову 15.04.1947) // РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 373, л. 37.

⁴ Messe G. Prigionieri in Russia // Il Tempo, 8 giugno 1948.

На следующий день в газете появилась хроника заседания: ответы помощника секретаря МИД Брузаска не могли удовлетворить парламент: из зала выкрикивали обвинения, причем как левые, так и правые депутаты, и даже возникла потасовка¹.

Не говоря уже о простой и колоритной хронике, этот эпизод символичен в том смысле, что проблема оставалась в центре внимания и легко могла стать инструментом политического противостояния.

В массе полемических выступлений, неточных и противоречивых сведений, выдаваемых и опровергаемых цифр, относящихся к судьбе вернувшихся и пропавших в России, существует аспект, который заслуживает особого внимания: это так называемая легенда об удерживаемых в России итальянцах, легенда, которая питала надежды многих семей, позволяла думать, что их близкие живы.

Еще в мае 1945 г. посол Куарони писал:

Все косвенные сведения, которые я смог получить, убеждают меня, что состояние наших пленных в целом настолько хорошее, насколько это позволяют обстоятельства: я получил случайное, но достоверное сообщение, что у нескольких есть жены и дети. У меня не вызывает сомнений еще один момент: большинство наших пленных работает, и русский обычно не может не быть гостеприимен к иностранцу. С другой стороны, учитывая, что пленные должны вернуться в Италию, логично, что здесь пытаются сделать так, чтобы они вернулись с возможно наилучшими впечатлениями от СССР².

Однако когда репатриация закончилась, слухи поползли с новой силой. Даже сообщение, которое Управление по делам репатриантов направило в Отдел по гражданским делам итальянских военнопленных, казалось соглашательским:

Если собранные сведения указывают на весьма малую вероятность того, что в России остались небольшие группы пленных из ARMIR, все-таки нельзя абсолютно исключить, что в России остаются военнослужащие, которых взяли в плен немцы, а русские отправили на восток или задержали в Югославии³.

¹ La discussione sui prigionieri in Russia provoca tumulti nell'aula del Senato // Il Tempo, 9 giugno 1948.

² Rapporto dell'ambasciatore Pietro Quaroni al ministero degli Esteri // Prigionieri italiani nell'Urss... Указ. соч.

³ AUSSME, DS 2271/C.

28 апреля 1947 г. «Il Messagero» сообщила о заявлении министра обороны Гаспаротто, где в частности говорилось:

Из сообщений из разных источников поступили сведения, что в России якобы находится примерно тысяча пленных, но расследование, проведенное правительством, показало, что эти сообщения не имеют удовлетворительного подтверждения¹.

25 мая та же газета опубликовала свидетельство 27-летнего рядового из Пескары Марио Гвиди, который заявил, что бежал из одесского лагеря для военнопленных, где в то время содержались около 2.500 пленных итальянцев, занятых на тяжелых работах по десять часов в день. Через несколько дней появилось опровержение, где сообщалось, что человек, выдававший себя за вернувшегося из плена, на самом деле родом из Вольтерры, никогда не был в плену в России, но судился за дезертирство².

ИКП опровергала подобные слухи уже с 1946 г. В частности, 2 июля в интервью московскому радио Паоло Роботти утверждал:

Слишком много семей питают иллюзии относительно своих близких, которые не вернулись. Нужно сказать, это происходит также и потому, что с помощью подобных слухов определенные лица, ответственные за катастрофу ARMIR и за всю военную политику фашизма и монархии, пытаются скрыть свою вину³.

8 июля московское радио подтвердило, что *все предположения, распространяющиеся на территории СССР, лишены оснований. Московское радио прекращает передачу информации и посланий, продолжавшуюся три года, так как пребывание здесь итальянских пленных закончилось⁴.*

И все-таки коммунистическое руководство было обеспокоено этим вопросом — ведь дальнейшее распространение таких предположений могло негативно повлиять на доверие к партии. Поэтому 7 мая в письме Щевлягину по поводу этого «острого вопроса» Роботти попросил советские власти каким-то образом вмешаться.

Необходимо <...> заявить, что ни на Украине, ни где бы то ни было еще больше нет пропавших итальянцев, которые якобы живут

¹ Dichiarazione di Gasparotto // Il Messaggero, 28 aprile 1947, с. 1.

² Quattordici evasi dalla prigionia giungono a Padova da Odessa // Il Messaggero, 25 maggio 1947, с. 1.

³ *D'Amico*. Intervista a Paolo Robotti, Radio Mosca (Москва, 2.07.1946), Указ. соч.

⁴ Comunicazione trasmessa da radio Mosca alla Croce Rossa italiana, 8 июля 1946 г., AUSSME, DS 2271/C.

*в крестьянских домах. Кстати, делегация женщин передаст просьбы матерей и вдов, связанные с этим вопросом*¹.

Как можно видеть, помимо легенд о пленных, насильно удерживаемых в СССР, распространялись слухи об итальянцах, которые добровольно решили остаться в деревнях, где у них появились семьи. Эти слухи в те годы не раз находили отражение в печати и в парламентских дебатах.

Один воронежский крестьянин в письме, переданном через итальянское посольство в Москве в Институт ООН по делам беженцев, говорил, насколько невероятной представлялась подобная ситуация. В этом письме он рассказал историю одного итальянца, который, оказавшись в одной из многочисленных колонн пленных, сумел выжить благодаря нескольким крестьянам в деревне, где два года занимался разными работами; эта работа была очень нужна, и его уважали. Когда война закончилась, местные власти сообщили, что в деревне живет итальянский пленный, и НКВД немедленно потребовал объяснений. Председатель сельского совета и председатель колхоза, чтобы избежать преследований НКВД, решили избавиться от пленного и расстреляли его.

В самом деле, иностранцу, а тем более военному, было объективно трудно остаться в СССР без того, чтобы устрашающая и вездесущая полицейская система не знала об этом. Свидетельство гражданина из Воронежа даже при отсутствии официальных документов позволяет исключить предположение, будто бывшие итальянские пленные оставались в России. Впрочем, в этом нет абсолютной уверенности: в 2000 г. по российскому телевидению была показана передача о бывшем венгерском военнопленном, который до тех самых пор находился в психиатрической больнице в Москве, где — возможно, вследствие психического состояния — никогда не заявлял о своем происхождении.

Как говорилось выше, вопрос о пленных в России стал одной из тем предвыборных баталей в апреле 1948 г., развернутых христианскими демократами. В предвыборном пропагандистском манифесте христиан-демократов стояла картинка лагеря для пленных, где кричащим красным цветом изображались худые силуэты пленных с характерными пилотками на головах. Манифест провозглашал: «Их послали в Россию фашисты, удерживают коммунисты». В другом манифесте говорилось, что все итальянские военнопленные, оказавшиеся в руках американцев, англичан и французов, репатрированы, и указывалось: «Россия — 80.000 [общее число пропавших без вести]. Вернулись только 12.540. Почему

¹ Письмо Роботти Щевлягину // РГАСПИ, ф. 17, оп. 128, д. 373, л. 43.

остальные не возвращаются?» В третьем манифесте ставился вопрос: «Что такое коммунизм? Попросите это объяснить возвратившихся из России».

Еще в 1950-х гг. и позднее продолжали распространяться слухи об итальянцах, оставшихся в России, обычно необоснованные и впоследствии опровергнутые. Но они находили отклик в печати. Например, в 1957 г. газета «Il Tempo» отвела много места сообщению о том, что один охотник подстрелил перелетную птицу, к которой было привязано послание, где сообщалось о тридцати итальянцах, находящихся в «дикой сибирской земле» и занятых «рабским трудом в шахтах». В послании говорилось, что сообщить их имена невозможно, а тех, к кому оно попадет, призывали заявить «всему миру о варварстве, которое творят красные»¹.

Легенда об итальянцах в России нашла отражение и в кинематографе: в 1970 г. вышел фильм Виторио Де Сика *Подсолнухи* с Марчелло Масто-ронни и Софи Лорен, рассказывающий о судьбе солдата ARMIR, который во время отступления остался умирать в снегах, но был спасен русской девушкой (актриса Людмила Савельева) и женился на ней.

8. Судебные процессы над военнопленными

Среди документов о пленных, хранящихся в Архиве исторического отдела главного штаба, имеется отчет одного майора из мобильного отряда, помеченный номером 1785. Он содержит информацию, собранную SIT (Servizio d'informazione alla truppa — Служба информации о личном составе), об обработке, которой подвергли ряд пленных офицеров эмигранты-коммунисты и сотрудники советской разведки. В декабре 1943 г., рассказывает вернувшийся из плена майор, он был «прозондирован» людьми из комендатуры суздальского лагеря и затем направлен в лагерь в Красногорск, где его предполагала «взять на крючок» советская разведывательная служба. По словам автора, это не удалось, поскольку его сочли неподатливым элементом с монархическими и националистическими взглядами. В июне 1944 г. он вернулся в суздальский лагерь № 160, где, согласно критериям советского командования, вел себя «не вполне антифашистски» и порвал отношения с итальянскими эмигрантами, которые стали «политическими комиссарами» лагеря (Риццолли, Оссола). С апреля 1945 до июня 1946 г. он служил начальником лагерьной кухни. Эта должность, по его словам, вызвала острые столкновения с русской комендатурой лагеря, доходившие до обвинений в «саботаже»

¹ См.: «Il Tempo», 22 и 25 окт. 1957 г.

и «антисоветской пропаганде». Вплоть до репатриации у него не было никаких контактов с советской разведкой¹.

Вернувшийся рассказывает о роли, которую играли итальянские офицеры в пропагандистской работе, и о связях между ними и советской разведывательной службой. Пленных и других действующих лиц антифашистской работы он разделяет на девять групп:

I. Лица, посетившие антифашистскую школу в лагерях № 27/б или № 165, которые в дальнейшем вместе «политическими инструкторами» участвовали в деятельности антифашистских групп.

II. Руководители антифашистской деятельности в лагере № 160 (Суздаль).

III. Лица, которые, по мнению источника, были завербованы советской разведкой.

IV. Пленные, репатрированные в индивидуальном порядке, о которых источник определенно указывает, что они завербованы советской разведкой.

V. Лица, которые добровольно поддались вербовке с целью впоследствии сообщить об этом итальянским властям.

VI. «Прозондированные» лица, но не «взятые на крючок» советской разведкой.

VII. Военнопленные, которые в СССР представляли интерес для советских спецслужб.

VIII. Агенты советской разведки.

IX. 50 итальянских офицеров, которые были оставлены советскими властями в заложниках в Марамаро-Сигет из-за возможных эксцессов со стороны репатриантов; их судьба неизвестна².

Согласно отчету упомянутого офицера, к первой группе можно отнести 27 офицеров, 15 из которых были членами ИКП. Они наиболее активно и постоянно поддерживали так называемую «антифашистскую» деятельность. Они вступили в «актив» в начале 1943 г., причем почти всех толкнул на это голод и лишь немногих убеждения;

¹ Во введении к отчету майор характеризовался как «умный, серьезный, заслуживающий доверия, <...> решивший проинформировать по собственной инициативе»; см.: allegato alla relazione n. 426/2a sezione — SIT/c. 25 luglio 1946, Russia, giugno-luglio 1946. Notizie sull'attività svolta nei campi di prigionia da ufficiali italiani prigionieri, da fuoriusciti ed elementi del Servizio informazioni sovietico // AUS-SME, DS 2271/C. Секретно (Документ предназначался только для органов безопасности).

² Там же, с. 1 и далее.

в дальнейшем все они впутались во вражду, развернувшуюся между ними и большинством их товарищей, к которым с тех пор они стали испытывать явную неприязнь. После занятий в антифашистской школе они «получили для распространения напечатанные на ротаторе брошюры и фрагменты периодики; отдельные выпуски были действительно интересны — интерес вызывала абсурдная точка зрения и нелепое искажение фактов и событий». Во время дискуссий, которые проходили после уроков — так называемых семинаров, длившихся по 6 часов подряд, — [пленных] тренировали для публичных выступлений. Накануне окончания курса они подписывали присягу — ее текст хранился в Суздале, в комнате майора Б.¹ — в том, что будут верны делу народа и неустанно служить ему. Все эти люди были активными сотрудниками газеты «Альба», которая печаталась в Москве, и стенгазет в лагерях; когда Италия еще воевала; их статьи изобиловали поразительными настроениями, а позднее — коммунистической пропагандой. После окончания школы многие из них записались в ИКП².

Эта информация соответствует записям в дневнике Оссолы; совпадают даже имена и фамилии итальянских офицеров, наиболее активно занимавшихся пропагандистской работой. О целях политической работы бывший пленный офицер пишет: «Почти все люди, присланные в июне 1944 г. в лагеря с директивами по агитации и пропаганде, которые им лично передал Роботти, составляли узкий актив а. ф. [антифашистской] группы». Что касается отношений с товарищами по оружию, то выясняется, что офицеры-антифашисты

доносили на своих товарищей, многих из которых в результате их доносов отправили в штрафные лагеря. В 1945 г. лейтенант М. Л. предложил на собрании отделить от всех остальных и не репатриировать так называемых реакционеров-фашистов, т. е. тех, кто открыто осуждал приемы пропагандистов.

Относительно вербовки лиц первой группы как информаторов советской администрации, в частности, утверждалось:

Нет необходимости останавливаться на том, что они были завербованы советской разведкой, — их коммунистические взгляды были слишком очевидны и отделяли их от товарищей, которые знали об их взглядах.

Вывод офицера подтверждает предположение, что как раз те, кто во время пребывания в плену или после репатриации особенно усердствовал

¹ Имя нами не указывается по соображениям приватности.

² Там же.

в осуждении ИКП и СССР, имели связи с советской разведкой — ведь их поведение не казалось подозрительным их товарищам.

Это следует и из очень важного документа НКВД о вербовке среди пленных агентов, которые будут работать на СССР после репатриации. НКВД подверг критике вербовку, начатую в октябре 1943 г., и постановил вербовать среди пленных: лиц, представляющих «оперативный интерес», в будущем способных сыграть важную роль в своих странах; менее подозреваемых в симпатиях к СССР, но легче поддающихся шантажу, особенно тех, чьи родственники тоже находятся в плену; людей, находящихся в тяжелом материальном положении или просто желающих «заработать»¹.

В сообщении вернувшегося офицера говорится, что «лица, руководившие антифашистской работой в 160-м лагере», относились ко второй группе, т. е. к тем 14 офицерам, за исключением одного, которые вступили в ИКП. Об этих людях он пишет:

Они учились в «антифашистской школе» и закончили ее. В этой школе майор Б. публично заявил, что носить знаки отличия итальянского офицера позорно. Очень активными, экстремистски настроенными стали представители антифашистской группы, которые встали на радикально левые позиции. Никогда в своей деятельности они не выражали собственные взгляды открыто. Напротив, они выставляли на первый план лиц вроде тех, о которых говорилось в предыдущем разделе. V. и Z. в своих записках и лекциях обосновывали законность уступки Триеста Югославии до тех пор, пока, столкнувшись со всеобщим возмущением, антифашистская группа не была вынуждена их опровергнуть, несмотря на то, что указания насчет этого выступления пришли из Москвы. <...> Помеченные значком (°) вступили в ИКП и, вероятно, были выбраны для образования впоследствии ячеек в армии и в других сферах деятельности. Очень многие из них были офицерами на действительной службе. Все они играли ведущую роль в пропагандистской и репрессивной деятельности в 160-м лагере, за исключением S. и G., которые там не содержались»².

Далее в отчете приводятся имена и фамилии пленных третьей группы, которых допрашивавшие их следователи считали возможным завер-

¹ См.: Директива НКВД СССР № 489 об агентурной работе среди военнопленных // ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 686, л. 56–64, л. 62. Оригинал. Совершенно секретно. Опубли. на итал.: *Direttiva dell'Nkvд dell'Urss n. 489 sul reclutamento di agenti tra i prigionieri di guerra. 7 ottobre 1943, a cura di M. T. Giusti* // *Ventesimo secolo*, 2003, n. 3, с. 114.

² Там же.

бовать для советской разведки. Это 11 офицеров, частично включенных также в первую и вторую группы; один из них работал в итальянской разведывательной службе. «Взятые на крючок» подвергались многочисленным допросам, и источник указывает, что после этих допросов они часто выставляли напоказ свои симпатии к фашизму и даже распевали гимн «Giovinezza»¹. «Некоторые из них, продолжает офицер, были отправлены на дачу № 20/6 недалеко от Москвы, где подверглись дальнейшим допросам и давлению. Есть предположение, что они дали письменное обязательство поставлять по возвращении на родину политическую и иную информацию»². В четвертую группу входят «лица, репатриированные в индивидуальном порядке раньше других офицеров»; из них, согласно автору отчета, «наверняка завербованы советской разведывательной службой» восемь пленных: два старших лейтенанта, один старший лейтенант военврач, четыре лейтенанта и один сержант. Несколько было репатрировано в 1944 г. Утверждается, что в 1945 г. два лейтенанта с оружием и с красной повязкой на рукаве, являвшиеся работниками вспомогательной службы, конвоировали группу итальянских офицеров, которых переводили из Владимира в Суздаль; позднее они бесследно исчезли. Эта информация подтверждалась при опросе других вернувшихся из плена, что зафиксировано в протоколах 251/С, 249/С и 268/С³.

После возвращения никто из военнопленных этой группы не подвергался официальному или неофициальному расследованию со стороны итальянских военных властей, которое проводилось в отношении ряда офицеров из трех первых групп.

В пятую группу входили трое пленных (старший лейтенант, лейтенант и старший сержант), «добровольно» завербовавшиеся в советские спецслужбы с целью позднее дать сведения о них итальянским властям. Они рассматривались как лица, способные передать много полезной информации; утверждалось, что они могут подтвердить известия о двойной игре, которую вела с ними советская администрация.

Шестая группа также состояла из трех человек (два капитана и лейтенант), которые были «прозондированы», однако советская разведка не сумела «подцепить их на крючок».

¹ Фашистский триумфальный гимн «Молодость», первоначально родившийся как студенческий (1909) и получивший в муссолиниевской Италии широчайшее распространение.

² Там же, с. 6.

³ Там же, с. 7.

По результатам докладов, подобных этому, или разоблачений, сделанных вернувшимися пленными, военные власти должны были провести дознание в отношении отдельных репатриантов из СССР. 6 сентября 1946 г. Управление по делам репатриированных на основании показаний ряда бывших пленных составило список 77 офицеров и сержантов, которые участвовали в антифашистском движении и посещали курсы марксизма-ленинизма¹.

8 ноября управление направило министру обороны протоколы допросов четырех майоров — одного из запаса и трех на действительной службе — в силу «тяжелых обвинений в их адрес, выдвинутых другими возвратившимися различных званий»².

6 декабря Центральная следственная комиссия в г. Лечче (Апулия), направила в дисциплинарное управление Главного управления офицерского состава протоколы допросов отдельных вернувшихся пленных. К ним она добавила предложение

*провести официальное расследование в отношении тех офицеров, которые посещали курсы марксистской направленности и при репатриации письменно выразили симпатию удерживавшей их в плену державе и против которых другие возвратившиеся высказали критику или выступили с разоблачением их пропагандистской работы и их общения с товарищами в плену*³.

Министерство, «рассмотрев этот вопрос во всех его аспектах», не согласилось с тем, что политическая позиция должна «повлечь за собой дисциплинарные последствия», и, напротив, постановило, чтобы виновные предстали перед судом и чтобы он решил, заслуживают они дисциплинарного или уголовного наказания»⁴.

Однако проблема роли антифашистов в советских лагерях для пленных занимала значительное место на страницах газет: например, «Italia nuova» напечатала 30 июля 1946 г. статью *Пленный в России*, которую подписали 87 офицеров; они обвиняли ряд «просвещенных» в том, что они

¹ Prot. n. 1580/223 (подписан генералом А. Маннерини) // AUSSME, DS 2271/C. Согласно советским документам в лагере № 160 к 8 апрелю 1946 г. на антифашистские курсы было записано не менее 132 человек; разночтения в советских и итальянских источниках нуждаются в дальнейшем рассмотрении.

² Comunicazione n. 18303/223 dell'8 novembre 1946 (подписана генералом Маннерини). Для дальнейшего решения решения донесения была отправлена в Divisione personale ufficiali — Divisione disciplina.

³ Nota del ministero della Guerra del 6 dicembre 1946 // AUSSME, DS 2271/C.

⁴ Там же.

были сообщниками советских властей в удержании в Советском Союзе их соотечественников, и требовали от итальянского правительства принять меры против этих людей. Газета «Il Popolo di Mantova» в номере от 1 сентября поместила статью под заглавием *Отверженные просвещенные*, где бывших пленных, посещавших антифашистские курсы или занимавшихся пропагандистской деятельностью, обвинила в том, что они предали родину. 28 сентября 526 возвратившихся пленных опубликовали в газете «Oga» воззвание, где называли «просвещенных» «позором страны» и «недостойными имени итальянцев», так как они несут ответственность за удержание в плену своих товарищей по оружию.

Между 1947 и 1955 гг. в нескольких военных округах были проведены официальные расследования в отношении 13 офицеров и одного солдата, которых обвиняли в доносах на товарищей и в притеснении подчиненных. Один из офицеров обвинялся также в клевете на итальянскую армию, другой — в насилии над младшими по званию. Когда офицеры были вызваны в военный трибунал, они не придумали ничего лучшего, кроме как втянуть в дело ИКП¹. 25 марта 1947 г. полковник М. В. обратился к Тольятти и попросил его помочь решить проблему, сообщив, что вызван в территориальное военное командование Милана; командование предложило ему «в третий раз объяснить детали» функций, которые он исполнял в Суздале в качестве начальника международной зоны лагеря². Вернувшийся пленный продолжал:

У меня усилилось впечатление, что этим анонимным клеветникам повезло. Они утверждали, что я был настроен против военных и устраивал им трудную жизнь, потому что у меня противоположные убеждения. Так мои смелые антифашистские лекции, с которыми я выступал до последних дней плена, превратились в антиармейские демонстрации и стали предметом судебного разбирательства. Спустя семь месяцев после репатриации то же самое произошло с помощником секретаря ИКП в армии³.

Затем полковник попросил Тольятти «проинформировать» и «пригласить» помощника секретаря Министерства обороны коммуниста Франческо Моранино «проверить дисциплинарную практику, о которой

¹ Reduci dalla prigionia in Russia, accusati di delazione nei confronti dei propri compagni, all. a Elenco dei reduci che hanno frequentato il corso antifascista, prot. n. 1580/223, указ. соч. // AUSSME, DS 2271/C. Составленный список не полон.

² Fondazione Istituto Gramsci, Fondo D'Onofrio, busta 3640, fascicolo 27, prot. 3345.

³ Там же.

Министерство обороны (вооруженных сил) еще не приняло окончательного решения и которая применяется в отношении офицеров, вернувшихся из Советского Союза»¹.

Моранино не замедлил начать расследование, намереваясь выяснить позицию офицеров-антифашистов, обвиняемых в антиитальянской деятельности. Со своей стороны, Роботти 27 марта в письме секретарю парламентской фракции коммунистов побуждал их «публично вмешаться <...>, чтобы призвать депутата Гаспаротто положить конец преследованиям итальянских офицеров-антифашистов, вернувшихся из СССР»².

В том же письме Роботти сообщал:

Существует циркуляр военного Министерства, который предписывает выдавать грамоту за заслуги тем, кто в плену сотрудничал в лагерях с англо-американскими властями. И в то же самое время оказывается, что полковник В. М. и майор Г. Ф. находятся под следствием, что не оплачены причитающиеся им выплаты и они не зачислены на военную службу, так как им вменяется в вину участие в управлении лагерями для итальянских пленных в СССР по предложению советских военных властей.

*С коммунистическим приветом*³.

Роботти ссылаясь на отосланную им Моранино памятную записку, где он выдвигал аргументы в защиту этих офицеров — они обвинялись в том, что способствовали отправке в другие лагеря своих товарищей по заключению, — ссылаясь в частности на то, что «перемещение пленных» зависело исключительно от администрации лагерей. Обвинение во ввозе марксистской литературы не имело силы потому, что изъятые у репатриантов книги свободно⁴ распространяются в Италии и после падения фашизма не подлежат цензуре.

Роботти подчеркивал очевидное неравенство в отношении к антифашистам и фашистам:

¹ Там же.

² Fondazione Istituto Gramsci, Fondo D'Onofrio, busta 3637.

³ Там же. В самом деле, в подтверждение слов Роботти, можно указать на текст брошюры «Al prigioniero che torna», где уточнялось, что пленные, «сотрудничавшие» с союзными войсками, уже не считались военнопленными в прямом смысле этого слова: с них снимались тяжелые условия плена, а при нахождении на итальянской земле их сразу передавали итальянской стороне; см.: *Ministero dell'Assistenza postbellica. Al prigioniero che torna. Roma, 1946, с. 20.*

⁴ *Robotti P. Promemoria per il compagno Moranino. P. 1 // Fondazione Istituto Gramsci, Fondo D'Onofrio, busta 3640, fasc. 27.*

если у офицеров-антифашистов при оплате выданных им чеков удерживают 50 %, у офицеров, которые в плену сохраняли фашистские или профашистские настроения, не производится никаких удержаний и у них нет никаких хлопот. <...> Майор W. В., хотя против него не было выдвинуто обвинения¹, до сих пор не призван на службу. Это определенно произошло вследствие того, что сразу после 25 июля 1943 г. он решительно назвал себя антифашистом и в течение всего пребывания в плену честно отстаивал свою позицию. Не поэтому ли его не призвали на службу в армию, всё еще зараженную фашистами и монархистами?²

Роботти привел другие примеры, связанные с офицерами, которым не оплачивают чеки, и сделал вывод:

Несколько семей этих офицеров часто подвергались преследованиям немцев и «республиканчиков» Салó за призывы, которые через московское радио офицеры обращали к итальянским партизанам, побуждая их к борьбе. По меньшей мере, удивительно, что теперь с ними так же обращаются республиканские власти и при этом не тревожат тех офицеров, которые в плену оскорбляли итальянских партизан³.

18 апреля полковник М. Б., возвращаясь к вопросу о расследовании, сообщил Роботти, что, по словам Д'Онофрио, Моранино представил его результаты в середине апреля. Однако, как явствует из письма, он уже считал себя осужденным:

После допроса, проходившего в Милане 20 марта, я выразил сомнение в том, что это можно проверить; или только в отношении меня, главного козла отпущения, решение будет умышленно отложено. Прошу тебя узнать что-либо об этом обстоятельстве и дать мне знать, чтобы я был готов ко всему. Буду рад получить от тебя известия. С братским приветом⁴.

7 февраля 1948 г. лейтенант Д. М. получил из неаполитанского военного округа сообщение о том, что «в отношении него начато официальное расследование по следующему обвинению: доносительство при нахождении в плену, которое нанесло ущерб многим офицерам, дало повод

¹ Следственная комиссия при репатриации выдавала свидетельства «nulla osta» об отсутствии обвинений; в противном случае репатриант не имел возможности считаться ветераном и пользоваться льготами.

² *Robotti. Promemoria per il compagno Moranino...* указ. соч., с. 3.

³ Там же.

⁴ *Fondazione Istituto Gramsci, Fondo D'Onofrio, busta 3640, fasc. 27.*

для многочисленных наказаний и ухудшило условия их жизни». В ответ офицер направил сообщение, где оправдывал свое поведение как соответствующее решениям итальянского правительства и закончил его словами: «Вы дошли до такого абсурда, что устраиваете суд над коммунистами, вместо того, чтобы проводить его над фашистами»¹. Следователи не были удовлетворены этим сообщением, и поэтому лейтенант получил новое требование объясниться², в частности, относительно обвинений в доносах на товарищей по оружию и в сотрудничестве с политическим комиссаром лагеря № 160³.

Три месяца спустя, 18 мая, лейтенант D. M. сообщил о расследовании Роботти и заявил, что готов к любым последствиям:

Пусть мне придется провести год «под небом в клеточку», это не имеет значения, если того требуют интересы партии. Эта страница о пленных дала повод для стольких клеветнических измышлений [неразборчиво] глашатаев нашей смерти, что, по-моему, лучше дать им погибнуть. Между тем борьба продолжается: измышления улетают прочь, а безработица, даже если говорить только о ней, растет. Если бы человечество могло питаться только клеветой, то проблема, которая столько миллиардов дней тяготит мозги людей, уже была бы блестяще разрешена»⁴.

Другой подследственный, майор В.⁵, также попавший в череду расследований в отношении антифашистов, 19 мая 1949 г. написал Роботти о своей озабоченности тем, что на ход этих расследований оказал влияние выход ИКП из правительства:

Может случиться, что текущий кризис [выход ИКП из правительственной коалиции] приведет к изменениям на руководящих постах

¹ Promemoria [б.д.] // Fondazione Istituto Gramsci, Fondo Robotti, busta 3603.

² В требовании просилось, «оставив всякие соображения политического характера», изложить собственные действия, приведшие к наказаниям и ущемлениям товарищей по плену (25 febbraio 1948, prot. n. 1403/I.RI/DU, Fondazione Istituto Gramsci, Фонд Д'Онофрио, busta 3637).

³ Там же.

⁴ Fondazione Istituto Gramsci, Fondo Robotti, busta 3603.

⁵ Еще будучи пленным в суздальском лагере W. B., как и другие офицеры составил длинную автобиографию для политуправления, где высказывал согласие «работать на Партию»; см.: Autobiografia di W. B., campo 160, 26 gennaio 1945 // Fondazione Istituto Gramsci, Фонд Д'Онофрио, busta 3640, fasc. 27, с. 7). В подобных автобиографиях, полученных Fondazione Gramsci из советских архивов, в частности, из Фонда Д'Онофрио, встречается много материала об антифашистских школах и о перспективах сотрудничества после репатриации.

*и поэтому пока мало что можно сделать, чтобы пролить свет на подлинную историю плена. Но это неважно: со своей стороны, мы сделаем всё возможное, чтобы это произошло*¹.

Комиссия под председательством Моранино, образованная для выяснения роли пленных антифашистов в лагерях, уже совершила ошибку, «обойдя молчанием наиболее тяжелые проступки и сосредоточившись на незначительных»:

*Необходимо было расследовать два правонарушения: измену присяге лицами, которые после 25 июля объединились против законного правительства, не выполнив присягу, и отказ старших по званию принять командование отрядами пленных офицеров. Это были как раз те люди, определившие состояние дисциплины, при котором возникло «незаконное» командование 160-го лагеря в мае 1945 г.*²

В сущности, после 25 июля предателями следовало считать тех офицеров, которые отказались встать на сторону антифашизма и тем самым противопоставили себя смене союзников, осуществленной правительством Бадольо. В этом отношении отказ некоторых старших офицеров командовать отрядами пленных офицеров — этот вопрос стал главным предметом дискуссий в Суздале — менее всего соответствовал долгу сотрудничества. С другой стороны, обвинители офицеров-антифашистов заявляли, что многие из них занимали сторону Советов и примкнули к коммунизму еще до 25 июля или 8 сентября.

Действительно, вопрос был сложен и неоднозначен, и обвинения против вернувшихся из плена антифашистов выдвигались вплоть до 1950-х гг.³ В 1955 г. вновь появляется распоряжение о продолжении официальных расследований в отношении упомянутого майора В. и другого пленного, L. S.

31 марта офицер-следователь сообщил L. S., что римское территориальное командование поручило ему продолжить следствие по возбужденному против L. S. делу по обвинению в том, что он, будучи «военнопленным в России, начал действовать в ущерб своим товарищам: из них 50 были исключены из списка репатрируемых. Присутствовал на собрании,

¹ Письмо из 19 мая 1947 г., там же.

² Там же.

³ Деятельность военнопленных антифашистов после репатриации контролировалась союзными войсками; характерен пример Западной Германии, где на рубеже 1940–1950-х гг. прошло более ста процессов против антифашистов, формально обвиненных в причинении вреда своим товарищам по плену.

которое вел политэмигрант и на котором было принято решение об этом исключении»¹.

Присутствие на собрании в Одессе, где принималось решение поддерживать задержку 50 военнопленных в Сигете, — одно из основных и самых частых обвинений во всех расследованиях, проводившихся против репатриированных пленных. Однако ни один из обвинительных документов не указывает ясно на то, что подследственные действительно принимали участие в том собрании.

Согласно протоколам судебного следствия военного трибунала в Падуе, майор В. обвинялся в том, что он

*во время войны непрерывно глумился над Итальянской нацией при отягчающих обстоятельствах; в точно не установленные дни, начиная с июня 1944 г., и в 1945 г. в лагере близ Суздаля (Россия), где был заключен упомянутый военнопленный, он, совершая свои действия с теми же преступными намерениями, публично глумился над итальянской нацией, систематически порочил ее устно и в стенной газете, утверждал, что итальянский народ состоит из воров, грабителей, шакалов и что Италия — отсталая, некультурная, несчастная страна*².

Выслушав заявления нескольких возвратившихся пленных, территориальное военное командование в Удине 9 апреля 1947 г. постановило, что репатриированный должен пройти проверку дисциплинарного характера. Проверка, в ходе которой майор был временно отстранен от должности, завершилась приговором от 26 января 1959 г.: в нем падуанский военный трибунал оправдал В. Б., «так как в его действиях не найдено состава преступления»³.

Другие расследования тоже закончились ничем. Ряд подследственных остался в армии, сохранив свои звания; кое-кто был разжалован, но, по сути, все они признавались «антифашистами за рубежом».

Известен только один случай осуждения — приговор вынесли сержанту Антонио Моттоле (120-й артиллерийский полк), который вскоре после репатриации в 1950 г. был арестован и предан суду на основании показаний других вернувшихся пленных. При возвращении в Италию Моттолу

¹ Distretto militare di Sulmona — Ufficio comando — Sezione disciplina, prot. 68 Disc. R. // Fondazione Istituto Gramsci, Fondo Robotti, busta 3596.

² Tribunale militare territoriale di Padova, Sentenza nella causa contro B. W. n. 134/58 della sentenza // AUSSME, «Archivio P. Resta».

³ Там же.

«задержали в Тарвизио железнодорожной полицией», тогда как другие репатрианты направились в Удине. «Меры безопасности были приняты для того, чтобы спасти Моттолу от гнева товарищей по плену, которые, когда эшелон пересек австрийско-итальянскую границу, враждебно отнеслись к нему»¹. Согласно утверждениям других вернувшихся, «Антонио Моттола неоднократно просил предоставить ему русское гражданство, в чем власти ему отказали, хотя он вступил в брак с советской гражданкой и имел от нее сына»².

Как свидетельствуют материалы процесса, проведенного миланским военным трибуналом, Моттола обвинялся в том, что он предоставлял информацию противнику, предавал своих соотечественников, «обрекая их на суровые преследования и приговоры и превращая их в невинные жертвы, до сих пор томящиеся в жестоком заключении в чужой стране». Доносы, в результате которых страдали его соотечественники, вероятно, помогали добиться симпатии советской стороны. Так, например, майор Масса-Галлуччи вспоминает, что на суде, устроенным над ним в России, Моттола заявил, что у майора есть чемодан с двойным дном, где хранятся секретные документы, т. е. что он шпион. Кроме того:

Мне навредил новый донос, привычный для Моттолы. В нем утверждалось, что я и еще целая группа пленных в 171-м лагере принесли клятву верности Муссолини. Больше того, лагерь мы называли лагерем Дих³. Потом было еще много деталей о заговоре, который мы хотели устроить после возвращения в Италию⁴.

Несмотря предъявленные доказательства того, что Моттола, выдавая себя за офицера, пользовался уважением советской полиции и был ее доверенным лицом, суд приговорил его только за «преступное неподчинение, сопряженное с насилием, оскорблениями и угрозами в адрес вышестоящих офицеров»; он получил 18 лет заключения — впоследствии сокращены до 10-ти, — которое должен был отбывать в военной тюрьме в Гаэте. Суд при этом освободил его от наказания за доноительство и информирование советской администрации, поскольку «эти действия не образуют состава преступления»⁵.

¹ Accusato di tradimento dai compagni di prigionia // Momento, 26 апреля 1951 г.

² Там же.

³ Лат. форма «дуче».

⁴ Massa Gallucci. Указ. соч., с. 155, 159.

⁵ Sentenza del Tribunale militare territoriale di Milano contro Antonio Mottola, 8 мая 1951 г. // AUSSME, «Archivio P. Resta».

Заключение

Работая над этой книгой, мы хотели как можно полнее использовать новые источники, ставшие доступными благодаря открытию ряда бывших советских архивов, и пытались нарисовать общую картину судеб итальянских военных, оказавшихся в плену в СССР. Мы стремились воздать должное многочисленным жертвам этих трагических событий и, с другой стороны, способствовать историческому исследованию темы, которая до сих пор оставалась преимущественно в сфере мемуарной литературы или политической полемики.

Советские источники внесли значительный вклад в изучение многих аспектов проблемы. В частности, они позволили установить, каковы были действительные намерения сталинского режима в отношении военнопленных. Цель Сталина и советского партийного и военного аппарата заключалась в эксплуатации рабочей силы, предоставляемой многими тысячами пленных, в качестве предшественника и первоначального взноса в репарации, взимаемые за нанесенный войной ущерб. В последующий период советское руководство решило подвергнуть пленных психологической и политической обработке посредством антифашистских курсов с целью превратить их в надежных друзей СССР.

По крайней мере, до апреля 1943 г. условия в лагерях были исключительно тяжелыми. Это привело к крайне высокой смертности, которая поразила пленных всех национальностей, но особенно итальянцев: выяснилось, что смертность в 56,5 %, зарегистрированная среди итальянцев, являлось самой большой в абсолютном исчислении.

Из архивных источников следует, что НКВД выпускал множество приказов и распоряжений с целью улучшить условия содержания военнопленных: самым красноречивым примером является постановление,

подписанное Берией в мае 1943 г., когда, в том числе вследствие эпидемии тифа, смертность достигла высочайшего уровня. В то же время мы видели, что меры, предписанные властями, часто оставались на бумаге как по причине нежелания комендантов их принимать, так и из-за отсутствия необходимых медикаментов и оборудования. Столкнувшись с крайним недостатком санитарно-гигиенических и лечебных средств и со скудностью питания пленных, усиливавшейся постоянным воровством охранников и лиц, ответственных за распределение, коменданты обычно ограничивались чисто «бумажным» решением проблем. Поскольку принцип «нормирования», которым определялись все работы в советской системе концентрационных лагерей, устанавливал также и максимально допустимое число умирающих в расчете на один день, коменданты упорядочивали положение в своих лагерях, регистрируя умерших в данный день сверх нормы как умерших в другие дни или не регистрируя их вообще.

Документы также свидетельствуют, что советская компартия, Главное политическое управление Красной Армии и Коминтерн приложили огромные усилия к антифашистской работе с военнопленными. Методы и средства этой работы, в общем и целом, были одинаковы для всех пленных и дополняли опыт, приобретенный в Гулаге, а после 1939 г. — в отношении пленных поляков. Однако содержание значительно варьировалось в зависимости от идеологических убеждений заключенных. Пропаганда действовала очень эффективно среди пленных из стран — союзников Германии, особенно на начальном этапе, когда она преследовала антинацистские цели. При работе с хорватами и словенцами подчеркивалось их родство со славянским миром, тогда как итальянцам постоянно напоминали о том, что немцы и австрийцы — традиционные враги Италии. Инструкторы не упускали случая возложить исключительно на одних немцев ответственность за преступления и разрушения на оккупированной советской территории и освободить итальянский народ и самих пленных от каких-либо обвинений, обвиняя за участие Италии в нападении Германии на СССР только Муссолини.

Пропаганда против войны немцев с Советским Союзом легко воспринималась итальянскими пленными. Впрочем, у итальянских бойцов вообще отсутствовала серьезная мотивация: войска ARMIR ни эмоционально, ни идеологически не ощущали себя достаточно вовлеченными в войну. В отличие от итальянских интересов на Балканах, даже офицерам, наиболее близким к фашизму, цели Муссолини в кампании в России представлялись неясными.

Кроме того, многие солдаты и офицеры были ветеранами губительных кампаний в Албании, Греции и Югославии, и к этому деморализующему опыту добавился в России трагический разгром ARMIR.

Среди тех аспектов, на которые проливают свет советские документы о пропагандистской работе, нужно отметить отношения между пленными и эмигрантами-коммунистами. Последние говорили, что мир лагерей — это единственная связь пленных с родиной, но совершенно отличались от них своим языком и поведением, почти всегда стандартным. Некоторые оказались фанатичными пропагандистами и были готовы замучить наиболее упорно сопротивлявшихся соотечественников; другие мыслили трезво и осознавали необходимость перевоспитания в духе антифашизма и демократии; наконец третьи, великодушные и снисходительные, просто хотели выжить и были готовы помочь выжить пленным. За исключением Винченцо Бианко, в СССР не было других итальянских деятелей, работавших в советских учреждениях, которые бы хотели улучшить положение соотечественников, как все-таки поступали Вальтер Ульбрихт и русский инструктор Николай Янцен.

За время плена результаты пропаганды оказались незначительными по целому ряду причин. Из протоколов допросов следует, что среди итальянских пленных, как солдат, так и офицеров, многие сохраняли верность Муссолини. Успеху пропаганды мешал и фактор времени: сознавая, что пленные к ней не предрасположены, политуправление ускорило работу, организовав уроки на марксистские темы в двух антифашистских школах. В большинстве случаев приемы «промывания мозгов» породили, скорее, стену противостояния и отпора военнопленных. Язык пропаганды, звучавший на собраниях и уроках, хотя политуправление и рекомендовало умеренность, тоже, в конце концов, вызывал отвращение у пленных своими клише и запрограммированным оптимизмом насчет лучезарного будущего СССР.

Было заметно, что пропагандистская работа приводила к сильному контрасту между пленными-антифашистами и теми, кто им противостоял или оставался безразличен. Это явление имело свои последствия, которые ощущаются еще и сегодня в спорах о том, считать ли пленных, сотрудничавших с советской администрацией, участниками Сопrotивления или предателями.

Оценить результаты пропаганды в долгосрочной перспективе крайне сложно также и потому, что многие советские и итальянские источники еще остаются закрытыми. Не наблюдалось, разумеется, количественно значимых результатов, даже если и встречались случаи вступления

в коммунистическое движение — либо по убеждению, либо по соображениям выгоды. В целом антифашистская пропаганда заставила пленных осуждать не войну, а, скорее, военные действия и вообще всё пережитое в плену. Пропаганда ненамного изменила позиции массы пленных: как представляется, влияние проведенной политической работы среди вернувшихся из СССР пленных было незначительным. Пропаганда была особенно эффективной среди как уже сложившихся антифашистов, так и тех, кто видел в сотрудничестве с СССР и с ИКП возможность устроиться на работу после репатриации. Как уже говорилось, в послевоенной Италии — так же, как в Западной Германии — положение вернувшихся пленных было нелегким, если учесть, что они постоянно находились под пристальным контролем союзников, которые считали их подозрительными только потому, что они находились в плену в России.

Чтобы верно оценить поведение и поступки пленных, никогда нельзя забывать об ужасных условиях лагерей. Наряду с пропагандой само положение военнопленного вызывало перемены, не всегда политические, но обязательно психологические, которые волей-неволей пережили все пленные: от немногих озлобленных, ностальгирующих по фашизму, до самого конца мечтавших о немецком контрнаступлении и о примерном наказании советских «безбожников», до монархистов, верных присяге королю и родине, или же от антифашистов, получивших, наконец, возможность объявить себя таковыми, до оппортунистов, готовых прикнуться к коммунизму из страха или чтобы не умереть с голоду, и, наконец, до фашистов, обращенных в антифашизм на момент перерождения своей личности. При всем различии результатов плен для всех представлял собой ключевой момент всей их жизни.

Архивная документация высветила еще один предмет — нерешительное поведение итальянского правительства в вопросе о пленных в России. Если, с одной стороны, правительство успокаивало общественное мнение довольно двусмысленными официальными заявлениями, то, с другой стороны, его поведение в дипломатических переговорах с СССР было отнюдь не энергичным. Объективно это стало следствием слабой позиции потерпевшего поражение государства-агрессора, которое опасалось прямыми и настойчивыми требованиями относительно пленных подвергнуть риску соглашения по мирному договору. И все-таки итальянские власти не оставались совершенно бездейственными и, как свидетельствуют документы из американских архивов, несколько раз просили правительство Соединенных Штатов ходатайствовать по этому вопросу перед Кремлем.

Стало ясно, как влияло на вопрос о пленных участие ИКП в правительственной коалиции: тесная связь между ИКП и СССР препятствовала итальянским коммунистам занять независимую и решительную позицию.

Из советских источников тоже удалось почерпнуть новые сведения о плененных, удерживавшихся в СССР после 1946 г.: действительно, из документов НКВД, относящихся к 1947–1952 гг., обнаружилось, что их численность была больше принятой до настоящего времени, и что некоторые из этих плененных так и не репатрировались, хотя отсутствие поименного списка не позволяет нам установить их личности.

Наконец, просмотренные источники помогли выяснить причину, побудившую СССР отпустить итальянских плененных намного раньше союзников. Это решение было продиктовано проблемами снабжения лагерей.

В проблематике плененных в России, естественно, еще остаются вопросы. Например, один из наиболее острых вопросов касается роли, которую сыграли (если сыграли) побывавшие в плену антифашисты в армии и учреждениях Италии. Но чтобы найти ответ, нужно получить доступ к засекреченным до сих пор документам бывшего советского партийного архива (Российский государственный архив социально-политической истории), а в Италии — архива Исторического отдела Главного штаба, где хранятся личные дела военнослужащих. Но, может быть, еще нужно, как и всегда, чтобы время сделало свое дело и чтобы страсти угасти, а воспоминания уступили место истории.

Приложение.

Материалы и архивные документы

Табл. 1. Средняя норма питания для содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР¹

продукт	ежедневное количество в граммах на одного человека	
	количество	примечания
1. хлеб	700	для используемых на тяжелых работах
2. хлеб	600	для используемых на других работах
3. мука	10	
4. отруби — тесто	80	
5. мясо — мясные продукты	20	
6. рыба — рыбные продукты	60	
7. жиры (растительные и животные)	13	
8. сахар	10	
9. суррогатный чай	2	
10. натуральный чай	0,05	(только для больных)
11. картофель и зелень	400	
12. томатная паста	10	
13. сухофрукты	0,2	(только для больных)
14. картофельная мука	0,2	(только для больных)
15. перец	0,1	
16. лавровый лист	0,1	
17. соль	10	

¹ Приказ № 0463 от 3.12.1942. Источник: ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 119, л. 58. Оригинал. Совершенно секретно.

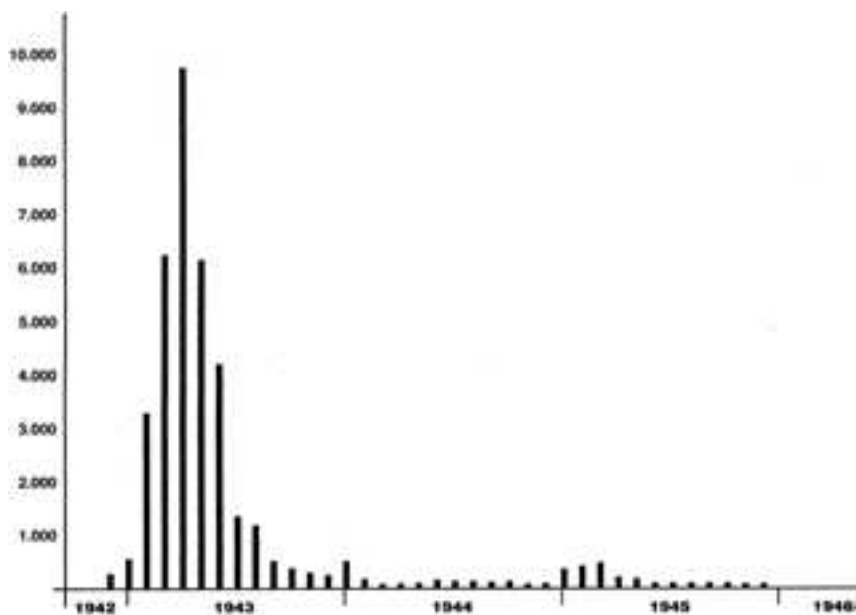

Рис. 1. Смертность итальянских военнопленных в советских лагерях по месяцам¹

¹ Ministero della Difesa, Commissariato di Onorcaduti. Указ. соч., с. 25.

Табл. 2. Ежедневные нормы питания военнопленных¹

Норма в граммах на одного человека в день			
Продукты	Норма № 1 для солдат и сержантов	Норма № 2 для офицеров	Норма № 3 для наказанных офи- церов в охраняемых помещениях
1. Пшеничная мука 2-го сорта	10	10	5
2. Крупа	70	80	50
3. Макароны изделия (макароны, вермишель)	10	20	–
4. Мясо	30	50	–
5. Рыба	50	50	–
6. Жир, любой	3	10	–
7. Растительное масло	10	10	5
8. Томатная паста	10	10	5
9. Сахар	10	20	–
10. Натуральный чай	–	0,1	–
11. Суррогатный чай	2	–	2
12. Соль	10	12	8
13. Лавровый лист	0,1	0,1	–
14. Перец	0,1	0,1	0,1
15. Уксус	0,7	1	–
16. Овощи (картофель, свежая капуста, кислая капуста, морковь, репа, лук, зе- лень, огурцы)	300–100 30–50–10 10	360–150 30–40–10 10	180–80 репа: 40
17. Мыло для всех нужд (в месяц)	200	200	–

¹ ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 133, л. 149 об. Оригинал. Совершенно секретно.

Таб. 3. Дислокация фронтовых лагерей (ФППЛ)¹

№ лагеря	местонахождение регион	номер директивы, дата открытия лагеря	номер директивы, дата закрытия лагеря	количество умерших
188	Тамбов Тамбовская обл.	00161 23.01.1942	00966 15.09.1947	8.268
56	Мичуринск Тамбовская обл.	00816 13.07.1944	00934 7.10.1949	4.234
58	Тёмников (Мордовия)	00982 12.06.1943	00593 5.06.1947	3.824
62	Некрилово (Воронежская обл.)	002597 23.11.1942	001645 октябрь 1943	2.191
81	Хриновая (Воронежская обл.)	00398 1.03.1943	00673 6.04.1943	1.566
137 1691 больничный лагерь	Вольск (Саратовская обл.)	00451 8.03.1943	00401 19.04.1948	1.229
2989	Камешково Владимирская обл.		май 1948	1.211
67/5	Босьяновка (Свердловская обл.)	00928 8.05.1942		1.185
2074 больничный лагерь	Пинюг (Кировская обл.)		май 1948	939
165	Талица (Ивановская обл.)	001735 28.12.1941	00914 12.10.1946	930
160	Суздаль (Владимирская обл.)	001735 28.12.1941	00914 12.10.1946	821
74	Оранки (Горьковская обл.)	0308 19.09.1939	074 3.02.1950	661
39	Рени (Одесская обл.)	001575 26.09.1943	00257 7.03.1945	429

¹ Документ, подготовленный НКВД и переданный советской стороной в «Commissariato di Onorcaduti» итальянского Министерства Обороны. Указ. лагуны соответствуют источнику.

Табл. 4. Смертность военнопленных итальянцев в России¹

1941			10	
1942	январь — ноябрь	76		
	декабрь	391	467	1 %
1943	январь	3.352		
	февраль	6.205		
	март	9.943		
	апрель	6.328	31.230	85 %
	май	3.985		
	июнь	1.417		
1943	июль	1.102		
	август	510		
	сентябрь	462		
	октябрь	424	3.308	9 %
	ноябрь	259		
	декабрь	551		
1944			777	2 %
1945			1.398	3 %
1946			39	
1947			6	
1948			3	
1949			–	
1950			3	
всего			37.241	100 %
умершие, дата смерти которых не установлена			2.786	
			40.027	

¹ *Итальянское Министерство Обороны — UNIRR (a cura di), Elenco ufficiale dei prigionieri italiani deceduti nei lager russi, supplemento al «Notiziario» UNIRR, II fascicolo, 1993. с. 6.*

Табл. 5. Военнопленные итальянцы во Второй мировой войне согласно докладу, представленному Комиссии ООН по военнопленным, 1958 (AUSSME)

страна, где находились пленные	численность пленных	численность репатриированных	процент репатриированных
Великобритания	420.322	414.710	98,7
США	125.533	125.373	99,9
Франция	68.267	67.194	98,4
Германия	641.954	606.306	94,4
Югославия, Румыния, Болгария, Греция, Швейцария	142.072	128.833	90,7
СССР (солдаты ARMIR)	70.000	10.087	14,4
СССР (итал. интернированные, взятые Красной Армией из немецких лагерей)	?	11.059	?

Табл. 6. Военнопленные из Германии и ее союзников по данным НКВД¹

национальность	численность пленных	численность репатрированных	число умерших в плену	процент умерших к общему числу пленных
<i>1. Военнослужащие Вермахта</i>				
немцы	2.388.433	2.031.743	356.687	14,9
австрийцы	156.681	145.790	10.891	6,9
чехи (и словаки)	69.977	65.954	4.023	5,7
французы	23.136	21.811	4.023	5,7
югославы	21.830	20.354	1.468	6,7
поляки	60.277	57.149	3.127	5,1
голландцы	4.730	4.530	199	4,2
бельгийцы	2.014	1.833	177	8,8
люксембуржцы	1.653	1.560	92	5,6
испанцы	452	382	70	15,4
датчане	456	421	35	7,6
норвежцы	101	83	18	17,8
прочие	3.989	1.062	2.927	73,37
всего (военнослужащих Вермахта)	2.733.739	2.352.672	381.067	13,9
<i>2. Военнослужащие армий союзных с Германией государств</i>				
венгры	513.766	459.011	54.753	10,6
румыны	187.367	132.755	54.602	29,1
итальянцы	48.957	21.274	27.683	56,5
финны	2.377	1.974	403	16,9
всего военнослужащих союзников Германии	752.467	615.014	137.453	18,2
всего пленных	3.486.206	2.967.686	518.520	14,8

¹ От 22 апреля 1956 г. // РГВА, ф. 1 р, оп. 32-б, д. 2, л. 8-9.

Документы

Документ № 1

Управление пропаганды и агитации
Август — октябрь 1941 г.

*Направляется копия обращения к итальянским солдатам военнопленных солдат Северино и Марлини и копии протоколов № 29 и 30 их опроса¹.
28 сентябрь 1941 г.*

ЦК ВКП (б)
Тов. Щербакову
от Дронова

Товарищи солдаты!

Мы, Фрал Северино и Пиэтро Марлини, солдаты 2 роты 18 батальона 3 Берсальерского полка находимся в плену у русских. Просим Вас сообщить нашим семьям, что мы, слава Богу, живы и здоровы...

Мы едем на работу и будем трудиться среди таких же, как мы, рабочих и крестьян.

То, что нам говорили, что русские мучают и расстреливают — есть ложь. Путем такой лжи нас одурачили и гонят на убой как скот.

Солдаты! Всё, что мы видим здесь, доказывает силу Красной Армии, авиации и артиллерии.

Русские солдаты дерутся геройски, поддерживаемые всем народом. Их поддерживает английский народ и индустрия США.

Нас гонят на верную смерть под снарядами и пули Красной Армии в угоду Гитлеру и продавшим ему руководителей Италии. Во имя чего мы воюем против русских, русских рабочих и крестьян? Пусть гитлеровцы сами идут в окопы. Они выезжают на наших спинах.

Наши головы и спины нужны для наших матерей, отцов, жен и детей, которые хотят нас видеть живыми и здоровыми.

Солдаты! Следуйте нашему примеру, брасайте оружие и сдавайтесь в плен.

Фрал Северино и Пиэтро Марлини

13.09.1941

Примечание: Подлинник этого обращения находится в Политическом Управлении в Армии

Начальник 5 отделения Инф. отдела

¹ Копия обращения к итальянским солдатам военнопленных солдат Северино и Марлини, Отдел Агитпроп, август-октябрь 1941 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 55, л. 28.

РУ Генштаба РККА
Майор Лапкин

Док. № 2

*Директива НКВД СССР № 248 о необходимости принятия мер по улучшении санитарно-бытовых условий содержания военнопленных*¹
Москва 15 мая 1943 г. Сов. секретно

Начальнику УНКВД

т. _____

Копия: Начальнику [вписывался номер] лагеря военнопленных

т. _____

Учитывая, что основная масса военнопленных, захваченных в плен зимой 1942–1943 гг., к моменту пленения оказались крайне истощенными, больными, ранеными и обмороженными, в связи с чем работа по восстановлению физического состояния военнопленных и ликвидация случаев заболеваний и смертности военнопленных до последнего времени не дала должных результатов, НКВД СССР в дополнение к ранее данным директивам предлагает:

Принять необходимые меры улучшения бытовых условий военнопленных. Привести в образцовое санитарное состояние жилые помещения и территорию лагеря. Обеспечить достаточную пропускную способность бань, дезокамер и прачечных, полностью ликвидировать вшивость среди военнопленных.

Улучшить лечение каждого в отдельности военнопленного.

Организовать дифференцированное лечебное питание для истощенных и больных.

Пропустить весь контингент военнопленных через медицинскую комиссию и освободить от работы с зачислением в оздоровительные команды ослабленных, выдавая им по 750 граммов хлеба в день с увеличением на 25 % питание впредь до полного восстановления трудоспособности. Для военнопленных, ограничено трудоспособных, установить снижение на 25–50 % нормы выработки с выдачей им полной нормы питания. Медицинское обследование военнопленных производить не реже одного раза в месяц.

Принять меры к полному и своевременному снабжения лагерей военнопленных всеми видами довольствия, в частности, овощами, витаминными продуктами и продуктами для диетпитания.

¹ ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 684, л. 396–397. Подлинник.

Обеспечить лагерь положенным нательным бельем и постельными принадлежностями в пределах потребности.

Для обеспечения проведения указанных мероприятий по предотвращению смертности и налаживания медико-санитарного обслуживания военнопленных начальнику УНКВД т. _____ лично выехать на место и принять меры по оказанию помощи лагерю.

О состоянии лагеря военнопленных и выполнении настоящей директивы начальнику УНКВД т. _____ регулярно докладывать в НКВД СССР через начальника по делам военнопленных генерал-майора Петрова.

Зам. Наркомата т. Круглову систематически проверять выполнение настоящей директивы.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР генеральный комиссар государственной безопасности

Л. Берия

*Помета внизу 2-го листа документа:
красным карандашом подпись С. Н. Круглова,
синим карандашом — С. С. Мамулова*

Док. № 3

Полный перечень вопросов «Опросного листа» образца 1944 г.¹

1. Фамилия
2. Имя
3. Отчество
4. Год рождения
5. Место рождения
6. Адрес до призыва (последнее место жительства перед призывом в армию)
7. **Национальность** [выделено в оригинале]
8. Родной язык
9. Какими еще языками владеет
10. **Подданство или гражданство**
11. Партийность
12. Вероисповедание (религия)
13. Образование: а) общее, б) специальное, в) военное
14. Профессия и специальность до службы в армии

¹ ГАРФ, ф. 9401, оп. 12, д. 201, том 12, л. 316. Документ опубликован также в: Всеволодов В. А. «Арифметика» и «Алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД-МВД СССР в период 1939–1956 гг. Указ. соч., с. 30.

15. Стаж работы по специальности
16. **В какой армии противника состоял**
17. Призван в армию по мобилизации или поступил добровольно
18. Когда призван (или поступил в армию)
19. Род войск
20. В какой (последней перед пленением) части служил
21. Матрикулярный номер
22. Чин или звание
23. Занимаемая должность в части
24. Какие имеет награды
25. Взят в плен или сдался добровольно
26. Когда взят (или сдался) в плен
27. Где взят в плен
28. Семейное положение (холост или женат)
29. Фамилия, имя и отчество жены и детей, их возраст, род занятий и точный адрес местожительства
30. То же отца и матери
31. То же братьев и сестер
32. Сословное положение отца
33. Социальное положение отца
34. Имущественное положение отца
35. Социальное и имущественное положение военнопленного
36. Проживал ли в Советском Союзе (где, когда и чем занимался)
37. Кто из родственников и знакомых проживает в СССР (их фамилии, имена, отчества, возраст, место работы, род занятий, местожительство)
38. Был ли под судом или следствием, когда, где, кем и за что осужден, где отбывал наказание
39. В каких других государствах бывал. С какого и по какое время, чем занимался
40. Перечислить подробно всю практическую деятельность до призыва в армию
41. Подпись военнопленного и дата заполнения опросного листа

Док. № 4

НКВД СССР¹Копия оригинала
Сов. секретно

Экз. № 2

7 марта 1944 г.

Товарищу Молотову В. М.

НКВД СССР сообщает, что по состоянию на 1 марта 1944 г. имеется 10.624 военнопленных итальянской армии, из них: генералов — 3, офицеров — 693, младшего начальствующего состава и рядовых 9.928 человек; 393 офицера являются членами фашистской партии и 163 членами фашистской молодежной организации. В лагерях НКВД находится 8.367 человек, в госпиталях НКО и НКЗ — 2.257 человек.

Нами получено 132 индивидуальных и коллективных заявления, подписанных свыше 1.000 человек с просьбой предоставить им возможность бороться против немецкой армии.

Из общего количества военнопленных итальянцев 150 человек окончили антифашистскую школу (из них 29 офицеров) и 259 человек антифашистские курсы.

Всего учтено антифашистов 2.700 человек.

Народный Комиссар Внутренних Дел
Союза СССР

(Л. Берия)

Док. № 5

*План мероприятий бригады
тт. Терещенко и Эдо [Д'Онофрио]²*

I. Цели мероприятия

1. Обеспечить проведение в лагерях №№ _____ обращений пленных в пользу создания «Национального Союза за свободную и независимую Италию» («Alleanza Nazionale per un'Italia libera ed indipendente» [вписано от руки]).

2. Выделить из среды пленных, — в качестве делегатов на всесоюзную конференцию — пламенных ораторов антифашистов и особенно лиц,

¹ Особая папка Молотова, ГАРФ, Ф. 9401, оп. 2, д. 69, л. 142. Письмо Л. П. Берия В. М. Молотову.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 21а, л. 154. Подлинник.

пользующихся большим авторитетом в глазах в/пленных или могущих быть полезными в деле создания «Национального Союза».

3. Использовать наиболее подходящих из выделенных лиц для обработки пленных других лагерей.

II. Организационное проведение мероприятий

ПЕРВАЯ СТАДИЯ — а) С помощью командования лагеря, инструкторов и антифашистских активистов, ВЫЯВИТЬ элементы, которые могут быть использованы как ИНИЦИАТОРЫ собраний и резолюций групп пленных и лагерной конференции, как возможные ДЕЛЕГАТЫ на все-союзную конференцию, как АГИТАТОРЫ и ораторы в данном лагере и в других лагерях. Выявить одновременно КОЛЕБЛЮЩИХСЯ (из авторитетных пленных), которых можно склонить в нашу пользу, а равно явно ВРАЖДЕБНЫХ (из авторитетных пленных), которых надо нейтрализовать.

б) Провести *индивидуальные* беседы тт. Терещенко, Эдо, инструкторов и антифашистских активистов со всеми выявленными и намеченными для соответствующей обработки пленными.

в) На основе выясненных, таким образом, обстановки, настроений пленных и практических возможностей, совместно с командованием и инструкторами выработать детальный план исследовательского проведения необходимых мероприятий. В зависимости от обстановки предусмотреть: либо предварительное проведение *собраний и митингов* отдельных различных *групп* пленных, или сбора их подписей под соответствующими резолюциями, либо *общелагерного* собрания, либо *конференции представителей* пленных всего лагеря.

ВТОРАЯ СТАДИЯ — а) Из надлежаще подобранных пленных, образовать «ИНИЦИАТИВНУЮ ГРУППУ», от имени которых и через представителей которой созываются собрания отдельных групп пленных, а затем общее собрание или конференция всех пленных.

б) Через «инициативную группу» провести выработку проекта резолюции общелагерного собрания или конференции пленных, а также наметить основных делегатов на всесоюзную конференцию.

в) Через эту же группу развернуть деятельность *СТЕННЫХ ГАЗЕТ* и бюллетеней на весь период подготовки конференции и выборов делегатов.

г) Провести общелагерное собрание, утвердить обращение и избрать делегатов. Одновременно для закрепления результатов развернувшейся массовой политической активности пленных и для углубления борьбы с фашистскими элементами среди военнопленных — создать и утвердить

на конференции — общем собрании «Комитет содействия Национальному Союзу» (5–7 чел.), в который провести или кооптировать пленных, подходящих для указанных целей.

ТРЕТЬЯ СТАДИЯ — а) Немедленно переслать в 7-й отдел тексты принятых в лагере резолюций обращений пленных, вместе с докладами тт. Терещенко и Эдо о проведенной основной работе в данном лагере.

б) Стараться одновременно развивать такую же подготовительную работу в соседнем лагере № _____ с привлечением выявленных и подходящих для этой цели в/пленных.

в) По завершении указанной выше, в п. 4, работы, выехать в Москву, обеспечив проезд в лагерь № 27 избранных в лагерях №№ ___ делегатов.

III. Политический подход к пленным и установки

При проведении указанной выше работы, следует исходить из того, что контингент пленных еще остается достаточно сильно насыщенным людьми либо целиком сохранившими фашистские воззрения (особенно среди офицерства), либо в известной мере находящимся под влиянием фашистских концепций, несмотря на то, что многие из первых и вторых порицают данную войну и союз с Германией.

По этим соображением, в данной работе следует *избегать антифашистского заострения* кампания.

Политическая задача движения за создание «Национального Союза за свободную и независимую Италию» состоит в том, что создать *политическую платформу*, объединяющуюся вокруг себя *всю основную массу* пленных и которая была бы направлена против участия Италии в войне с демократической коалицией.

Поэтому основными политическими лозунгами данной кампании являются:

1. Выход Италии из войны против англо-советско-американской коалиции;

2. Разрыв союза Италии с Германией, вынуждающий Италию продолжать войну против Англии, США и СССР.

Лозунг свержения правительства Муссолини должен идти последним и основываться на том факте, что по вине Муссолини начата, продолжается и не заканчивается эта война, и что всякое иное итальянское правительство, действительно, общенационального, а не фашистского характера, которое теперь образовалось бы в Италии, — положило бы конец войне против демократических стран и немедленно порвало бы гибельный для итальянского народа союз с Германией.

Война должна быть расценена как несправедливая, грабительская, чуждая духу, традициям и коренным интересам итальянского народа. Продолжение войны и оказание дальнейшей поддержки правительству Муссолини, защищающему интересы гитлеровской Германии, является бесполезным и не изменит уже определенвшегося проигрышного для Италии исхода войны. Продолжение войны, оказание так называемого сопротивления может лишь незначительно продлить агонию немецко-итальянских армий. Но ценой этой ничтожной затяжки явится полное разрушение итальянской экономики и опустошение страны. «Сопротивление» окажет также самое отрицательное влияние на условия мира, которые будут позднее предложены Италии.

В то же время, немедленное прекращение войны, разрыв союза с Германией и изгнание немцев из Италии сделали бы Италию другом держав антигитлеровской коалиции. Это самым положительным образом сказалось бы на условиях мира и позволило бы Италии получить всестороннюю помощь демократических государств в восстановлении своей экономики и в улучшении экономического положения страны и итальянского народа.

Все итальянские патриоты должны поэтому пойти по второму пути, пути спасения Италия и не останавливаться ни перед чем, смести все препятствия, стоящие на этом пути, в том числе и правительство Муссолини. Критика фашизма, выходящая за рамку указанных лозунгов и установок, не входит в задачи данной кампании и поэтому должна избегаться. Равным образом, должны избегаться и отрицательно-воспринимаемые определенными категориями пленных «резкие» выражение вроде: «фашистская тирания», «деспотизм», «варварство», «фашистские бандиты» и т. п.

Антифашистским активистам, через которых будут проводиться собрания и резолюции надо поэтому дать понять, что за ними остается право самой неограниченной критики фашизма и Муссолини, но что в данной кампании, которая должна охватить даже большинство *профашистски* настроенных пленных, их выступления должны ограничиваться рамками указанных 3-х лозунгов и указанных основных установок.

Того же следует придерживаться в резолюциях и обращениях в/пленных в связи с образованием «Национального Союза».

Док. № 6

Докладная записка

*об основных политических итогах обучения 4-го набора слушателей
антифашистской политшколы при лагере № 27/б НКВД СССР¹*

Совершенно секретно

22 мая 1944

[от директора школы Парфенова В. Ф. к Мануильскому Д. З.]

К началу учебы в школу было принято 525 антифашистов, в том числе 143 офицера.

Досрочно выпущено из школы, с направлением на фронт, 95 слушателей и в том числе 35 офицеров. Направлено на пропагандистскую работу со слушателями антифашистских курсов при Южском лагере — 15 человек. Исключено из школы по политическим мотивам и по другим причинам всего 39 слушателей, в том числе 20 офицеров.

Закончило школу 376 слушателей, из них 85 офицеров.

Обучение 4-го набора длилось 4 с половиной месяца. Занятия с указанным набором начались с 1 дек. прошлого года и закончились 20 апр. этого года. Программа пройдена полностью. Преподавались следующие предметы: Основа диалектического и исторического материализма, Политэкономика, Экономика Советского Союза и Новейшая история по странам.

В соответствии с задачами школы, вся работа слушателями направлена на подготовку последовательных антифашистов, вооруженных конкретными знаниями марксизма-ленинизма, воспитанных в духе марксистского мировоззрения: на подготовку и воспитание подлинных друзей Советского Союза и непримиримых борцов против фашизма. В области практической их деятельности, школа ориентировалась на подготовку антифашистов, способных выполнять агитационную и пропагандистскую работу по разложению армии противника на фронте, на подготовку антифашистов для работы среди населения противника. На первых порах пребывания в школе идейный и политический облик слушателей в общих чертах выглядел так:

Во-первых, внутренне в своей идеологии большая часть слушателей оставалась фашистами, они являлись лишь противниками отдельных действий фашизма, но считали позитивной фашистскую систему в целом.

По всем секторам наблюдался ярко выраженный антисемитизм. По национальному вопросу высказывались самые реакционные суждения и взгляды.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 77, д. 40, л. 4–9. Совершенно секретно.

Фашистская теория так называемого жизненного пространства находила немало сторонников по всем секторам.

Во-вторых, отношение к коммунизму преобладало явно отрицательное и в некоторых случаях даже резко враждебное.

Многие слушатели продолжали придерживаться фашистской концепции о «русском большевизме», продолжая рассматривать Советский Союз, как отсталую, малокультурную страну.

И когда слушатели узнали, что школа ставит своей целью воспитать их в духе марксистского мировоззрения, на это большинство их реагировало резко отрицательно. Некоторые, в особенности офицеры, открыто заявили, что они вовсе не собирались и не собираются стать материалистами, что в лагерях им говорили об учебе в антифашистской, а не в марксистской школе.

Характерно, что наиболее реакционно настроенные выдвинули лозунг: «приспособиться к обстановке», внешне принять ее, просидеть в школе в улучшенных, в сравнении с лагерями, условиях несколько месяцев, к тому-де времени закончится война, поедем домой, а там будем лишь весело вспоминать школу. Что касается существа преподававшихся в школе предметов, то наиболее реакционно настроенные слушатели указывали своим сотоварищам, что речь идет о «чистой большевистской пропаганде», содержащей много оригинального, что любопытно ознакомиться со всем ее содержанием, что такая возможность редко представляется и поэтому имеет смысл набраться терпения и проследить весь курс большевистской пропаганды. Сами же мы, мол, достаточно умны для того, чтобы проявить должную практичность и сохранить свое представление о вещах.

В такой своеобразной сложной обстановке умонастроений у слушателей начался учебный процесс. Преподаваемые предметы сплошь и рядом встречались с явным скептицизмом. Учебная литература многими из офицеров и даже солдатами «пробегалась» без серьезного желания вдуматься в ее содержание и проанализировать хотя бы отдельные проблемы. На лекциях и классных занятиях нередко ставились вопросы, выражавшие явные фашистские настроения, а иногда делались и открытые попытки опровергнуть цифры и факты, приводимые преподавателями. На классных занятиях наиболее активные антимарксистские элементы пытались даже доказать «научную несостоятельность» диалектического материализма и открыто защищать и капитализм, и фашизм, требуя «объективного анализа» их.

Еще более развязно вели себя реакционные элементы в общезитии, где они открыто иронизировали над школой и преподавателями, над

марксизмом и марксистской терминологией и даже издевались над отдельными слушателями, занявшись глубоким изучением материализма. Все частные разговоры основной массы слушателей и, прежде всего, офицеров в первый период учебы вращались вокруг «непорядков» в школе, причем отдельные недостатки раздувались до грандиозных размеров, обобщались и становились основой для враждебных оценок Советского Союза. С целью оздоровления обстановки, в конце декабря из школы исключили несколько человек, особенно разлагающе влиявших на слушателей. В частности исключили 4 офицеров итальянского сектора. Эта операция произвела отрезвляющий эффект. Сразу резко улучшилась дисциплина, общая активность на занятиях, сократились антимарксистские и антисоветские выпады. Однако подлинный политико-моральный перелом в умонастроениях и в идеологии слушателей начался лишь в январе. Общая дисциплина к концу января приняла в основном нормальный, подтянутый характер. Исчезли постоянные жалобы на бытовые условия, почти вовсе прекратились сколько-нибудь явные профашистские проявления. Наоборот, марксизм-ленинизм стал расцениваться даже в частных дискуссиях как подлинно серьезная, реальная наука, в защиту положений которой все большее количество и солдат и офицеров стало выступать открыто.

Что стимулировало этот идейно-политический перелом среди слушателей? Основными факторами его явились неотразимая сила самого содержания марксизма-ленинизма и благоприятный ход событий на советско-германском фронте, каждодневно подтверждавший реальность и непобедимость социализма, гигантскую жизненную мощь Советского Союза. К марту месяцу слушатели основательно ознакомились с диалектическим материализмом, политической экономией и историей в марксистско-ленинском освещении и были уже в состоянии в новом свете анализировать войну, международную ситуацию и положение в своих странах.

Важнейшим фактором перелома явились преподаватели, которые терпеливо, учитывая все социальные и национальные особенности каждого сектора, систематически проводили индивидуальную и групповую учебную и воспитательную работу с офицерами и солдатами. Преподаватели настойчиво, со всесторонней аргументацией, стремились преодолеть все изложенные выше основные реакционные проявления фашистской идеологии. В результате воздействия всех этих факторов уже в начале марта среди слушателей сделалось абсолютно непопулярным малейшее пренебрежение по адресу марксизма, коммунизма и Советского Союза.

Наоборот, сложилась атмосфера, в которой стало нормальным и естественным горячо защищать те или иные положения диалектического материализма, принципы коммунизма и превосходство Советского Союза. Весь март прошел под знаком нарастания симпатий к марксизму и Советскому Союзу у подавляющего большинства слушателей, под знаком развернутой самокритики и критики фашистской идеологии. <...>

Сталинские пятилетки показали им всю грандиозность великого строительства социализма, необычайный героизм и патриотизм советского народа, а равно и исключительных достижений СССР. Конкретная история дала слушателям всестороннее, наиболее полное понятие о всех сторонах жизни, борьбы и деятельности своих народов и народов СССР. <...>

Большую положительную роль в обучении и воспитании слушателей сыграли доклады слушателей по актуальным вопросам жизни своих стран. Эти доклады как бы дополняли курс новейшей истории, они помогали ориентироваться преподавателям во всем многообразии политической обстановки по каждой стране и явились важнейшим способом изучения слушателей. Важнейшим элементом воспитания антифашистов являлись самоотчеты слушателей. На собраниях заслушивались подробные биографии слушателей. Каждая такая биография показывала не только политический и моральный облик слушателя, но и все стороны социальных явлений каждой страны, положения классов, реакционную политику фашизма и т. п.

К концу учебы абсолютное большинство слушателей пришли с огромными внутренними сдвигами, с чрезвычайно большим идейным и политическим прогрессом. Можно без преувеличения утверждать, что как антифашисты все слушатели прогрессировали. Они не только поняли реакционную сущность фашизма и его идеологии, но и впитали в себя презрение и ненависть к нему и могут серьезно и обоснованно бороться против фашистов. Огромное большинство слушателей прониклось либо глубокими симпатиями, либо, во всяком случае, искренним положительным отношением к марксизму и Советскому Союзу. Можно не сомневаться, что значительная группа слушателей по прибытию на родину примкнула к коммунистическому движению. Значительно количество слушателей восприняли марксизм по-боевому, полны решимости бороться против фашизма с оружием в руках, они полны решимости бороться за осуществление подлинной народной демократии в своих странах.

<...> Можно с полной уверенностью сказать, что школа дала бы больший положительный эффект, если бы отбору кандидатов уделили большее внимание, которого она заслуживает по задачам, поставленным перед нею.

Док. № 7

*Докладная записка С. Н. Круглова В. М. Молотову
и секретарю ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкову о положении и настроении
военнопленных итальянцев¹*

Москва

5 апреля 1946 г.

№ 1282/к

Сов. секретно

Министерство иностранных дел СССР — т. Молотову В. М.

ЦК ВКП (б) — т. Маленкову Г. М.

По вопросам, изложенным в письме т. Пономарева от 27 марта 1946 г., о военнопленных итальянцах, содержащихся в лагерях МВД, сообщаю:

В лагерях МВД по состоянию на 1 апреля 1946 г. содержится 976 военнопленных солдат и офицеров итальянской армии в числе которых:

генералов	3
полковников	3
подполковников	9
майоров	21
среднего офицерского состава	652
сержантского и рядового состава	288
из них госпитально-больных	65

Военнопленные офицеры итальянской армии в количестве 494 чел. содержатся в лагере № 160 — г. Суздаль Владимирской обл. и размещены в здании бывшего монастыря. Состояние жилых помещений и питание военнопленных удовлетворительное.

Политические настроения военнопленных офицеров итальянской армии характеризуются стремлением их возвратиться на родину, но неопределенность своего положения и отсутствие регулярного поступления писем от родных вызывают отрицательные настроения, что дает возможность реакционной части военнопленных проводить провокационные измышления по отношению к Советскому Союзу.

15 января с. г. реакционно настроенная группа офицеров во главе с полковником Лонго пыталась отказаться от обеда.

180 военнопленных итальянских офицеров своевременно не вышли на обед и просили администрацию лагеря ответить, почему их не отправляют на родину, держат под охраной и нет писем с родины.

¹ ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 142, л. 109–110. Заверенная копия.

Принятыми мерами вопрос был урегулирован.

Никакой организованной голодовки в лагере не было.

Для проверки состояния лагеря нами в Суздаль командирован работник МВД СССР.

В соответствии с решением ГОКО № 9843сс от 13 августа 1945 г. оставшиеся в лагерях военнопленные итальянские солдаты 288 чел. нами через аппарат Уполномоченного по репатриации направляются в Одессу для последующей отправки на родину.

МВД СССР считает целесообразным освободить из лагерей и передать Уполномоченному по репатриации для отправки в Италию офицеров итальянской армии до капитана включительно, за исключением работников разведывательных органов и участников зверств.

Прошу Вашего решения.

Министр внутренних дел СССР

(С. Круглов)

Док. № 8

*Докладная записка С. Н. Круглова В. М. Молотову
о количестве итальянских военнопленных
в лагерях МВД СССР и репатриированных на родину¹*

Москва 25 мая 1946 г.

Сов. секретно

№ 2128/к

*Министру иностранных дел Союза ССР
т. Молотову В. М.*

По запросам Министерства иностранных дел от 17 мая с. г. № 598/1 и от 20 мая с. г. № 603/1 МВД СССР представляет сведения о военнопленных итальянцах.

1. Всего военнопленных итальянцев в лагерях МВД СССР для военнопленных по состоянию на 1 августа 1945 г. (к моменту постановления ГОКО № 9843сс от 13 августа 1945 г. — о репатриации части военнопленных) было 19.810 чел.

Кроме того, после 1 августа 1945 г. из бывшей фронтовой сети и рабочих батальонов МВС было дополнительно принято 1.400 чел. военнопленных итальянцев.

Из общего числа 21.210 чел., в соответствии с указанным выше постановлением ГОКО, в 1945 г. и частично в начале 1946 г. было передано органам репатриации для отправки на родину 20.145 чел. и умерло 160 чел.

¹ ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 142, л. 294–294 об. Заверенная копия.

В лагерях для военнопленных остались только офицеры и эсэсовцы, которые в соответствии с указанным постановлением ГОКО не должны были быть отправлены, а также часть больных итальянцев, подлежащих отправке, но задержанных в связи с невозможностью вывоза по болезни.

2. По состоянию на 15 мая с. г. в лагерях для военнопленных МВД СССР находится 905 чел., в том числе генералов — 3:

бывший командир 4-й Альпийской пехотной дивизии «Кунеэнсе» [в тексте: «Кунеезе»] генерал лейтенант Баттисти Эмилио Сильви [в тексте: Баттиси Эмилио Сильвис];

командир 156 территориальной пехотной дивизии «Винченца» генерал-майор Пасколини Этельвольдо Августо и

командир 3-й Альпийской дивизии «Юлия» генерал-майор Риканьо Умберто Алессандро [в тексте: Алессандро].

Старших офицеров от капитана и выше — 34, офицеров до капитана включительно — 649, рядовых и унтер-офицеров — 219.

3. Из общего числа находящихся в лагерях 905 военнопленных итальянцев, подготовлено для передачи органам репатриации и находятся в специальном лагере в Одессе — 740 чел., в том числе офицеров (до капитана включительно) — 600 чел.

Остальные итальянцы в количестве 165 чел., в том числе генералов — 3, офицеров — 34, служивших в «СС» — 113, больных — 15, находящихся в различных лагерях и, за исключением больных могут быть доставлены к пунктам передачи органам репатриации в Одессу в течение июня месяца с. г.

4. В числе итальянских военнопленных, подлежащих привлечению к ответственности как участники зверств над мирным населением — 17 человек, из них: генералов — 1, офицеров — 4, рядовых и унтер-офицеров — 12.

5. В связи с тем, что большинство итальянцев (740 из 905 чел.) сосредоточены в Одессе для репатриации, считал бы целесообразным их всех, включая и офицеров до капитана включительно, передать нашим органам репатриации для отправки на родину.

Министр внутренних дел Союза ССР (С. Круглов)

Эхо русских степей

Послесловие переводчика

В России нечасто говорят об итальянской агрессии во время Великой Отечественной войны: врагом был *немец*, а вовсе не растерянный, голодный и небритый «макаронник». Недоумение и суровое сострадание перед бездыханным телом солдата ARMIR звучит в талантливом стихотворении Михаила Светлова «Итальянец»: «Черный крест на груди итальянца, / Ни резьбы, ни узора, ни глянца, — / Небогатым семейством хранимый / И единственным сыном носимый... / Молодой уроженец Неаполя! / Что оставил в России ты на поле? / Почему ты не мог быть счастливым / Над родным знаменитым заливом? / <...> Никогда ты здесь не жил и не был!.. / Но разбросано в снежных полях / Итальянское синее небо, / Застекленное в мертвых глазах...» [1943].

В Италии же о Русской кампании опубликовано много — для итальянцев разгром в заснеженных донских степях, пленение и переходы *davaj* стали крупнейшим сюжетом ушедшего столетия, трагическим воплощением мифа о бескрайних и гибельных для чужеземцев просторах России, о «генерале-морозе» и загадочности души славян (зачастую спасавших от смерти незадачливых оккупантов).

Масштабы национальной драмы выражены в хотя бы такой статистике: из Италии на Восток отправилось 700 железнодорожных составов с солдатами, а вернулось лишь 17. Другие цифры: 230 тысяч мобилизованных воинов, 100 тысяч павших, 65 тысяч военнопленных — остаток от армии подсчитать нетрудно. Так плачевно закончился поход Муссолини на «защиту европейской цивилизации», поход, которого не желал даже Гитлер, не говоря о немецких военных специалистах, знавших, как тяжело завязана Италия на других фронтах. Смертью своих солдат в далеких степях дуче в итоге подписал смертный приговор самому себе.

Русский поход и его страшные последствия, включая плен, итальянцы стали осмысливать сразу после окончания войны. Сначала это были мемуары и журналистские очерки. Первой фундаментальной исторической книгой стала монография «*Italianzy Kaputt*» (1959), детально изложившая судьбу ARMIR. Обильно документированная, она страдала, впрочем, определенной тенденциозностью, ибо создавалась в разгар холодной войны и частично служила средством антикоммунистической пропаганды. За ней последовало множество других исследований: назовем лишь

несколько авторов, серьезно занимавшихся этой темой, — Арриго Пектакко, Пьер-Луиджи Бертинариа, Альдо Разеро, Джулио Бедески, Нутто Ревелли. Они в целом и частями воссоздали ход событий — от оправки первого солдата на Восточный фронт в июле 1941 года до возвращения последнего военнопленного в 1954 году.

Сложившаяся в итоге местная историография обычно выделяет четыре этапа Русской кампании: 1) победоносное продвижение итальянцев к Дону; 2) их стойкое сопротивление во время контратаки Красной Армии; 3) разгром и отступление; 4) плен и репатриация.

Именно последнему этапу и посвящена предлагаемая русскому читателю книга Марии Терезы Джусты (автор, впрочем, напоминает в контурных очертаниях и о первых трех этапах злосчастного похода).

Новейшая монография об итальянских военнопленных в СССР стала самым авторитетным и полным печатным источником на эту тему: ее отличие от предыдущих книг — широкая архивная база, включая российскую (прежде недоступную иностранным исследователям), а также безграничная мемуарная литература и материалы интервью. В итоге перед читателем — эпическая картина, запечатлевшая закат целой армии и скрупулезно воссоздавшая ее трагический финал.

Книга имеет четкую продуманную структуру, обоснованную на самой логике событий: после Введения, реконструирующего в общих чертах трагедию ARMIR, следует особая глава о том «моменте истины», когда солдат становился военнопленным. Подход историка обязывает обобщать мозаичные эпизоды и вскрывать их движущие силы, и Джусты подробным образом реконструирует собственно феномен военного плена и его «ипостась» в форме советского лагеря. Именно лагерь, его структуры и механизмы, его узкие жизненные пространства, стоит в фокусе повествования Джусты.

В советских лагерях погибла четверть первоначальной итальянской армии. Согласно официальным сведениям НКВД, в них содержалось 50 тысяч итальянцев; по данным ООН — 70 тысяч (среди которых, наверно, подсчитали и умерших во время т. н. переходов «давай» или в поездах); Джусты, после тщательных подсчетов, называет цифру поименную 64.500. На родину, согласно списку той же Джусты, вернулось из ARMIR 10.032 человека.

Отчего же такая высокая смертность в советских лагерях? Именно этот «проклятый» вопрос волновал не только родственников погибших, но и поколения итальянских исследователей.

Джусты, анализируя архивные данные, показывает, что советская сторона относилась к итальянцам, пожалуй, даже лучше, чем к пленным из

других стран — об этом говорится в первых строках нашего Послесловия. Основная причина их смерти — тяжкая зима 1942–1943 гг.: итальянцы гибли от голода, холода и болезней — точно так же, как гибли тогда советские граждане...

Особая, и новаторская глава книги посвящена коммунистической пропаганде, действовавшей среди заключенных. Ее главным инструментом служил журнал «Alba» [Восход], под редакцией членов Итальянской компартии.

Джусти уделила внимание и так называемым письмам Тольятти, публикация которых всколыхнула общественность Италии в начале 1990-х гг. — в них коммунистический лидер отрекался от своих соотечественников, попавших в беду. Однако вырванные из контекста и частично «подправленные» для той публикации, «письма», на наш взгляд, не могут служить доказательством «бессердечности и цинизма» Пальмиро Тольятти, а лишь показывают, что генсек, как ему было и положено, оставался верен марксистско-ленинскому учению — это разъясняет и профессор В. Заславский в своем Предисловии.

Завершает повествование Джусти анализ другого болезненного момента в истории итало-русских отношений: затяжная выдача пленных. И тут обычные для советской стороны скрытность и пренебрежение к личности породили множество мифов: итальянцы верили, что часть пленных осталась, по тем или иным причинам, в СССР. Многие советские зрители помнят киноуплощение этих легенд: необыкновенно убедительная Софи Лорен, что обивает пороги репатриационных комиссий и едет в Советский Союз на поиски пропавшего без вести мужа, солдата ARMIR, сыгранного Марчелло Мастроянни (фильм «Подсолнухи», режиссер Витторио Де Сика, авторы сценария Тонино Гуэрра и Чезаре Дзаваттини, при участии Георгия Мдивани, 1970 г.). Меньшую прокатную славу заслужил другой итало-советский фильм на ту же тему — «Они шли на Восток» (название на итал.: «Italiani brava gente» [«Итальянцы - молодцы»], 1964 г.). Ее авторы, режиссеры Джузеппе Де Сантис и Дмитрий Васильев, представили Русскую кампанию в виде массовой трагической эпопеи, соткав ее из многих самостоятельных киноэпизодов, в т. ч. и с пленением воинов ARMIR красноармейцами. Картина заканчивается гибелью отступающего солдата-итальянца, замерзающего в белоснежной степи...

Книга Марии Терезы Джусти вышла в 2003 г. в престижном издательстве «il Mulino», получив высокую оценку и публики, и специалистов. Почти сразу возникла идея познакомить с результатами подобного титанического исследования и русского читателя. Однако в итоге получился не перевод

монографии «I prigionieri italiani in Russia», а ее русская версия: автор опустила сюжеты, хорошо знакомые в СССР, акцентировав, напротив, внимание на малоизвестных для русской публики. После выхода в Италии книги прошло шесть лет, и Джусти включила в свою канву сведения из новых публикаций. Была расширена архивная база и иллюстративный материал.

Публикацию «I prigionieri italiani in Russia» представил в национальной прессе литератор Марио Ригони-Стерн (1921–2008), и не случайно — именно он. Очевидец разгрома ARMIР так пишет о процессе знакомства с текстом: «Постепенно чувство подавленности проходит и начинаешь вспоминать друзей, имевших несчастье сохранить жизнь на поле боя — с тем, чтобы ее потерять в товарных вагонах» («Tuttolibri de „La Stampa“», 15.11.2003). Однако Ригони-Стерн — не только ветеран-очевидец: трагической эпопее итальянцев нужен был собственный сильный и верный голос. И таковой обрел Ригони-Стерн, который сам признавался, что «стал писателем не по призванию, а по необходимости». Его первая военная повесть «Il sergente nella neve» [Сержант на снегу], написанная в 1953 году, поразила публику сдержанной мощью и искренностью. Писать повесть он стал в плену, причем плен у автора был не русский, а немецкий — после одностороннего нейтралитета Италии, ее бывший союзник Гитлер пошел на нее войною. Именно в нацистском плену, в 1943 году, Ригони-Стерн стал вспоминать Дон и бессмысленную гибель своих соотечественников. Творчество Марио Ригони-Стерна удивляет своей открытостью к России, и это вообще стало характерным для многих ветеранов кампании. Да, конечно, здесь, на Дону, писатель обрел фронтовой опыт, познал смерть, состоялся в качестве творца. Однако в его поздних «русских рассказах» проступают другие степные пространства — очищенные от смрада и дыма. Пролит кровь в русской степи, Ригони-Стерн как будто с нею породнился: как он сам признавался, духовно выжить после войны ему помогла поэзия Есенина.

К примеру классика современной итальянской литературы можно добавить пример классика итальянской русистики Пьеро Каццолы (он же — тонкий переводчик Лескова, Чехова, Толстого). Старший брат Каццолы, Эмануэле, младший лейтенант 52-го артиллерийского полка дивизии «Торино», был взят красноармейцами в плен, из которого не вернулся. Никаких известий о нем семья добиться не смогла — ни в каких инстанциях. Юный Пьеро ради возможности переписываться с советскими учреждениями выучил русский. Брата он не нашел, — тот умер в сибирском лагере в Шумихе — но обрел великую русскую культуру, пропагандистом которой Пьеро Каццола и стал в Италии.

* * *

Русского переводчика и итальянского автора познакомил и сподвигнул на совместный труд историк и социолог Виктор Заславский, профессор римского университета LUISS (Libera Università Internazionale degli Studi Sociali). Закономерным стало и приглашение его к написанию Предисловия к нашей новой книге. Оно, увы, стало одной из последних работ ученого, скоропостижно скончавшегося в Риме 26 ноября 2009 г.

Виктор Львович родился в Ленинграде в 1937 г., закончил истфак, а когда ему было чуть меньше сорока, в 1975 г. он эмигрировал на Запад, спустя несколько лет получив канадский паспорт (в Италии, где национальность и гражданство это синонимы, его даже называли в некрологах русско-канадским ученым). Уехать ему пришлось после того, как агенты КГБ обнаружили у него сочинения Солженицына: он был профессионально дисквалифицирован и стал экскурсоводом без каких-либо перспектив научной работы. Но и Канада не стала его второй родиной, несмотря на паспорт. Ею стала Италия, город Рим, куда он приехал вслед за своей итальянской женой Эленой Ага-Росси, где он многие годы преподавал и где вышли, на итальянском, его главные работы – не опубликованные еще на русском.

Виктор выпустил многие монографии, давая внимательный и честный анализ как современной России, так и ее недавнего прошлого. Однако и эти книги, к сожалению, не получили того резонанса, которого заслуживали – итальянцам, да и не им одним, важнее и интереснее мифы, нежели реальность. И в этом смысле Заславский, с его честностью не ангажированного независимого историка, часто шел против течения – быть может, и не по своей воле. Последние большие исследования Виктора Львовича, наконец-то, получили заслуженный резонанс: историк нащупал ахилесову пятую итальянской интеллигенции, ее увлечение советским мифом, бывшее доминантой в ее поведении. Одно из этих исследований – книга «Togliatti e Stalin» (Bologna: Il Mulino, 1997), написанная совместно с женой Эленой Ага-Росси, стала одним из важных источников и для монографии Марии Терезы Джусты.

* * *

В заключение как переводчик и редактор хочу выразить благодарность за помощь в подготовке книги своим коллегам Стефании Сини (Милан) и Андрею Бакулову (Москва), а также коллективу издательства «Алетейя» (Санкт-Петербург).

*Михаил Талалай,
Неаполь*

Указатель имен

- Агаменнони, П. 15
Ага-Росси, Э. 14, 257
Аладжани, П. 101, 192
Алексий, митр. 93
Амадези, Л. (Ловера) 135, 140
Аморетти, Дж. 131
Антониони, Э. 155
Анфоссо 205
Аполлонов, А. 36
Армеллини, К. 189
Аскари, О. 11
Ассеннато, Дж. 169
Астедьяно, Антонио 21, 115, 121
- Бадольо, П. 105, 113, 125, 126, 143, 145-149, 162, 223
Баки, Г. 193
Бакулов, А. 257
Барбеттани, Л. 192
Бартолоцци, А. 73
Басси, Дж. 15, 62, 68, 78, 95, 148, 175
Баттисти, Э. 21, 148, 150, 181, 192, 252
Бедески, Дж. 254
Белов, А. 131
Бельтраме, Р. 83
Берауди, Дж. 26, 203
Берия, Л. 54, 58, 67, 70, 75, 77, 80, 81, 104, 109, 110, 138, 148, 150, 168, 171, 197, 227, 240, 242
Бернардони, Б. 34
Берти, Дж. 131
Берти, У. 15
Бертинариа, П.-Л. 254
Бергольди, К. 131, 183, 194
Бианко, В. 7, 39, 48-53, 57, 73-75, 79, 100, 112, 118, 122, 131, 132, 133, 138, 141, 142, 228
Бигацци, Ф. 9
Бодини, Л. 103
- Бозио, Дж. 29
Болетти, Э. 193
Болелла (Боэлло), Ф. 192
Бонадео, А. 78, 98
Бономи, И. 162, 163
Боццини, В. 11
Боченина, Н. 105, 150
Бранкадоро, Дж. 15, 76, 134
Браски, Дж. 209
Бреви, Дж. 96, 98, 102, 192, 194, 196, 198
Брузаска, Дж. 210
Буббио, Т. 209
Бурцев, М. 39
Буцци, М. 118, 125, 147, 150
- Ванни, В. 100
Вентурини, Л. 27
Вера (Москелли), П. 136
Виале, Дж. 83
Вителло, В. 155
Вичентини, К. 15, 31, 45, 55, 91, 107
Воробьев, С. 158
Воронов, И. 133
Всеволодов, В. 47, 240
Вышинский, А. 41, 167, 173
- Гадзера, П. 105, 163, 164
Галаверна, Дж. 82
Галеота, И. 126
Галицкий, В. 36, 44
Гамбетти, Ф. 70, 85, 103, 126, 130, 207
Гарибальди, Дж. 149
Гарибольди, И. 20, 22
Гарри 22
Гарриман, У. 175
Гаспаротто, Л. 207-211, 220
Гвиди, М. 211
Гегель, Г. 50
Гитлер, А. 5, 17, 42, 129, 238, 253, 256
Голиков, Ф. 169, 207, 208
Гольдмахер 128
- Гори, Ф. 15
Гортани, М. 209
Горький, М. 141
Готтарди (Риццоли), Д. 155, 190, 213
Готтесманн 74
Готто 192
Грамши, А. 14, 15, 97
Грациоци, А. 15
Греко, Л. 131
Гриeko, Р. 141
Греч, Е. 135
Гудков, Л. 15
Гуццетти, Дж. 97
Гуэрра, Т. 255
- Дамиани 29
Девото, А. 264
Делла Рокка (Боска), М. 192
Деканозов, В. 174
Дель Альо, Дж. 191, 192
Денисов, И. 194
Де Барбери, П. 100
Де Гаспери, А. 5, 146, 209
Де Сика, В. 4, 213, 255
Дженнари, Э. 131
Джерманетто, Дж. 135, 141, 142, 155
Джусти, М.Т. 4-8, 254-257, 265, 266
Дзиджотти, Дж. 192, 198
Дзаваттини, Ч. 255
Дзаули 183
Дзингалес 18
Димитров, Г. 21, 39, 51-53, 75, 79, 88, 100, 121, 122, 131, 133, 151, 172
Ди Бартоломео, П.Д. 90, 91
Ди Витторио, Дж. 171, 172
Ди Джованни, С. 155
Ди Микеле, А. 11
Добровольская, Ю. 75
Д'Онофрио, Э. 14, 15, 99, 100, 113, 118, 121, 124, 125, 138, 140, 142, 147, 149,

- 150, 155, 159, 160, 198,
199, 221, 242
Дронов 238
- Есенин, С. 256
- Жданов, А. 39
Жирнов, Е. 9
Загоруйко, М. 55, 108
- Зайкин 185
Заславский, В. 8, 15, 255, 257
Зилли, В. 29, 67, 126
Зироне, Дж. 34
- Ибатуллин, Т. 44
Имбриани, Ф. 117
Иовино, Д. 192
Иоли, Дж.И. 192, 195
- Каваллеро, У. 17
Кадеду, Д. 137, 138
Казати, Л. 201, 202
Калькатерра 201
Кандела, Б. 28
Канджано, Дж. 192
Канева, К. 64, 78, 95
Каневари, Дж. 192
Капра, М. 202
Карнеев, Е. 31
Карелин, М. 69
Карузо, А. 10
Кассинис 42
Каццола, П. 256
Каццола, Э. 256
Квинтавалле 169
Кёплениг, И. 112
Ковелли, А. 209
Коделуппи, Л. 114
Кокки, А. 132
Кокуцца, Ч. 76
Конасов, В. 41
Кондаков 80
Корренти см. Тольятти
Корради, Э. 10, 11
Кортеше, Б. 208, 209
Корти, П. 264
- Костылев, М. 165, 182, 202,
204, 208
Краснов, П. 27
Крастин, Н. 69
Круглов, С. 56, 69, 78, 79,
88, 89, 171, 181, 190, 193,
240, 250, 251, 252
Крупеников, А. 14, 15, 92
Куарони, П. 5, 106, 164-167,
173, 174, 185, 210
Куарти, М. 194
Кумина, Дж. 28
Курато, А. 135, 155
Курач, И. 10
Кьявацца, К. 11
Кьяра, Дж. 97
- Лапкин 239
Лебедева, Е. 141
Лецицца, А. 175, 176
Ленин, Вл. 45, 123
Леоне, Дж. 192
Леричи, Р. 21
Лесков, Н. 256
Лозовский, С. 172
Лонго, Л. 129, 131, 141, 198,
199
Лонго (полковник) 78, 250
Лопьяно, А. 169
Лорен, С. 213, 255
Луссу, Э. 177
- Маленков, Г. 75, 78, 79, 250
Мальтальяти 75
Мамулов С. 240
Мангоне 29
Маннерини, А. 180, 218
Мануильский, Д. 39, 57,
120, 129, 131, 142, 151, 246
Маньяни, Ф. 192, 196
Марабини, Ансельмо 141,
155
Марабини, Андреа 141
Маркс, К. 123, 137
Марлини, Пьетро 238
Марсан, В.А. 15, 45, 95,
133, 156
- Мартелли, Г. 15, 35, 47, 71,
78, 95, 148, 184
Мартини, Ф. 15
Масса-Галлуччи, А. 62, 192,
196, 225
Мастроянни, М. 4, 213, 255
Маттеотти, Дж. 21
Мдивани, Г. 255
Мельников, Н. 131, 150
Мессе, Дж. 18, 20, 25, 43, 95,
163, 184, 185, 209
Мехлис, Л. 39
Микели, Дж. 164
Митирев, Г. 89
Молоотов, В. 13, 40, 75, 78,
79, 104, 108, 109, 111, 127,
138, 148, 151, 171, 172, 181,
190, 193, 197, 242, 250, 251
Монтаньяна, Э. 97
Монтаньяна, Р. 140
Моранино, Ф. 219-221, 223
Моттола, А. 192, 224, 225
Музителли, Г. 192
Муско, Э. 186, 191
Муссолини, Б. 4, 5, 7, 9, 10,
16, 17, 20-22, 50, 71, 113,
116, 121, 124-127, 141, 194,
205, 225, 227, 228, 244,
245, 253
- Наннини, Л. 47
Наполеон 17
Наши, Г. 21
Невежин, В. 25
Негрони, Дж. 204
Николай, митр. 93
Ньеро, А. 264
- Озелла, Дж. 192
Олеандри, Дж. 28
Орлов см. Терещенко
Оссола, Дж. 71, 72, 78, 79,
86, 87, 97-99, 127, 158, 181,
190, 213, 215
- Паллавичини, Т. 30, 63,
89, 90

- Паллотта, М. 165
 Пальмас, Дж. 27
 Парри, Ф. 99, 117
 Парфенов, В. 246
 Парфенова, М. 135
 Пасколини, Э. 150, 181, 192, 252
 Пассафьянко (Пассафьюме), Дж. 192
 Пасторе, О. 131
 Паулюс, Ф. 22, 23
 Педрони, М. 28
 Пенниси, С. 192, 195
 Петакко, А. 254
 Петров, Г. 52, 53, 74, 88, 107, 108, 134, 193, 240
 Пичини, У. 121
 Поликарпов 115, 116
 Пономарев, Б. 250
 Понс, С. 15
 Пьяцца, М. 66, 184

 Разеро, А. 254
 Раймонди 169
 Ракоши, М. 120, 170
 Реале, Э. 208
 Ревелли, Н. 254
 Регент, И. 75, 135
 Реджинато, Э. 65, 117, 192, 194, 195, 197
 Реста, П. 15, 195
 Риббентроп, И. 111
 Рива, М. 97
 Ригони-Стерн, М. 256
 Риканьо У. 150, 181, 192, 252
 Риццоли см. Готтарди
 Риччарди 97
 Риччо, М. 209
 Роботти, П. 14, 15, 97, 102, 118, 130-132, 135, 140, 148, 149, 155, 158-160, 182, 190, 198, 200, 203, 205, 209, 211, 212, 215, 220-222
 Рогов, И. 39
 Ромоли, К. 15, 68, 82
 Ронкато, Г. 124, 132
 Росси, М. 141

 Россо ди Сан Секондо, А. 18
 Роша, Дж. 265
 Рудаш, Е. 135
 Руденко, Н. 115
 Рузвельт, Ф. 94
 Руссо, Н. 192, 196
 Руффино, И. 10, 11

 Саблин, В. 38
 Савельева, Л. 213
 Саджезе, Р. 35
 Сала, С. 30
 Сандирокко, Л. 159
 Сандулли, А. 65, 76, 184
 Сантаньелло, А. 192
 Санто, З. 112, 133, 158
 Сардиско, Дж. 192
 Светлов М. 253
 Северино, Ф. 238
 Сергей, патриарх 93, 94
 Серени, Э. 190
 Сильви, Б.Э. 252
 Сини, С. 257
 Скальотти, Л. 193, 198
 Скотони, Дж. 9
 Скримин 66
 Солженицын, А. 58, 257
 Спада, В. 30
 Спольверони, С. 192
 Сталин, И. 13, 42, 44, 48, 49, 51, 52, 75, 93, 94, 108, 109, 114, 122, 138, 148-151, 168, 171, 172, 180, 197, 205, 226
 Станьо, И. 117, 192
 Суппа, Д. 192
 Суслов, М. 39, 209

 Талалай, М. 11, 15, 206, 257, 266
 Тардини, Д. 94
 Терещенко (Орлов), Н. 14, 15, 49, 96, 97, 99, 101, 113, 118, 129, 132, 135, 139, 141, 142, 156, 158, 242-244
 Толстой, Л. 256
 Тольятти, П. (псевдонимы: Э. Эрколи, М. Корренти) 7, 14, 17, 39, 48-50, 52, 53, 57, 97, 105, 120, 124, 125, 129, 131, 132, 140, 142, 144, 145, 147, 150, 151, 172, 182, 198, 199, 201-204, 219, 255
 Тонолини, В. 114
 Торре (Комолло Горели), М. 133
 Траина, А. 186
 Турла, М. 76

 Ульбрихт, В. 80, 112, 120, 158, 228

 Фазано, Дж. 192
 Ферранте ди Руффано, А. 175
 Ферретти, Д. 136, 153-155
 Филатов, Г. 17
 Финоккьяро, Э. 76
 Форести, О. 204
 Фоски, Ю. 136
 Франдзони, Э. 11, 15, 29, 47, 68, 94-101
 Франческони, М. 66, 184
 Фьямменги, Э. 99, 155
 Фьоре, Дж. 99

 Хрулев, А. 32, 151
 Хрущев, Н. 48
 Хьюбер, М. 40, 41

 Цоккаи, Л. 193

 Чано, Г. 17, 18
 Черрети, Дж. 135
 Чехов, А. 256

 Шелленбринда, Ч. 193
 Ширияев, Б. 205, 206
 Шлеммер, Т. 9

 Щевлягин, Д. 135, 136, 159, 160, 209, 211, 212
 Щербаков, А. 39, 115, 150, 151, 238

- Эдо см. Д'Онофрио
 Эйзенштейн, С. 25
 Эмет, И. 192
- Ага-Rossi, Elena 49, 94, 163,
 167, 182, 203, 204, 208
 Alagiani, Pietro 96
 Alfieri, Gabriele 26, 27
 Amadesi, Gino (ved.
 Amadesi, Luigi)
 Amadesi, Luigi (Lovera)
 206, 207
 Aquarone, Alberto 17
- Bacon, Edwin 44, 58
 Bedeschi, Giulio 22, 27, 103
 Bendotti, Angelo 91
 Beraudi, Gino 27, 121, 177,
 203
 Bertoldi, Corrado 58, 61,
 131, 194
 Bigazzi, Francesco 9, 191
 Bočenina, Nina D. 49, 53,
 105, 150
 Bohme, Kurt W. 41
 Bonadeo, Agostino 96
 Brevi, Giovanni 96, 102
 Brodskij, Jurij 59
- Calandri, Michele 142
 Caneva, Carlo 56, 65, 67,
 82, 85
 Cappellano, Filippo 19
 Caruso, Alfio 10
 Ceva, Lucio 18
 Ciano, Galeazzo 17
 Conti, Flavio Giovanni 98
 Corradi, Egisto 10
 Correnti, Mario (ved.
 Togliatti, Palmiro)
- D'Amico, Riccardo 203, 211
 D'Auria, Michele 96
 De Felice, Renzo 17
 Del Monte, Aldo 96
- Эрколи см. Тольятти
 Яковлев, Н. 163, 164, 183
- Di Michele, Alfonso 11
 Di Michele, Vincenzo 11
 Dimitrov, Georgij 51, 88, 172
 Di Nolfo, Ennio 94
 D'Onofrio, Edoardo (Edo)
 118, 124, 125, 147
- Einsiedel, von Heinrich 40
- Fedorowich, Kent 98
 Fehling, Helmut M. 82
 Ferretti, Danilo 136, 137, 149,
 153, 154
 Filatov, Georgij S. 17, 18
 Francesconi, Manlio 56, 66,
 74, 96, 179, 182
 Franzinelli, Mimmo 95,
 96, 98
 Franzoni, Enelio 100
- Gambetti, Fidia 61-63, 71, 85,
 103, 123, 126, 142
 Gasparotto, Luigi 211
 Gherardini, Gabriele 29, 31,
 33, 47, 77, 104, 175, 179,
 182, 183, 203
 Gini, Corrado 26
 Giusti, Maria Teresa 132,
 216, 267
 Gori, Francesca 172
 Gousseff, Catherine 109
 Gramsci, Antonio 49
- Huber, Max 40
- Iuso, Pasquale 172
 Ivanova, Galina M. 58, 84
- Kaminski, Andrzej J. 59
- Leoni, Pietro 96
- Janzen, H. 79, 133, 228
 Ярославский, Е. 39
- Lerici, Roberto 21
 Lopiano, Angelo 62, 68, 82,
 83, 86, 169, 176
- Malisardi, Settimo 63
 Mancini, R. 207
 Marcone, Giuseppe 152
 Massa Gallucci, Alberto 57,
 63, 105, 196, 225
 Messe, Giovanni 20, 25, 34,
 41, 43, 65, 66, 76, 95, 163,
 165, 178, 186, 209
 Mignemi, Adolfo 114
 Misiani, Simone 172
 Mola, Aldo 144
 Moore, Bob 98
 Moranino, Francesco 220, 221
 Morozzo della Rocca,
 Roberto 164
 Mottola, Antonio 225
 Musco, Ettore 183, 186, 191
 Mussolini, Benito 17, 267
- Nannini, Loris 45, 57
 Neciaev, Sergej 49
- Orlando, Salvatore 152
 Ossola, Giuseppe 71, 78, 86,
 97, 99, 124, 127, 130, 153
- Pepe, Adolfo 172
 Picciaredda, Stefano 40
 Pons, Silvio 51, 172
- Quaroni, Pietro 166, 167, 173,
 174, 210
- Rainero, Romain H. 95, 163,
 187
 Reginato, Enrico 66, 69, 90,
 105, 198

- Resta, Paolo 29
 Revelli, Nuto 28, 29, 64, 82, 83
 Rigoni Stern, Mario 29
 Risaliti, Renato 49
 Roberts, Geoffrey 42
 Robotti, Paolo 102, 132, 150, 159, 203, 211, 220, 221
 Rochat, Giorgio 17
 Roncato, Gaetano 125
 Rossi, Marina 37, 114
 Ruffino, Italo 10

 Saggese, Renato 35
 Sani, Roberto 95
 Schlemmer, Thomas 9

 Scotoni, Giorgio 9
 Stalin, Iosif 44, 49, 58, 173, 183, 257, 269
 Stefanile, Francesco 122

 Taylor, Philip M. 93
 Taylor, Richard 25, 114
 Tereščenko, Nikolaj I. 49, 96, 101, 119, 125, 130, 132, 134, 139, 141, 142
 Togliatti, Palmiro 17, 49, 132, 200, 257, 269
 Tomassini, Luigi 114
 Toscano, Mario 18
 Tumiatì, Gaetano 98

 Turla, Maurilio 77

 Valori, Aldo 18
 Valtulina, Eugenia 91
 Venturi, Marcello 74
 Vernassa, Maurizio 17
 Verucci, Guido 94
 Vicentini, Carlo 29, 31, 34, 61, 62, 68, 88, 102, 106, 183

 Zaslavsky, Victor 49, 182, 203, 204, 208, 270
 Zavatta, Armando 96
 Zhirnov, Evgenij 9, 191
 Zilli, Valdo 67

Указатель географических названий

- Абда 51
 Авеццано 159
 Австралия 167
 Австрия 105, 115, 186, 197, 208
 Адуа 50, 51
 Аквила 91, 159
 Актюбинск 81
 Албания 228
 Алма-Ата 75
 Англия (Великобритания) 113, 126, 236, 244
 Андижанская обл. 75
 Апулия 218
 Арнольдштайн 186, 188
 Афганистан 68
 Африка 51, 115, 164
 Болгария 115, 236
 Бари 117, 127
 Бассано-дель-Граппа 199
 Бекетовск 88
 Берлин 17, 116, 172, 176
 Болонья 11, 47, 68, 94, 101, 155, 203, 206, 264, 265
 Больцано 176, 204
 Босьяновка 234
 Брест 171, 176
 Буг 18

 Валуйки 23, 27, 30, 60
 Валь-д'Аоста 153
 Вашингтон 166
 Вена 183, 198
 Венгрия 17, 18, 197
 Венеция 11
 Виллако 198
 Владимир 217
 Владимирская обл. 234, 250
 Волга 30, 37, 81
 Волгоград (б. Сталинград) 6, 22-24, 36, 54, 67, 111, 115
 Вольск 234
 Вольтерра 211
 Воронеж 31
 Воронежская обл. 30, 234
 Гаэта 225
 Гибралтарский пролив 16
 Глазов 90
 Гориано-Валли 91
 Горький 69
 Горьковская обл. 30, 81
 Греция 16, 228, 236
 Губаши (Пермская обл.) 68
 Дарница 37
 Днепр 18

 Догали 50, 51
 Дон 6, 8-10, 19, 22, 23, 29, 30, 32, 36, 54, 67, 254, 256
 Донецк (б. Сталино) 19, 197, 198
 Дрезден 152
 Египет 164
 Елабуга 67
 Заволжье 68
 Ивановская обл. 55, 134, 234
 Индия 164
 Испания 154
 Истрия 127
 Казахстан 37, 58, 68
 Калитва 194
 Камешково 234
 Караганда 81, 194
 Карина 51
 Киев 18, 37, 93, 192, 195, 196, 198
 Китай 68
 Козельск 111
 Коканд 175
 Красногорск 15, 46, 55, 92, 114, 133-139, 155, 213
 Кунео 60
 Кыштым 128

- Латвия 55
Ленинград 75, 93, 257
Лечче 187, 218
Линц 183
Лоди 187
Лондон 165
Львов 10, 80, 171, 182
Люблин 166
Марамарош-Сигет 182, 183,
186, 188, 203, 214, 224
Марийская респ. 68, 102,
194
Мерано 176
Милан 89, 177, 187, 219,
221, 257
Миллерово 23
Минск 107
Миттенвальд 203
Михайловка 30
Мичуринск 56, 60, 64, 66,
76, 88, 234
Монте-Порцио-Катоне 55
Мордовия 51, 60, 68, 234
Моршанск 88
Москва 5, 11, 14, 15, 18, 30,
32, 41, 60, 68, 69, 74, 75,
92, 97, 100, 101, 105, 106,
114, 121, 128, 131-133, 135,
140, 143, 164, 165, 174, 175,
177, 185, 190, 191, 196, 201,
202, 204, 205, 208, 211,
212, 215-217, 239, 244, 250,
251, 257, 264, 265
Неаполь 187, 199, 253, 257
Некрилово 55, 56, 60, 91,
234
Николаевка 10
Новоград-Волынский 80
Новохопёрск 60
Нормандия 145
Одесса 166, 170, 174, 179,
181, 182, 191, 192, 224,
251, 252
Одесская обл. 234
Оранки 30, 43, 55, 56, 67, 68,
69, 99, 100, 101, 102, 125,
133, 154, 234
Осташков 111
Острогорск 60
Павия 199
Падуя 62
Пермская обл. 68
Персия 164
Пескантина 178
Пескара 211
Петриковка 18
Пиза 68
Пинюг 234
Польша 42, 111, 193, 208
Провиданка 197
Рени 234
Рим 8, 17, 45, 148, 156, 165,
174, 187, 257
Ростов 114, 174
Румыния 17, 18, 115, 182,
236
Салерно 144
Самарканд 75
Сан-Бенедетто-По 199
Санкт-Валентин 183
Сан-Ладзаро-ди-Савена 47,
71, 148
Санта-Бона 198
Свердловская обл. 68, 234
Сигет см.
Марамарош-Сигет
Соловки 59
Сольдерия 169
Спасозаводск 81
Старобельск 111
Стокгольм 116
Суздаль 37, 56, 67-69, 79, 86,
87, 96, 101, 106, 126, 127,
130, 136, 143, 148, 180,
192, 214, 215, 217, 219, 223,
224, 234, 250, 251
Суслонгер 102, 194
Суэцкий канал 16
Талица (Южа - Шуя) 91,
134-136, 139, 155, 156, 234
Тамбов (Рада) 35, 45, 55, 60,
62-64, 67, 68, 70, 76, 88,
89, 141, 146, 234
Тамбовская обл. 234
Тарвизио 184, 186, 189, 225
Татарская респ. 68
Ташкентская обл. 68
Тёмников 51, 60, 62, 64, 76,
88, 118, 172, 234
Тироль 107, 203
Тревизо 198
Трентино-Альто-Адид-
же 193
Триест 127, 216
Удине 176, 183, 186, 188, 189,
198, 206, 224, 225
Узбекистан 75, 175
Флоренция 187
Франкфурт-на-Одере 72,
176
Франция 16, 115, 236
Фриули-Венеция-Джу-
лия 127
Хабаровский край 55
Харьков 27
Хоботово 56
Хриновья 30, 56, 60, 62, 64-
69, 74, 76, 88, 91, 234
Челябинская обл. 128
Ченстохово 152
Шумиха 256
Югославия 115, 127, 193,
210, 216, 228, 236
Южа см. Талица

Сокращения

- ГКО/ГОКО: Государственный комитет обороны
- ГЛАВПУРККА: Главное политуправление Рабоче-Крестьянской Красной Армии
- ГУШВИ: Главное управление по делам военнопленных и интернированных
- ГУШОСДОР: Главное управление по строительству шоссежных дорог
- ИККИ: Исполнительный комитет Коминтерна
- ИКП: Итальянская коммунистическая партия
- ППВ: Приемные пункты военнопленных
- РГАСПИ: Российский Государственный архив социально-политической истории
- РГВА: Российский Государственный Военный архив
- СПВ: Сборные пункты военнопленных
- ЦАМО РФ: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
- AMG: Allied Military Government [Военное управление союзников]
- ARMIR: Armata Italiana in Russia [Итальянская армия в России]
- AUSSME: Archivio storico dello stato maggiore dell'Esercito [Архив Исторического отдела Верховного штаба армии]
- CARS: Comitato di assistenza reduci e sinistrati [Комитет помощи репатриантам и пострадавшим]
- CSIR: Corpo di spedizione italiano in Russia [Итальянский экспедиционный корпус в России]
- SIT: Servizio d'informazione alla truppa [Служба информации о личном составе]
- UNIRR: Unione nazionale reduci in Russia [Национальный союз ветеранов России]

Иконографические источники

Опубликованы иллюстрации из разных источников: некоторые снимки из фонда в 125 фотографий, сделанных лейтенантом Альдо Девото и им подаренных сослуживцу, альпийскому стрелку Паскуале Корти (автор выражает последнему благодарность за любезное предоставление их к печати).

Другие иллюстрации получены из Государственного российского архива кино- и фотодокументов (Москва), из Исторического архива Главного штаба итальянской армии, из собраний Карло Вичентини и автора.

Предвыборные афиши пересняты благодаря любезности Антонио Ньюро (Болонья).

Отзывы на книгу *I prigionieri italiani in Russia*

(Болонья: Il Mulino, 2003)

«Огромный шаг вперед в изучении перипетий итальянских военнопленных в России с 1941 по 1946 г. (и позднее), столь драматичных и широко обсуждавшихся. Перед нами, в самом деле, — первый цельный подход к материалу, при использовании новых важнейших инструментов исследований». — **Джорджо Роша**, историк, «Italia contemporanea», 2004, n. 235, p. 313–316.

«Пять лет работы в поездках между Италией и Москвой. Задача: изучить материалы, сохранившиеся в бывших советских архивах Коминтерна, министерств обороны и внутренних дел, увязав их с итальянскими материалами в архивах военного Главного штаба и Института Грамши. <...> Новизна исследования — описание массовой антифашистской пропаганды среди наших военнопленных, а также динамики лагерного быта. <...> Появятся другие книги на эту тему, но ни один исследователь не сможет обойти теперь эту книгу, столь документированную, умную и хорошо написанную». — **Серджо Романо**, политолог, посол Италии в СССР, «Panorama», 20.11.2003, p. 224–227

«Важная работа Марии Терезы Джусты — это результат тщательного поиска, позволившего явить на свет массу неизданных прежде документов (некоторые опубликованы в Приложении), переплетенных в тексте книги с воспоминаниями итальянских военнопленных и изложенных в последовательности острых проблем всей этой истории». — **Фабियो Беттанин**, историк, «L'Indice», 2004, n. 2, p. 20

«Джустини исследует новые российские источники, лишь недавно открытые для ученых — с тщанием, которое можно назвать любовным. Отсюда — панорама удивительных аспектов». — **Нелло Айелло**, журналист, «La Repubblica», 14.11.2003, р. 46–47.

«Постепенно чувство подавленности проходит и начинаешь вспоминать друзей, имевших несчастье сохранить жизнь на поле боя — с тем, чтобы ее потерять в товарных вагонах». — **Марио Ригони-Стерн**, писатель, ветеран Русской кампании, «Tuttolibri de „La Stampa“», 15.11.2003, р. 1.

«Отличие от других книг на эту печальную тему — новая архивная база, а также обширная мемуарная литература». — **Михаил Талалай**, историк, Ex-libris Независимой Газеты, 23 сент. 2004, с. 7.

Maria Teresa Giusti

I prigionieri italiani in Unione Sovietica

La decisione di Mussolini di inviare un'Armata, inquadrata nell'esercito tedesco il 10 luglio del 1942, fu dettata da due fattori fondamentali: i successi riportati dalla *Wehrmacht* durante la fase iniziale della campagna di Russia (intrapresa da Hitler il 22 giugno 1941 con il nome di 'Operazione Barbarossa'), ai quali aveva contribuito anche il Corpo di spedizione italiano in Russia (il CSIR); in secondo luogo, la volontà di rafforzare la presenza italiana sul fronte orientale per evitare che vi fosse un eccessivo sbilanciamento delle truppe a favore dei tedeschi. Fu così che l'Italia, passando da un contingente di circa 62.000 uomini — tanti erano gli ufficiali ed i soldati arruolati nel CSIR — decise di aumentare il suo impegno inviando alla volta del fronte orientale l'8 Armata costituita, secondo le fonti dell'AUSSME, da circa 230.000 uomini.

Tra dicembre e gennaio del 1942, nella seconda 'battaglia difensiva del Don', gli eserciti dell'Asse subirono una pesante sconfitta, dovuta a vari fattori, tra cui un fronte troppo esteso; lo scarso equipaggiamento militare; il carattere dell'ambiente operativo — un territorio amplissimo senza apprezzabili ostacoli naturali e quindi più adatto all'impiego di forze motorizzate di cui l'Armata non disponeva; il clima, che costituì il fattore determinante per l'esito del conflitto.

La storiografia italiana si è dedicata poco all'argomento relativo all'Armata e alla sorte dei prigionieri catturati dopo quella terribile offensiva. Il silenzio da parte degli storici italiani su tale questione è grave, soprattutto se si considera il divario enorme che si registrò, al momento del rimpatrio, tra il numero dei dispersi della campagna di Russia e il numero dei rimpatriati, e tanto più che il fatto, negli anni del dopoguerra, ha prodotto denunce, ha alimentato accese polemiche e una seguita campagna di stampa.

La mancata disponibilità delle fonti di parte russa, fino a qualche anno fa, ha impedito di conoscere aspetti parzialmente noti o del tutto ignoti sulla prigionia dei militari nell'Urss durante la seconda guerra mondiale. Uno di questi è costituito dalla questione relativa all'alta percentuale dei prigionieri deceduti nella fase di trasferimento dal fronte ai campi di prigionia. Sino ad oggi nella pubblicistica sulla campagna di Russia si era accreditata la versione secondo la quale l'alta mortalità tra le unità dell'Armata si dovesse attribuire alla lunga ritirata, alle battaglie con le unità sovietiche, che sbarravano spesso il cammino verso sud-ovest, alle condizioni climatiche e all'abbigliamento scadente per il clima russo. Questa spiegazione è attendibile, ma

parziale. Alla luce della documentazione esaminata, invece, è emerso che su 95.000 uomini assenti al momento della conta dopo la ritirata della campagna di Russia, almeno 70.000 sono morti in prigionia. Sui 95.000 mancanti, i reduci, come è noto, furono soltanto 10.030. Di 70.000 assenti dati per dispersi, 40.000 circa sono morti nei campi di prigionia sovietici, una cifra altissima, desunta dai dati inviati soltanto negli anni '90 dal governo russo al ministero della Difesa. Gli altri, circa 30.000, sono morti in combattimento oppure durante le faticose marce o nei trasferimenti in treno. Grazie alle testimonianze dei sopravvissuti, ora si può affermare che almeno 22.000 prigionieri di guerra italiani sono morti nella fase di trasferimento nei campi, a piedi e sui vagoni merci dove furono ammassati.

Tra il dicembre e il gennaio del 1942-1943, quando l'Armata Rossa catturò il maggior numero di prigionieri di guerra italiani, la preoccupazione principale dell'esercito sovietico era quella di condurre i prigionieri nei campi, allontanandoli dalla zona del fronte, impiegando il minor sforzo possibile e il minor dispendio di uomini, dal momento che tutte le forze erano impegnate a respingere gli eserciti dell'Asse. L'indifferenza e la grave negligenza dimostrate in questa fase verso i prigionieri di guerra, erano giustificate dal principio che questi ultimi rappresentavano i «nemici del popolo sovietico»; inoltre, i tedeschi in particolare si erano macchiati di violenze e atrocità sia verso i prigionieri di guerra sovietici sia verso i civili nelle zone occupate.

Secondo le testimonianze raccolte (tra cui le relazioni di ufficiali rilasciate ai distretti militari dopo il rimpatrio), i feriti catturati venivano di norma fucilati dalle scorte; stessa sorte toccava spesso ai prigionieri tedeschi, a volte anche agli ufficiali italiani. Durante le marce, i prigionieri non furono nutriti quasi mai; essi poterono contare solo sulla pietà dei civili russi, di qualche anziano o di qualche donna che offriva loro quel poco che aveva. Ai prigionieri incolonnati era proibito uscire dai ranghi: chi lo faceva o chi rallentava veniva 'finito' dalle guardie di scorta, altrimenti, era condannato alla morte per assideramento. Come risultato, le colonne dei prigionieri arrivavano alle stazioni ferroviarie già dimezzate. Nella fase di trasferimento in treno, i prigionieri furono ammassati su vagoni di treni merci in ottanta o cento, laddove c'era posto per quaranta persone soltanto. Il cibo, scarsissimo, veniva dato saltuariamente, lanciato da terra attraverso il portello aperto all'interno dei vagoni. La mancanza assoluta di igiene scatenò le prime epidemie di tifo e di dissenteria che si sarebbero diffuse senza che i russi potessero trovare rimedi, e contagiando anche i civili. Oltre a ciò, le ferite non curate, le polmoniti provocarono la morte a centinaia dei prigionieri.

Una volta arrivati nei campi di smistamento, i prigionieri erano censiti, dunque, solo dopo le morie che si erano verificate fino a quel momento. Nei campi di smistamento le condizioni non migliorarono, almeno fino all'aprile del 1943. In uno di questi, Tambov, l'indice di mortalità tra gli italiani raggiunse nel marzo del 1943 l'85 % circa. Stando ai dati del NKVD, l'indice di mortalità generale dei prigionieri di guerra italiani fu il più alto in assoluto, rispetto ai prigionieri di tutte le altre nazionalità: il 70 % circa.

Dopo una fase iniziale di completo caos, dovuto anche all'enorme numero di prigionieri catturati e alla cattiva organizzazione, il sistema di gestione dei prigionieri si andò gradualmente perfezionando e burocratizzando, al punto che negli ospedali militari venivano redatte cartelle cliniche precise su ciascun prigioniero ricoverato.

Un altro aspetto nuovo, che emerge dalla documentazione inedita, raccolta negli archivi russi — e che costituisce la seconda parte della ricerca —, è quello relativo all'attività di propaganda antifascista, marxista-leninista che veniva svolta tra i prigionieri. La documentazione fondamentale, che si basa su fonti inedite dell'ex Archivio centrale del Partito comunista sovietico (RGASPI), rivela quanto fosse organizzata l'attività di propaganda tra i prigionieri di tutte le nazionalità. Tale organizzazione prevedeva la convocazione di assemblee dei prigionieri, raggruppati per nazionalità, e la messa a punto di programmi che stabilivano le materie da insegnare nelle due scuole antifasciste che erano state create dal NKVD. Lo scopo della propaganda politica tra i prigionieri era quello di educare al socialismo e al comunismo i prigionieri di guerra storditi dall'ideologia fascista e di formare dei veri e propri 'attivisti', i futuri 'agitatori' dei partiti comunisti dei paesi di origine. Al lavoro di propaganda tra i prigionieri, partecipavano, insieme ai commissari politici, gli esuli dei partiti comunisti che si erano rifugiati nell'Urss. Per gli italiani, il responsabile all'interno del Komintern del lavoro di propaganda era Vincenzo Bianco, uno dei funzionari del Pci. Vi erano responsabili per i prigionieri di ogni nazionalità, e tutti facevano riferimento a Georgij Dimitrov — capo del PC bulgaro — e a Palmiro Togliatti, rispettivamente a quell'epoca primo e secondo segretario del Komintern.

I rimpatri dei soldati dell'Armia presero il via dal settembre 1945, invece gli ufficiali tornarono in Italia a partire dal luglio 1946. Alcuni furono trattenuti con l'accusa di aver commesso crimini di guerra durante il periodo dell'occupazione e rimpatriati negli anni '50; gli ultimi nel 1954 dopo la morte di Stalin.

Negli anni di guerra e nell'immediato dopoguerra, per motivi diplomatici — in particolare, la questione del trattato di pace — si evitò di parlare

della campagna di Russia e dei reduci dell'Armir, sebbene le molte famiglie interessate facessero numerose richieste alle Autorità italiane per conoscere la sorte dei propri cari. I reduci della prigionia nell'Urss non poterono più parlare dell'esperienza vissuta perché il clima politico in Italia era radicalmente cambiato: c'erano nuove alleanze — fino al '47 il Pci rimase nel governo di coalizione con la DC e il Partito socialista — e nuovi interessi, sia di politica interna che internazionale; inoltre, i combattenti dell'Armir furono accusati di far parte di una 'armata fascista'. Insomma, dopo il danno anche la beffa.

I soldati e gli ufficiali dell'Armir si erano impegnati in una guerra assurda, pronti a obbedire fino all'ultimo anche agli ordini più insensati, dei comandi italiani e tedeschi. Molti, è vero, partirono volontari, ma tantissimi non scelsero di propria iniziativa di combattere sul fronte orientale. I documenti oggi ci aiutano a ricostruire quei giorni, a leggere in quelle sofferenze, e anche a scrivere senza pregiudizi per evitare di trasmettere una storia incompleta e lacunosa. Con il presente volume, del resto, si è voluto offrire un quadro più chiaro sull'argomento, non con l'intento di riaprire polemiche ormai chiuse e ferite rimarginate, ma piuttosto per tenere viva la memoria di una triste pagina del secondo conflitto mondiale e per rendere giustizia a quanti hanno narrato, inascoltati, i loro ricordi, e alle migliaia di soldati, morti combattendo o in prigionia, che non hanno potuto raccontare la loro storia.

Questo volume non è la semplice traduzione dell'edizione *I prigionieri italiani in Russia* pubblicata per il Mulino (Bologna) nel 2003. Esso costituisce piuttosto un'altra versione di quel testo: per il lettore russo abbiamo pensato di illustrare e ampliare alcuni aspetti meno noti in Russia e conosciuti invece in Italia, soprattutto relativi alla propaganda e alle relazioni diplomatiche sul rimpatrio dei prigionieri. Al contrario, sono stati omessi quei tratti della campagna di Russia e della realtà dell'epoca, conosciuti al lettore russo e già argomento di numerose pubblicazioni in Russia. Il volume si è inoltre avvalso degli ultimi dati e delle informazioni provenienti dalla più recente storiografia e dalla memorialistica pubblicate in Italia dopo il 2003, nonché di nuove fonti bibliografiche. Il materiale iconografico proposto è nuovo e l'indice delle località aggiornato. Infine, il volume propone i contributi degli storici Victor Zaslavsky e Michail Talalay che, rispettivamente autori dell'introduzione e della postfazione, hanno arricchito questa edizione con osservazioni competenti e suggestioni autorevoli.

Содержание

<i>Виктор Заславский. Предисловие</i>	5
Вступление	9
<i>Введение. Трагедия ARMIR</i>	16
<i>Глава первая. От пленения до интернирования</i>	25
<i>Глава вторая. Россия и военнопленные</i>	38
<i>Глава третья. В лагерях</i>	54
<i>Глава четвертая. Антифашистская пропаганда</i>	111
<i>Глава пятая. Репатриация</i>	162
Заключение.....	226
<i>Приложение. Материалы и архивные документы</i>	231
<i>Михаил Талалай. Эхо русских степей</i>	253
Указатель имен	258
Указатель географических названий	262
Сокращения	264
Иконографические источники	264

Мария Тереза Джусти
Итальянские военнопленные в СССР
1941–1954

Предисловие
Виктор Заславский

Авторизованный перевод с итал., научная редакция и послесловие
Михаил Талалай

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *О. С. Михалёв*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 10.08.2009. Формат 60x88 1/16
Усл. печ. л. 17. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №